

АТАМАН
КАЛЕДИН

К 135-летию со дня рождения
Алексея Максимовича Каледина

АТАМАН ВАЛЕДИН

Издательство ЗАО «Книга»
Ростов-на-Дону
1997

ББК 84Р7
А 92
ОКПОК 953000

*Авторы выражают благодарность
Николаю Леонидовичу Вечтомову
за финансовую поддержку при издании
этой книги.*

А 92 Атаман Каледин. – Ростов-н/Д: ЗАО «Книга»,
1997.-160 с. илл.

ISBN 5-87259-058-X

Книгу составили два различных по жанру и способу освоения материала произведения, посвященных одному историческому лицу – виднейшему деятелю белого движения в России Атаману Всевеликого Войска донского А.М. Каледину. Историческое повествование М.Астапенко «Атаман Каледин» – фактически первая наиболее полная биография знаменитого атамана. Пьеса Е.Корнилова «Последний день атамана Каледина», как явствует из самого названия, посвящена моменту трагической гибели героя. По этой пьесе в Ростовском академическом театре драмы им. М.Горького в 1996 году был поставлен спектакль «Честь имею».

ББК 84Р7

ISBN 5-87259-058-X

© «Атаман Каледин».
М.П. Астапенко, 1997
© «Последний день атамана
Каледина». Е.А. Корнилов, 1997

МИХАИЛ АСТАПЕНКО

АТАМАН КАЛЕДИН

Историческое
повествование

Светлой памяти отца моего
АСТАПЕНКО ПАВЛА МАКСИМОВИЧА
(1897 – 1985),
русского воина,
участника Брусиловского (Луцкого) прорыва
ПОСВЯЩАЮ

Глава первая

КАЗАК, ОФИЦЕР, ГЕНЕРАЛ

Всегда и везде он был выдающимся...

Генерал С. В. Денисов

В бурной и многопластовой истории донского казачества и России есть выдающиеся личности, которые вызывают искреннее уважение, поклонение и восторг у одних и активное неприятие – у других. Таким был и останется генерал русской армии, донской Войсковой атаман *Алексей Максимович Каледин* – человек, бесспорно, талантливый, выдающийся, честный, но сложной и противоречивой судьбы...

Он родился в год отмены крепостного права в России, 12 октября 1861 года*, на хуторе Каледине станицы Усть-Хоперской Усть-Медведицкого округа Земли Войска Донского (с 1870 года – Область Войска Донского). Интересно отметить такую деталь: через год после рождения Каледина на пост донского Наказного атамана вступил генерал П. Х. Граббе, внук которого М. Н. Граббе станет последним донским Наказным атаманом, и на этом посту, но уже в качестве Войскового атамана, его сменит Алексей Каледин.

Его дед, майор русской армии Василий Максимович Каледин, храбро сражался в казачьем корпусе «вихорь-атамана» Матвея Ивановича Платова против французов в период напряженнейшей борьбы с армией Наполеона

* Здесь и далее даты даются по старому стилю, за исключением особо оговариваемых случаев.

в 1812–1814 годах и в одном из последних боев потерял ногу.

Отец будущего генерала и атамана, Максим Васильевич Каледин, «полковник времен Севастопольской обороны» (по другим данным – войсковой старшина, что соответствовало армейскому званию подполковника) сумел передать сыну свою любовь к родному краю, к военному делу, которому сам посвятил всю свою многотрудную жизнь.

Мать Каледина была простой казачкой и горячо любила своего сына, холя малютку и напевая ему казачьи колыбельные песни. «Вот то зерно, из которого и вырос облик белого вождя и атамана», – отметил один из официальных биографов Каледина.¹

Интересно отметить, что в число родственников Каледина входил и Федор Подтелков, доводившийся ему сватом. В 1918 году он предстанет перед атаманом непримиримым и беспощадным врагом – большевиком.²

У Каледина имелся родной брат Василий, в годы Первой мировой войны командовавший 12-м Донским казачьим полком.³ К февралю 1917 года он уже имел генеральский чин.⁴

* * *

Успешно окончив Усть-Медведицкую гимназию, среди известных выпускников которой были писатели Федор Крюков и Александр Серафимович (Попов), а также командарм красных Филипп Миронов, Каледин, не без влияния отца, выбрал военную стезю и поступил в Воронежский кадетский корпус имени Великого князя Михаила Павловича. Произошло это в 1872 году.

Восемь лет прошли в напряженном труде, и в 1880 году новоиспеченный вице-унтер-офицер Алексей Каледин рапортовал своему отцу об окончании корпуса. На семей-

¹ К словам, отмеченным цифрой, примечания см. в конце книги на с. 152

ном совете было решено, что Алексей продолжит учебу во 2-м Константиновском артиллерийском училище. Так оно и произошло.

«... Будучи кадетом и юнкером, – говорится в одной из биографий Алексея Максимовича, – Каледин отличался строгим взглядом на жизнь и большой серьезностью ... Однако его серьезность нисколько не мешала сыскать ему множество друзей, искренне уважающих его».⁵

Завершив учебу в Константиновском училище, Алексей Каледин поступил в Михайловское артиллерийское училище, откуда был выпущен хорунжим в Забайкальскую казачью бригаду, дислоцировавшуюся в городе Чита. Службу на батарее Каледин совмещал с усиленной подготовкой к поступлению в Николаевскую Академию Генерального штаба, престижнейшее для каждого русского офицера учебное заведение.

В 1885 году, успешно сдав нелегкие экзамены, Алексей Максимович стал слушателем Академии Генштаба. И снова потянулись годы напряженной учебы, ибо, чтобы освоить сверхтрудный курс Академии, помимо таланта требовался еще и каждодневный упорный труд... У Каледина наличествовало и то, и другое.

«Он везде и всегда был выдающимся, – писал об Алексее Максимовиче командующий Донской армией генерал-лейтенант С. В. Денисов. – Его нравственный облик всю жизнь был примером для окружающих. Он обладал исключительным моральным авторитетом. Всегда – задумчивый и серьезный. Редкая его улыбка была праздником для близких и окружающих».⁶

По первому разряду окончив Академию Генерального штаба, Каледин был оставлен служить при ней – честь, которой удостаивались только наиболее талантливые офицеры. Однако Алексею Максимовичу хотелось испытать себя на службе вне столицы, в войсках, и вскоре он получил назначение в Варшавский военный округ, «который в те дни выделялся своей подготовкой».

Искренняя любовь к родному краю, желание послужить Дону-батюшке потянули его на родину, и в 1895 году в чине подполковника Каледин перевелся в Новочеркасск, став помощником начальника Войскового штаба. В этой должности он прослужил пять лет, создав «на Дону калединскую эпоху порядка».⁷

Потом были три года службы на Кавказе в качестве начальника Резервной пехотной бригады, после чего, уже будучи полковником, Каледин снова вернулся на берега родного Дона.

На этот раз он получил назначение на должность начальника Новочеркасского казачьего училища. Это было старейшее военное училище Дона; основанное в 1869 году, оно первоначально называлось Новочеркасским урядничьим училищем и готовило будущих казачьих офицеров. Год спустя, в 1870-м, училище переименовали в Новочеркасское юнкерское училище. Сюда принимали казаков с шестиклассным образованием. Они проходили учебу в подготовительном и специальном классах и выпускались с первым офицерским чином хорунжего. Деньги на содержание училища в полном объеме отпускала войсковая казна. В таком качестве его и принял Каледин.

Всю свою энергию, упорство и знания новый начальник училища направил на совершенствование учебного процесса и расширение числа юнкеров. Уже через год после его назначения количество юнкеров училища со ста двадцати увеличилось до ста восьмидесяти человек.

«При нем впервые училище стало выпускать знающих, исполнительных, с инициативой и сознанием своего долга офицеров, – говорится в одной из биографий Каледина. – Эти офицеры впоследствии водили казачьи лавы в Восточной Пруссии, Галиции и Карпатах».⁸

В 1907 году Каледин получил чин генерал-майора и

был переведен на должность заместителя начальника донского Войскового штаба. Наказным атаманом в это время на Дону был генерал-лейтенант Александр Васильевич Самсонов, участник русско-турецкой войны 1877-1878 годов и русско-японской войны 1904 – 1905 годов, будущий командующий 2-й русской армией в момент начала Первой мировой войны. С ним у Каледина сложились самые добрые отношения.

Известный политический и общественный деятель Дона, депутат 2-й Государственной Думы А. И. Петровский,⁹ знавший Алексея Максимовича в эти годы, вспоминал:

«Еще молодой тогда, он был так же спокоен, так же сосредоточенно молчалив. И так же прост в обращении – тою простотою, которая свойственна крупному и искреннему человеку, никогда не игравшему роли».¹⁰

К этой поре относится женитьба Каледина на Марии Петровне, швейцарке по происхождению, бывшей до этого замужем за богатым юристом. Союз этот оказался на редкость прочным, несмотря на то что у Калединых не было детей.¹¹

В 1910 году Алексей Максимович покинул тихий провинциальный Новочеркасск, получив назначение на должность командира 2-й бригады 11-й кавалерийской дивизии. Прокомандовав этой бригадой два года, он в 1912 году стал начальником 12-й кавалерийской дивизии. Знавший Каледина в эти годы Антон Иванович Деникин отзывался о нем, как о человеке «знающем, честном, угрюмом, настойчивом, быть может, упрямом».¹²

Во главе этой дивизии Каледин и встретил начало «Великой войны», грянувшей в знойные июльские дни 1914 года.

Глава вторая

НА ФРОНТАХ «ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ»

Каледин блестяще подготовил и осуществил Луцкий прорыв. Генерал Каледин дал военной истории образец операции, русскому оружию предоставил славу, а себе место в ряду первых вождей русской армии.

Генерал С. В. Денисов

Предчувствие грандиозной войны давно носилось в воздухе тогдашней России, бродило во встревоженных душах и умах людей. И вот она грянула. «То, чего ожидали со страхом и трепетом народы Европы с конца прошлого века – великая мировая война разразилась...» – писал земляк Каледина и будущий донской Войсковой атаман Петр Краснов, как и Каледин находившийся в те дни на западной границе России.

После убийства австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда с супругой в Сараево и отклонения сербами оскорбительного для них австрийского ультиматума австро-венгерское правительство 15 июля 1914 года объявило войну Сербии и бомбардировала ее столицу Белград. В ответ на это русский император Николай II взял под защиту единоверную Сербию и 17 июля объявил указ о всеобщей мобилизации. Германское правительство на следующий день в ультимативной форме потребовало от России отмены всеобщей мобилизации, а 19 июля объявило войну Российской империи.

Два дня спустя германский кайзер Вильгельм II объявил войну и союзнице России Франции. Николай II, надеясь потушить еще не разгоревшийся пожар войны, велел своему военному министру пока не начинать боевых действий. И только 24 июля под напором своих ге-

нералов и министров, боявшихся, что противник опередит Россию в проведении мобилизации, приказал открыть военные действия.

Начавшаяся война была воспринята в русском обществе как священная, справедливая, отечественная, вызвав массовые патриотические манифестации в городах Российской империи, в том числе и на донской земле.

* * *

Известие о начале войны с германцами и их австро-венгерскими союзниками Каледин получил в городе Луцке, где дислоцировалась его 12-я кавалерийская дивизия. Алексей Максимович еще не ведал, что этот город даст название крупнейшей стратегической операции русской армии в «Великой войне» и прославит его самого на все времена.

Вскоре в штаб дивизии прибыл приказ корпусного командира, в котором Каледину предписывалось следовать дивизией перед фронтом наступающей на австро-венгерские войска 8-й армии генерала А. А. Брусилова. Для Алексея Максимовича начались военные будни, которые не прервутся до самой его смерти...

«В последние дни Сухомлинов (военный министр России, – М. А.) меня меньше осаждает канцелярией, – писал Каледин жене. – Чаше выезжаю на позиции, еще многое нужно посмотреть».¹

Вначале военные события развивались несколько вяло и нерешительно, австрийцы уверенно и умело оборонялись, не давая войскам Каледина возможности прорвать оборону. Крутой нравом и быстрый на расправу генерал Брусилов выразил свое недовольство действиями 12-й кавалерийской дивизии.

Алексей Максимович молча воспринял резкое замечание командующего армией, ибо знал, что его дивизия еще покажет свои лучшие боевые качества. То пешком, то на лошади двигался Каледин на виду солдат и казаков,

деля с ними все трудности наступления. «Наш Каледин с нами: – говорили его бойцы с любовью. – Поддадим жару австриякам!»

А вскоре пришли первые, так долго ожидаемые победы, столь нужные для нас, чтобы вселить уверенность в сердца и души воинов. Хорошо знавший в это время будущего донского атамана командир 4-й стрелковой бригады Антон Иванович Деникин, вспоминал о действиях дивизии Каледина:

«Успех за успехом дали имя дивизии и ее начальнику. В победных реляциях Юго-Западного фронта все чаще и чаще упоминались имена двух кавалерийских военачальников – только двух – графа Келлера² и Каледина, одинаково храбрых, но совершенно противоположных по характеру: один пылкий, увлекающийся, иногда безрассудно, другой – спокойный и упорный. Оба не посылали, а водили войска в бой. Обоим войска верили и за обоими шли».³

В течение 6-12 сентября 1914 года происходили ожесточенные бои с австрийцами и венграми, впоследствии названные Гроднекским сражением. Активное участие в нем приняли 12-я кавалерийская дивизия Каледина и 48-я пехотная дивизия генерала Лавра Корнилова, в состав которой входила бригада Деникина. Так встретились на войне будущие вожди белого дела, перед которыми тогда стояла одна задача – отбить ожесточенные атаки превосходящих сил противника.

Австрийцы прорвались южнее города Миколаева, создавая угрозу всей 8-й армии Брусилова. «Генерал Каледин лихими конными атаками и стойкостью стрелков сдерживал прорвавшихся, – писал в своей книге воспоминаний А. И. Деникин, – но после отхода с фронта 48-й дивизии положение стало... тяжелым».⁴

И только переход в наступление частей 5-й и 3-й русских армий заставил австрийцев отступать.

В начале октября развернулись упорные бои с австрий-

цами в предгорьях Карпат. Превосходящие силы неприятеля прорвались в обход города Самбор, поставив в крайне тяжелое положение 4-ю стрелковую бригаду Деникина. В это время калединская дивизия по приказу Брусилова перебрасывалась в район Дрогобыча. Но, узнав о критическом положении бригады Деникина, Алексей Максимович, «не задумываясь ни на минуту перед неисполнением приказа крутого на расправу Брусилова, остановил дивизию до другого дня и бросил в бой только часть своих сил». Бригада Деникина была спасена. «Доблесть и подвиги этой дивизии поставили генерала Каледина в первый ряд кавалерийских военачальников», – писал генерал Денисов.⁵

К началу 1915 года обстановка на фронтах была сложной и запутанной. Минувшая кампания не принесла молниеносной победы германцам, война принимала позиционный характер.

Военная кампания 1915 года началась на Юго-Западном фронте наступлением 8-й армии генерала Брусилова в направлении Гуменного, куда наносился главный удар, чтобы открыть русским дорогу на Венгерскую равнину. Дивизия Каледина дралась с австрийцами на Ужгородском направлении.

В начале февраля начались ожесточенные бои с австро-венгерскими войсками в Карпатах. Каледин с дивизией находился в гуще сражения, о чем свидетельствуют воспоминания Деникина, командовавшего тогда 4-й Железной бригадой, входившей в подчинение Каледину.

«Во время... февральских боев, – писал Антон Иванович, – к нам неожиданно подъехал Каледин. Генерал взобрался на утес и сел рядом со мной, это место было под жестоким обстрелом. Каледин спокойно беседовал с офицерами и стрелками, интересуясь действиями и нашими потерями. И это простое появление командира ободрило всех и возбудило доверие и уважение к нему. Операция Каледина увенчалась успехом. В частности,

Железная бригада овладела рядом командных высот и центром вражеских позиций – деревней Лутовиско, захватив свыше двух тысяч пленных и отбросив австрийцев за Сан».⁶

В этих боях, 16 февраля 1915 года, Алексей Максимович был тяжело ранен пулей и попал сначала во львовский, а потом в киевский военные госпитали. От того времени сохранились редкие фотографии, на одной из которых раненый Каледин снят со своей женой.⁷ Пройдя четырехмесячный курс лечения, Алексей Максимович вернулся на фронт, приняв под свое командование 12-й армейский корпус; это произошло в мае 1915 года.

И снова ладная фигура Каледина, опирающегося на палку, стала появляться в окопах. Военная ситуация была тяжелой... Немцы, прекратив активные атаки на Западном фронте против французов и англичан, всей мощью своих отборных корпусов обрушились на русские дивизии. Нашим бойцам в условиях катастрофической нехватки патронов, снарядов и винтовок чуть ли не голыми руками приходилось отбиваться от напирającego врага, медленно отходя на восток и оставляя неприятелю села и города. Каледин как мог поддерживал боевой дух своего корпуса, но отступление крайне отрицательно действовало на солдат. Это был самый тяжелый период «Великой войны».

Доблесть и полководческий талант Алексея Максимовича к этому времени были отмечены многими наградами России, вплоть до ордена Святого Георгия Победоносца 4-й и 3-й степеней (последнего он был удостоен высочайшим указом от 2 ноября 1915 года). Каледин, отличавшийся принципиальностью, честностью и справедливостью, являлся председателем Георгиевской Думы Юго-Западного фронта. Именно она 21 октября 1915 года приняла постановление о награждении императора Николая II орденом Святого Георгия Победоносца 4-й степени.⁸

Наступил 1916 год. Русское верховное командование, пополнив войска свежими резервами и накопив достаточное количество патронов и снарядов, решило силами армий Юго-Западного фронта разгромить противостоящие русским австро-венгерские войска с целью выведения Австро-Венгрии из войны. Решение об этом было принято 1 апреля 1916 года на совещании в Ставке Верховного главнокомандования в Могилеве, где присутствовали император Николай II, военный министр Д. С. Шуваев, начальник штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеев, командующие фронтами генералы А. Н. Куропаткин, А. Е. Эверт и А. А. Брусилов, полевой инспектор Великий князь Сергей Михайлович, генерал-квартирмейстер М. С. Пустовойтенко.

Юго-Западный фронт имел в своем составе 7-ю, 8-ю, 9-ю и 11-ю армии и прикрывал направление на Киев и пути к Черному морю, имея главное оперативное направление на Львов.⁹ Линия фронта протяженностью в 350 километров шла от железной дороги Сарны – Ковель через Дубно, Тернополь до Днестра и далее к румынской границе у Боян. Штаб фронта располагался в Бердичеве.¹⁰

Против Брусилова действовали: армейская группа австрийского генерала Линзингена, армейская группа Бем-Ермоли, Южная и 7-я германские армии.

8-я армия, которой Брусилов командовал до своего нового назначения, была 20 марта 1916 года передана под начало генерал-лейтенанта Каледина.¹¹ Эта армия состояла из пяти армейских и двух кавалерийских корпусов и занимала позиции в Полесье от стыка с 3-й армией Западного фронта до линии Дубно. Здесь располагался 4-й кавалерийский корпус – от Островка до Чарториска; левее него укрепились группа генерала А. М. Зайончковского, имея в составе 30-й армейский и 5-й кавалерийский корпуса. К началу стратегической операции

в стык группы Зайончковского и 4-го кавалерийского корпуса, с целью прикрытия железной дороги Сарны – Ковель, был выдвинут 46-й армейский корпус. На Луцком направлении – от Богуславки через Дубище, Олык, Кoryто, Муравицы, Дубно, Детиничи – располагались 39-й, 40-й и 32-й армейские корпуса.

Против армии Каледина стояли на укрепленных позициях 9-я и 1-я австрийские кавалерийские дивизии, 11-я Гонведская кавалерийская дивизия, Польский трехбригадный легион, 26-я Ландверская дивизия, 10-я кавалерийская и 4-я пехотная дивизии, 7-я и 46-я пехотные дивизии и еще ряд частей и подразделений противника.

Оборонительные позиции противника были глубоко эшелонированы. Каждый оборонительный эшелон имел глубину до 4 километров и включал в себя 2-3 линии траншей полного профиля, усиленных проволочными заграждениями, фугасами, а в некоторых местах – бронированными бойницами и стальными щитами. Враг был хорошо вооружен и имел достаточное количество боеприпасов.

Только что одержавшие крупную победу над итальянцами «австрийцы в разных местах фронта кричали в своих окопах «ура», – писал Каледин жене с фронта, – давали залпы (конечно, в нашу сторону), местами была даже музыка. Через день вывесили плакат, что они одержали большую победу на итальянском фронте, взяв будто бы в плен 236 офицеров, 16 т. нижн. чин. и 76 орудий. Может быть, в цифре трофеев прибрехали, что обычно у всех наций, но что у итальянцев произошло что-то неладное – это несомненно, судя по сообщениям из штаба об очищении позиций».¹²

Веселящиеся австрийцы еще не ведали, что им скоро придется плакать, как итальянцам, над которыми они сейчас потешались, и что виновником их смятения и слез будут войска Каледина, перед которыми они сейчас бахвалились своей победой над «макаронниками»...

Пятого апреля Каледин был вызван с начальником штаба в Волочиск на совещание командующих армиями Юго-Западного фронта. Когда Алексей Максимович на автомобиле прибыл в штаб Брусилова, здесь уже находились командующий 7-й армией генерал от инфантерии Д. Г. Щербачев, командующий 11-й армией генерал от кавалерии В. В. Сахаров; вместо заболевшего генерала Лечицкого 9-ю армию представлял его заместитель генерал А. М. Крымов.

Подав руку Каледину, Брусилов жестом пригласил всех генералов к оперативной карте.

– Господа! – Голос Брусилова был сух и деловит. – Я только что возвратился из Ставки Верховного главнокомандующего, где получил приказ о наступлении вверенного мне фронта на позиции неприятеля. Переход армий Юго-Западного фронта в наступление будет исполнен на следующих главнейших основаниях: для нанесения противнику главного удара предназначается 8-я армия генерала Каледина, как ближайшая к Западному фронту – своим наступлением она легче всего поможет генералу Эверту.* Кроме того, движением 46-го корпуса вдоль полотна железной дороги Маневичи – Ковель, а ударной группы от Луцка на Ковель же при настоящем расположении войск противник легко будет захвачен в клещи, и тогда все войска противника, расположенные у Пинска и севернее, должны будут без боя очистить эти места. Прочие армии фронта, господа, должны будут атаковать находящегося перед ним противника, нанося удары в районы, избранные вами, командующими армиями.¹³

Брусилов сделал паузу и выразительно посмотрел на Каледина, к которому обратились взоры и остальных присутствующих на совете генералов.

* Генерал от инфантерии Алексей Ермолаевич Эверт в это время был командующим Западным фронтом.

Алексей Максимович явно не ожидал, что нанесение главного удара по неприятелю выпадет на долю его армии, которую он только что принял и пока еще недостаточно изучил ее боевые возможности. По его лицу, хотя и внешне непроницаемому, все-таки можно было заметить, что он несколько смущен этим неожиданным для себя решением Брусилова.

Заметив колебания Каледина, Брусилов попросил его высказаться.

– Я, ваше высокопревосходительство, – волнуясь начал Алексей Максимович, – честно говоря, сомневаюсь в быстром успехе наступления и думаю, что едва ли главный удар моей армии приведет к желательным результатам. Тем более что на Луцком направлении неприятелю удалось в особенности основательно укрепить свои позиции.

– Неприятельский фронт в районе вашей армии, Алексей Максимович, я знаю лучше вас, потому что, будучи командующим восьмой армией, подготовил этот участок для главного удара. Но, если вы все-таки не надеетесь на успех, то я, хотя и скрепя сердце, перенесу главный удар несколько южнее, передав его генералу Сахарову на львовском направлении.¹⁴

– Хотя и велика ответственность, но я приложу все силы для выполнения возложенной на меня задачи, ваше высокопревосходительство, – уже успокоившись, ответил Каледин.

– Вот и хорошо, Алексей Максимович! – Брусилов опять повернулся к карте. – Тем более что легко может стать так, что на месте главного удара мы можем получить небольшой успех или совсем его не иметь. Но так как неприятель атакуется нами во многих местах, то больший успех может оказаться там, где мы его в настоящее время не ожидаем. И тогда я направляю мои резервы туда, где нужно будет развить наибольший успех. Сроком к окончанию подготовки я назначаю, господа, десятое мая.

После этого числа, по моему телеграфному извещению, спустя неделю нужно быть совершенно готовым к решительному переходу в наступление, предшествовать которому будет сильнейшая артиллерийская подготовка.¹⁵

На этом совещание завершилось. Каледин, наедине с Брусиловым еще раз уточнив задачи своей армии, вернулся на автомобиле в свой штаб...

* * *

Разрабатывая детальный план стратегической операции, Алексей Максимович лично изучил местность предстоящих боев, выбрав наиболее удачные места для сосредоточения артиллерии. Побывал он и во всех дивизиях своей армии.

Вспоминая посещение Калединым его дивизии, генерал Деникин писал, что Алексей Максимович «приехал, как всегда угрюмый, тщательно осмотрел боевую линию, не похвалил и не побранил, а уезжая, сказал: «Верю, что стрелки прорвут позицию». В его устах эта простая фраза имела большой вес и значение для всей дивизии».¹⁶

Своей жене Марии Петровне Каледин вечером написал: «...25-го вечером выехал на правый фланг своего фронта и вернулся только ночью 28-го. Вчера целый день вплоть до двенадцати ночи был занят накопившимися делами, а сегодня рано утром выехал на автомобиле в район одного корпуса».¹⁷

Дотошность, скрупулезность в изучении местности, позиций противника и собственных войск были отличительной чертой Каледина-командующего. Он до всего хотел дойти сам, собственным ощущением, недаром боевые генералы, знавшие Каледина, говорили: «Он не только был командующим армией, он сам у себя был начальником штаба».¹⁸

Иногда к Каледину для проверки подготовки его армии к наступлению приезжал Брусилов, недолголюбивавший Алексея Максимовича, что не ускользало от внима-

ния окружающих. «...Брусиллов, – отмечал Деникин, наблюдавший взаимоотношения двух выдающихся своих начальников, – обязанный всей своей славой 8-армии, почти два года пробывший во главе ее, испытывал какую-то, быть может, безотчетную, ревность к своему заместителю, которая проглядывала во всех их взаимоотношениях». ¹⁹

Всегда корректный, и спокойный, Каледин старался не показывать окружающим своего невесторженного отношения к Брусиллову, и только в письмах к жене иногда проскальзывали жалобы на несправедливость командующего фронтом.

«Приехал он (Брусиллов, – М. А.) вечером 24-го апреля, – писал Алексей Максимович жене, – был у меня, а 25-го вечером я был у него (в вагоне), так как в ту ночь уезжал сам и больше уже не мог с ним встретиться. Уехал он 26-го вечером, не заехав обедать к нам в штаб, как я его приглашал, и не повидав начальника штаба, а также не поделившись своим впечатлением о виденном». ²⁰

Сам Брусиллов, характеризуя Каледина-военачальника в своих мемуарах, написанных уже после смерти Алексея Максимовича, когда вся большевистская историография старательно чернила его, жестко и местами несправедливо, писал:

«Каледин был человеком очень скромным, чрезвычайно молчаливым и даже угрюмым, характера твердого и несколько упрямого, самостоятельного, но ума не обширного, скорее узкого – то, что называется, ходил в шорах. Военное дело знал хорошо и любил его, лично был храбр и решителен... Хорошо сражался во главе дивизии... Я назначил его командиром корпуса... И тут оказалось, что командиром корпуса он был уже второстепенным, недостаточно решительным. Стремление его все делать самому, совершенно не доверяя никому из своих помощников, приводило к тому, что он не успевал и потому многое упускал». ²¹

Несправедливость последнего утверждения Каледина на практике опроверг, успешно командуя не только корпусом, но и армией...

* * *

Восемнадцатого мая вечером Каледин получил приказ Брусилова в четыре часа утра 22 мая артиллерийской подготовкой начать давно планируемое наступление. После этого силами 39-го, 40-го, 8-го и частью 32-го армейских корпусов приказывалось нанести главный удар на фронте Ставок – Корыто в общем направлении на Луцк с целью овладения позициями противника.

В четыре часа утра 22 мая 1916 года артиллерия 8-й армии Каледина открыла интенсивный артиллерийский огонь по окопам и проволочным заграждениям австрийцев. Артиллерийская подготовка продолжалась 29 часов и дала блестящие результаты: всюду в сплошных проволочных заграждениях были проделаны проходы и разрушены окопы первой и частично второй линии обороны австрийцев.²²

В девять часов утра 23 мая Каледин двинул в атаку четыре своих корпуса и к исходу дня прорвал первую полосу австрийской обороны. «Как немцы в 15-м году действовали тараном, так начала и 8-я армия», – с восторгом писал участник Луцкого прорыва полковник Иван Эйхенбаум.²³

Сметая все на своем пути, солдаты 8-го корпуса армии Каледина 25 мая с боем захватили Луцк, на 30 километров продвинулись в расположение противника.²⁴

«Поспешное, почти паническое отступление по бездорожным Дубенским садам заставило австрийцев бросить все, что задерживало их отход, – сообщал генерал-квартирмейстер армии Каледина Н. Н. Стогов генерал-квартирмейстеру Юго-Западного фронта М. К. Дитерихсу. – Пленные всех частей показывали, что растерянность командования не поддается описанию, многие части пря-

мо бежали; кто-то пустил слух, что вот-вот нагрянут казаки, и когда несколько наших конно-ординарцев, случайно выйдя на хвост отходившей австрийской колонны, бросились в атаку, австрийцы – 2 офицера и 32 нижних чина – сдались в плен.

Интересно отметить, что вследствие отсутствия резервов австрийцы бросали в бой всех, кто только был в состоянии держать в руках ружье. Массовые показания пленных рисуют безнадежную картину австрийского отступления: толпа безоружных австрийцев различных частей бежала в панике через Луцк, бросая все на своем пути. Многие пленные, особенно 2-й, 13-й и 11-й дивизий, показывали, что им приказано было для облегчения отступления бросать все, кроме оружия, но фактически они нередко бросали именно оружие раньше всего другого. От каждой из этих дивизий остались лишь жалкие остатки в 1000 – 2000 человек.

Сильные прежде по составу 37-я и 70-я дивизии оказались сведенными в 5 – 6 слабых батальонов каждая. И здесь наблюдались попытки поддержать отступавших вводом в бой этапных и 21 маршевого батальонов, но попытки эти только увеличивали число захватываемых нами пленных. Деморализация захватила и офицерский состав разгромленных австрийских полков: многие пленные уверяли, что офицеры чуть ли не первыми уходили в тыл, бросая солдат на попечение унтер-офицеров.

Обычная при отходе картина недоедания и утомления войск развернулась во всю ширь. Так, истомленные маршами части 13-й Ландверской дивизии сверху развалились от первого нашего толчка. Люди падали от усталости и на допросе говорили, что по 4 – 5 дней почти ничего не ели.

Бежавшие в это время из плена наши нижние чины показывали, что из Ковеля и Владимира-Волынска были выдвинуты особые партии жандармов и подвезены склады оружия для приведения в порядок и вооружения бе-

жавших толпами австрийцев. Конечно, подобные войска не могли остановить нашего движения на Ковель: здесь нужны были совершенно свежие войска». ²⁵

За три дня боев и преследования австрийцев армия Каледина захватила в плен 922 офицера, 43625 солдат, 66 орудий, 150 пулеметов, 50 бомбометов, 21 миномет и много другого военного имущества; сильная 4-я австрийская армия практически перестала существовать. ²⁶

Один из взятых в плен венгерских офицеров на допросе восклицал: «Наши позиции были неприступны и прорвать их было невозможно! И если... это вам удалось, тогда нам не остается ничего другого, как соорудить грандиозных размеров чугунную доску, водрузить ее на линии наших теперешних позиций и написать: «Эти позиции были взяты русскими, завещаем всем – никогда и никому с ними не воевать». ²⁷

«Блестяще подготовив и выполнив Луцкий прорыв, – писал генерал-лейтенант Денисов, – генерал Каледин дал военной истории образец операции, русскому оружию предоставил славу, а себе место в ряду первых вождей армии». ²⁸

Немцы были крайне встревожены развитием событий в районе Луцка. «Это был один из наисильнейших кризисов на Восточном фронте, – писал начальник штаба 8-й немецкой армии генерал Эрих Людендорф. – Надежды на то, что австро-венгерские войска удержат неукрепленную линию Стохода, было мало. Протекали очень тревожные дни». ²⁹

Другой известный немецкий военачальник генерал Эрих фон Фалькенгайн вспоминал, что «22/4 июня в Галиции, как гром среди ясного неба, разразилась беда. Уже 5 июня (по новому стилю, – *М. А.*) со стороны австрийцев последовал в германскую ставку настоятельный зов о помощи». ³⁰

И эта помощь последовала: на закрытие образовавшейся в австрийской обороне бреши немцы срочно пере-

бросили свой 10-й армейский корпус из Польши; 29-я и 61-я пехотные дивизии были срочно переброшены с Итальянского фронта, где австрийцы вынуждены были прекратить преследование разбитой итальянской армии. «Мы отдали все, что могли, – писал генерал Людендорф, – и знали, что если противник нас атакует, то нам неоткуда ждать помощи».³¹

«Сталью гранат и бомб, выстреливаемых стальными пушками, стремились победить французы и англичане. У нас стали было мало. Но у нас были стальные солдатские сердца, которые не плавилась в огне боя, не содрогались перед неприступностью вражеских позиций, перед непроходимостью стены неприятельского огня. Чудо-богатырям Суворова уподобились овладевшие Луцком чудо-богатыри Каледина», – отмечал профессор Е. Месснер в своем исследовании «Великая Луцк-Черновицкая победа 1916 года».³²

В целом армии Юго-Западного фронта убитыми, ранеными и пленными вывели из строя 1,5 миллиона солдат и офицеров противника, захватив при этом 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов. Наши совокупные потери составили 500 тысяч человек.³³

Всего для ликвидации прорыва Юго-Западного фронта немцы и австрийцы вынуждены были снять с Западного и Итальянского фронтов 30,5 пехотных и 3,5 кавалерийских дивизий.³⁴ «Россия пожертвовала собой ради своих союзников, – писал известный английский историк Лиддел Гарт, – и несправедливо забывать, что союзники являются за это неоплатными должниками России».³⁵

* * *

Русская армия, а вместе с ней и вся Россия, радовались великой победе. На одном из торжеств офицеры 8-й армии чествовали своего командующего, произведенного в генералы от кавалерии. «За обедом, как обычно, были

речи, – писал Алексей Максимович жене Марии Петровне. – Пришлось отвечать, и я чуть-чуть не разревелся». ³⁶

Тогда же в среде казачьего офицерства и генералитета Каледина за глаза стали сравнивать со знаменитым немецким генералом Гинденбургом. «Знало казачество удалцов, силачей, – писал журналист Виктор Севский (Краснушкин). – Каледин показал казачество с иной стороны. Не было казаков-стратегов, и Каледин первый из них. Вот почему казачество за Луцкий прорыв звало Каледина донским Гинденбургом.

И, как Гинденбург, – никогда не смеется». ³⁷

К исходу 1916 года русская армия обладала достаточной мощностью, чтобы на следующий год сокрушить врага. Ее боевой дух был укреплен недавними громкими победами, ее арсеналы пополнились боеприпасами и военным снаряжением, ее командиры были храбры и опытны. Казалось, будущее сулило победу, но международные антирусские силы, боясь возрастания величия и мощи России, подготовили заговор и с помощью взбунтовавшейся люмпенизированной черни заставили отречься от престола проявившего в тот момент непротитительную слабость законного государя Николая II, передав власть масонскому правительству князя Г. Е. Львова, а потом и А. Ф. Керенского. На Россию темной тучей надвинулась смута, перевернувшая тысячелетнюю империю.

После издания петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов «приказа № 1» (1 марта 1917 года) дисциплина в русской армии резко упала. Единоначалие с введением солдатских комитетов и института комиссаров было резко утрачено, постановления Думы и приказы военачальников подлежали исполнению только с разрешения Совета рабочих и солдатских депутатов. Генерал Алексеев пытался убедить Временное правительство «твердо сказать, что армии никто не смеет касаться, что все распоряжения должны производиться через Вер-

ховного главнокомандующего»,³⁸ но его никто не слушал. Утратившая дисциплину солдатня перестала считаться с офицерами, многие из которых были просто безнаказанно убиты.

Брусилов, к великому удивлению Каледина, шел на сотрудничество с разбушевавшейся солдатской массой, разыгрывая из себя либерала, якобы идущего в ногу с революцией. Алексей Максимович не только не принял «демократизацию» армии, но вступил в открытый конфликт с солдатскими комитетами, появившимися и в его армии.

В середине апреля 1917 года Брусилов в разговоре с Верховным главнокомандующим русской армии генералом от инфантерии Михаилом Васильевичем Алексеевым скажет:

– Генерал Каледин потерял сердце и не понимает духа времени, Михаил Васильевич.

– Что вы предлагаете, Алексей Алексеевич?

– Думаю, следует отправить Алексея Максимовича в Военный совет, а его 8-ю армию передать Лавру Георгиевичу Корнилову, ваше высокопревосходительство. Тем более что сам генерал Каледин просится в отставку.

– Готовьте приказ, – после непродолжительной паузы отозвался Алексеев.

– А как к этому отнесется военный министр Гучков?

– Он удивлен желанием генерала Каледина уйти из армии, но не более того. Готовьте приказ, Алексей Алексеевич.

Пройдет несколько месяцев, «демократические игры» Алексеева и Брусилова закончатся большевистским переворотом, а затем и смертью Алексеева осенью 1918 года в Екатеринодаре, а Брусилов вынужден будет пойти на унижительно-позорную службу к русофобам-большевикам...

* * *

Двадцать девятого апреля 1917 года,³⁹ передав свою 8-ю армию в надежные руки генерала Лавра Корнилова,

Каледин пассажирским поездом отбыл в Москву. На Николаевском вокзале Петрограда, заплеванном семечками и запруженном вконец разболтавшейся солдатней, Алексея Максимовича, с больным братом, провожал бывший военный министр генерал Шуваев. Петроград Каледин покидал навсегда...

Пробыв в Москве несколько суматошных дней, Каледин отбыл на Дон, в Новочеркасск, чтобы оттуда, немного отдохнув, следовать в Кисловодск для лечения на минеральных водах своих телесных и душевных ран.

Но судьба сулила резкий поворот в жизни Каледина...

Глава третья

АТАМАН ВОЙСКА ДОНСКОГО

Каледин вошел яркой звездой первой величины в отечественную историю как вождь и как Донской атаман.

Генерал С. В. Денисов.

А на Дону к тому времени произошли значительные перемены в социальном и политико-административном отношении...

Февральская революция 1917 года, разрушившая структуры прежней власти, дала возможность казакам сформировать собственные органы самоуправления. Второго марта 1917 года власть на Дону перешла к Донскому исполнительному комитету во главе с Андреем Ивановичем Петровским, юристом, депутатом 2-й Государственной Думы. В обязанности Донисполкома входило «проведение в жизнь предначертаний Временного правительства по переустройству краевой жизни на началах нового строя».¹

Бывший Наказной атаман Михаил Николаевич Граббе под давлением Донисполкома в ночь с 7 на 8 марта в атаманском дворце Новочеркаска сложил с себя полномочия Донского атамана и был отправлен в Ростов, где «сдан» Великому князю Николаю Николаевичу, который отвез экс-атамана в Ставку Верховного главнокомандующего. Исполнять обязанности атамана стал «природный казак», войсковой старшина Евгений Андреевич Волошинов,² музыкант по профессии.

Третьего апреля 1917 года Временное правительство выпустило воззвание «К населению Донской области»,

в котором гарантировались «права казаков на землю, как они сложились исторически», а иногороднее население области должно было быть «удовлетворено в возможной мере тем порядком, который будет выработан Учредительным собранием».³

Исполняя нелегкие обязанности Войскового атамана, Волошинов делал все возможное для политической стабилизации на территории Донской области. В первую очередь он направил свои усилия и власть на созыв Большого казачьего Круга Дона, который должен был выбрать новые, *законные*, органы власти на Дону.

В начале мая 1917 года в донских газетах были опубликованы «Правила для выборов депутатов в Донской казачий Круг». В них говорилось, что «26 мая 1917 года должен собраться в Новочеркасске Войсковой казачий Круг. Этому кругу предстоит разрешить очень важные вопросы землепользования и землеустройства казачьих административных учреждений донского земского самоуправления и пр. Все станицы с хуторами и войсковые части должны прислать на Войсковой Круг своих депутатов».

Точно в назначенный день, 26 мая 1917 года, вольный казачий Круг начал работу в Новочеркасске. Среди 720 депутатов Круга были сторонники всех политических течений – от монархистов до большевиков во главе с Михаилом Кривошлыковым⁴ и Виктором Ковалевым⁵, избранными казаками-фронтовиками. От имени 32-го Донского казачьего полка Войсковой Круг приехал приветствовать Филипп Миронов⁶, будущий командарм красных, официально не избранный депутатом Круга.

На правах исполняющего обязанности Войскового атамана открывая Круг, Евгений Андреевич Волошинов сказал:

– Господа казаки! Россия переживает трудные дни. Анархия растет. И казаки должны властно сказать: анархия была, но анархии не будет... Мы пойдем по пути спа-

сения России, как шли в «смутные дни», как шли в 1812 году. История возложила на нас великую миссию – спасти Родину.

После этого был избран председатель Круга, которым стал весьма популярный в среде донского казачества политический деятель Митрофан Петрович Богаевский.⁷ Войсковой Круг решительно отверг претензии Донисполкома решать некоторые казачьи вопросы. Круг – единственный высший орган управления Доном, и «поэтому вопросы казачьей жизни ведению областного исполнительного комитета подлежать не должны, и ни одно учреждение, ведающее хозяйственными и административными делами Войска, не вправе вступать в сношения с областным исполкомом», – было заявлено на Кругу.⁸ После этого заявления несколько членов Донисполкома в знак протеста покинули Круг.

Председатель Войскового Круга М. П. Богаевский, поддержав Волошинова, заявил:

– Круг решительно и категорически должен заявить о необходимости организации порядка. Нам нечего ожидать от Петрограда, ибо Петрограду приходится думать больше о себе. Петроград бессилен, и нам нечего прислушиваться к его голосу. Петроград не даст нам власти и порядка. Тогда дадим порядок мы... Пора слов и резолюций прошла. К делу.⁹

Одним из первых вопросов, который надлежало решить депутатам Круга, были выборы нового Войскового атамана. Кандидатов на этот пост набралось 20 человек. Среди них были генералы Никулин, Ажинов, Хрещатинский, полковник Грузинов, командовавший тогда войсками Московского военного округа, войсковой старшина Е. А. Волошинов, депутат Государственной Думы И. Н. Ефремов и другие не менее известные военные и политические деятели Дона.

Однако анализ расклада политических сил и настроений депутатов Круга показал, что явного лидера среди

кандидатов на пост Войскового атамана нет, и борьба за эту должность может затянуться до бесконечности. А политическая обстановка требовала безотлагательно поставить во главе Донской области сильную, авторитетную личность, за которой бы пошли не только казаки, но и иногородние, составляющие более половины донского населения. Момент был напряженный, депутаты нервничали...

«Я никогда не забуду, – писал видный деятель этого Круга и будущий председатель Донского правительства Николай Мельников¹⁰, – сияющего лица Митрофана Петровича Богаевского, когда он однажды, сильно опоздав на заседание президиума, быстро вошел в зал заседаний и возбужденным голосом заявил: «Извините, господа, за опоздание... Знаете, у кого я задержался? Приехал генерал Каледин... Вот человек, около которого объединятся донцы». Далее из разговора выяснилось, что генерал Каледин... в Новочеркасске проездом по пути в Кисловодск, где думает отдохнуть и подлечить свою рану, что о кандидатуре своей на пост Войскового атамана и слышать не хочет... На другой день имя Каледина было у всех на устах – и у членов Войскового Круга, и в печати, и во всем городе. Со всех сторон слышалось только одно: лучшего атамана не найти. Число кандидатов сразу упало с 20-ти до 2-х – Каледин и Ефремов...»¹¹

Но еще предстояло уговорить уставшего от войны и революции Алексея Максимовича баллотироваться на должность Войскового атамана. Уговоры были долгими и бесплодными.

– Уважаемый Алексей Максимович! – обратился к Каледину Митрофан Богаевский. – Казаки выдвинули вас на Кругу на пост донского Войскового атамана.

– Знаю, слышал!.. – сумрачно-угрюмо буркнул Каледин, нервно шагая по комнате собственного дома.

– Могут ли казаки надеяться, что вы согласитесь?

– Никогда!..

– Но, ваше высокопревосходительство, не мне вам говорить, что вы должны отдать себя казакам, ибо кто как не вы в такое трагическое время поведет донской народ?

– Народ?! Вы говорите, народ?! – Каледин резко остановился и неласково взглянул на Богаевского. – Донским казакам я готов отдать жизнь, но то, что будет – это будет не народ; будут советы, комитеты, советики и комитетики. Пользы быть не может. Пусть идут другие. Я – никогда!..¹²

На следующий день Каледина посетила целая делегация от Круга и снова принялась уговаривать его баллотироваться на пост атамана. Но он, наглядевшись на ужасы развала армии, моральную деградацию людей, ссылаясь на собственную физическую и моральную усталость, вновь отказался от атаманской должности.

«...Наконец нашли его «ахиллесову пяту», – вспоминал Н. М. Мельников, – доказывали, что он во имя интересов родного Дона не имеет права отказываться в трудную минуту, что долг его, как казака, обязывает его согласиться на баллотировку, ибо только на нем – и ни на ком другом – может объединиться весь Дон. И Алексей Максимович согласился...¹³

Вскоре Каледин появился на заседаниях Круга, работавшего в новочеркасском театре, с балкона наблюдая за выступлениями депутатов. Затем он и сам выступил с краткой речью, в которой сказал:

– Здесь я улавливаю в речах здравый государственный смысл, который никогда не покидал казачество... Свои пожелания, господа, надо довести до конца. Казачество сыграет решающую роль.¹⁴

Аплодисменты большинства собравшихся были продолжительными и искренними. Только депутаты-фронтовики из северных округов (Хоперского и Усть-Медведицкого) с некоторым подозрением отнеслись к Каледину, видя в нем царского генерала, который не сумеет или

не захочет в трудную минуту отстоять казачьи вольности, если им будет грозить реальная опасность. Но таких депутатов было меньшинство, да и они стали вскоре союзниками Каледина.

Восемнадцатого июня 1917 года Митрофан Богаевский огласил результаты тайного голосования по выборам донского Войскового атамана. Из семисот двадцати депутатов, принявших участие в голосовании, более шестисот высказались за Алексея Максимовича Каледина.

«Голосовали против или воздержались, – вспоминал Н. М. Мельников, – надо думать (голосование было тайное) фронтовики (представители войсковых частей, находящихся на фронте и в пределах Дона) и небольшая группа непримиримых северян».¹⁵

Сразу же после оглашения результатов голосования и поздравлений Каледину процессия депутатов во главе с новым атаманом двинулась к Вознесенскому кафедральному собору на торжественный молебен. Осененный старинными казачьими знаменами, специально по этому поводу доставленными из Донского музея, шел в храм новый Войсковой атаман. После окончания молебна, перед парадом войск, на специально воздвигнутую трибуну взошел депутат Войскового Круга Н. Д. Дувакин, обладавший сильным природным голосом, и начал читать грамоту, составленную Митрофаном Богаевским:

– «Грамота от Первого Войскового Круга всего Великого Войска Донского избранному вольными голосами Войсковому атаману, нашему природному казаку, генералу и Георгиевскому кавалеру Алексею Максимовичу Каледину. По праву древней обыкновенности избрания Войсковых атаманов, нарушенному волею царя Петра I в лето 1709-ое и ныне восстановленному, избрали мы тебя нашим Войсковым атаманом. Подтверждая сею грамотою нашу волю, вручаем тебе знаки атаманской власти и поручаем управление Великим Войском Донским в полном единении с членами Войскового пра-

вительства, избранного также вольными голосами Войскового Круга. Руководством к законному управлению в Войске нашем должны служить тебе, наш атаман, постановления, утвержденные Войсковым Кругом в соответствии с общегосударственными законами». ¹⁶

Когда Дувакин завершил чтение грамоты, стоявший рядом с Калединым Митрофан Богаевский, обращаясь к новому атаману, громко провозгласил:

– Войско Донское постановило считать тебя своим атаманом! – И под громовые крики «ура» и «любо» вручил несколько смущенному такой торжественностью Каледину старинный пернач, по этому случаю доставленный из Донского музея.

– Слушаю приказ Войскового Круга и низко кланяюсь ему, – волнуясь, ответил Алексей Максимович. – Только во внимание к выборному началу принял я этот почетный и тяжелый пост.

– Любо, атаман! – восторженно кричали казаки. – Ура, Алексею Максимовичу!

– В течение последнего месяца, – продолжал Каледин, – беседуя со многими лицами, я слышал ото всех одно пожелание: чтобы поскорее были созданы условия для спокойной жизни, чтобы труд всех и каждого приносил бы пользу всей стране, чтобы свобода личности была действительно, а не на бумаге, ограждена от всех посягательств. Этим вопросом придется заняться в первую очередь. Не опускайте рук перед насильниками. ¹⁷

Громкие возгласы одобрения покрыли последние слова атамана.

«Все мы тогда переживали необычайно светлое настроение, – вспоминал депутат Круга Николай Мельников. – Надежды на будущее, вера в счастье Дона и России, вера в своего атамана – все это волновало и возвышало... У всех, находившихся около меня, я видел на глазах слезы». ¹⁸

После вручения Каледину знаков атаманской власти

начались приветствия от делегаций округов. Присутствующим запомнился высокий, седой бородатый казак, который, поздравив Каледина с избранием на пост атамана, прямо в глаза, с искренним волнением сказал:

– Смотри, не измени, атаман!..

– Себе я изменю, станичник! – твердо ответил старику Каледин.

– Ты уж, атаман, держи нас во! – под веселый смех зала поднял перед Калединым сжатый кулак старик.

– Не беспокойтесь, – улыбнулся Каледин, – буду держать!..

Заместителем Каледина был избран «донской Златоуст», «Боян» – Митрофан Богаевский. В тот же день казаки сформировали Войсковое правительство, куда вошло по два представителя от каждого округа.

По одному из главных вопросов текущей жизни – об отношении к войне – Круг принял резолюцию, в которой говорилось, что война должна вестись до общей победы над врагом «в полном согласии с нашими союзниками». В телеграмме английскому послу в Петербурге Бьюкенену Круг заверил его и «всех доблестных союзников», что донское казачество до конца выполнит свой долг.¹⁹

На следующий день Каледин нанес визит председателю Донского исполнительного комитета А. И. Петровскому, поскольку с комитетом у Круга возникли определенные трения. Помимо разрешения этой проблемы, Каледин с Петровским обсудили и текущие задачи.

«Я рассказал ему о трудных обстоятельствах, при которых приходилось работать исполнительному комитету, – вспоминал Петровский, – с углубителями революции в его среде Голубовыми, Арнаутовыми, Мамановыми, Швецовыми, Боссэ и прочими. Алексей Максимович говорил мне о положении армии, которую он вынужден был оставить, о колеблющейся политике высшего командования по отношению к советам и комитетам, разлагающим армию.

– Армия гибнет. Армия драться не станет и не хочет. Армии как таковой уже нет, – упавшим голосом говорил Алексей Максимович и, помолчав, прибавил: – Дай Бог, чтобы я ошибался».²⁰

* * *

После завершения работы Войскового Круга началась практическая реализация программы Каледина по возрождению Дона. А программа его была вполне определенной и ясной: поднять дисциплину в войсках, запретить надоевшие всем митинги и собрания в полках, упразднить в армии советы и комитеты, вернуть единоначалие для возрождения былой мощи армии и победоносного завершения войны. Калединская программа предусматривала облегчение воинских тягот казачества, призывая к равной воинской повинности всего населения России. Атаман обещал отменить полки второй и третьей очереди и снаряжать казаков на службу за казенный счет.

Все войсковые, запасные, юртовые станичные земли Донской области Каледин объявил «неприкосновенной собственностью всей войсковой казачьей общины». Атаман обещал установить казачье самоуправление на Дону в виде Войскового Круга и станичных хуторских сборов. По его программе, Донская область должна была входить на правах федерации в единую Российскую республику.

* * *

Наступил июль 1917-го года. Он начался с тревожных событий: 3 – 5 числа в Петрограде большевиками была совершена попытка вооруженного захвата власти. Однако она была подавлена силами верных Временному правительству полков. Активное участие в разгроме большевистского путча приняли 1-й и 4-й Донские казачьи полки, дислоцированные в столице.

Английский посол Джордж Бьюкенен, касаясь этих событий, отмечал в своем дневнике:

«Положение правительства в этот день было критическим, и если бы казаки и несколько верных полков не подоспели вовремя, чтобы его спасти, ему пришлось бы капитулировать».²¹

Каледин, узнав о попытке большевистского переворота и участии казаков в его подавлении, выразил им благодарность «за честно и доблестно выполненный долг». Одновременно он направил телеграмму Петроградскому совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в которой заявил, что казачество Дона «захвата власти одной частью населения никогда не признает».

В телеграмме Временному правительству атаман выразил ему поддержку донского казачества, настаивая на недопущении «расхищения национальной власти безответственными организациями».²² В данном случае Каледин имел в виду большевиков. Прозорливо разглядев разрушительную силу этой страшной русофобской организации, он собрал объединенное заседание войскового правительства с представителями Донского исполнительного комитета, совета рабочих депутатов, совета крестьянских депутатов для выработки воззвания к жителям Донской области.

– Попытка восстания безбожных большевиков подавлена, иначе и быть не могло, – открывая заседание, сказал Каледин. – Но дальше... надо смотреть дальше, господа. Уверяю вас, большевизм страшно опасен...

– На Дону нам нечего бояться, Алексей Максимович, – оптимистично откликнулся председатель Донисполкома Андрей Петровский. – Здесь, в казачьем краю, большевизм не может привиться.

– Вы говорите, на Дону? – хмуря брови, раздумчиво протянул атаман. – Конечно, трудно ожидать этого, казак слишком общественно развит, чтобы поверить в

несбыточные обещания Ленина и Троцкого. Но все же против большевиков на Дону нам следует принять немедленные меры: слишком уж притягателен для масс большевизм, и кто знает, как пойдут события дальше у нас...²³

В эти дни Каледин совершил специальную поездку по некоторым крупным донским станицам, в частности, посетил окружную станицу Кашенскую, где выступил на казачьем сходе с информацией о попытке вооруженного мятежа большевиков в Петрограде. С гордостью подчеркнув роль донских казачьих полков в подавлении мятежа, атаман заключил свою речь словами:

«Помните, братья-казаки, что теперь не время разговоров и безделья – Родина наша гибнет, и мы должны спасти ее славу и честь».²⁴

На фронт ко всем полкам и сотням донского казачества Каледин направил наказ, в котором писал:

«Ныне, вместе с боевыми подвигами, вам, быть может, придется, исполняя волю Верховного главнокомандующего, вступить в открытую смертельную борьбу с изменниками Родины, взбунтовавшимися солдатами... Мы вместе со всем казачьим населением Тихого Дона ждем от вас и требуем, чтобы в этой борьбе вы, не колеблясь, стали на путь спасения Родины... путь, указанный вам приказом Верховного главнокомандующего... Весь Дон и все казачество готово всегда поддержать вас, прикрыть и защитить».²⁵

Ленин, яростный противник Каледина, со своей стороны анализируя сложившуюся обстановку в России, отмечал:

«Власть перешла в решающем месте на фронте и затем в армии в руки Калединых. Это факт. Самые активные из враждебных им войск разоружены. Что Каледины не пользуются властью сразу для установления полной диктатуры, это несколько не опровергает того, что власть у них... Дела правительства с 5-го июля дока-

зывают, что власть у Калединых... Каледины не дураки. Зачем идти обязательно нахрапом, напролом, рискуя потерпеть неудачу, когда они ежедневно получают по частям то, что им нужно?»²⁶

Стремясь консолидировать все силы европейских казачьих войск, Каледин собрал 27 – 28 июля в Новочеркасске общеказачью конференцию. На ней присутствовали председатель Кубанского Войскового правительства А. П. Филимонов, Войсковой атаман Терского казачьего войска М. А. Караулов, представители Уральского и Астраханского казачьих войск. Главным вопросом конференции было политическое положение в стране и поиски выхода из того тупика, в который завело Россию бездарное Временное правительство. В результате двухдневного обсуждения собравшиеся пришли к единодушному выводу, что «вывести Россию на путь спасения может только единая сильная национальная власть, облеченная неограниченными полномочиями, не связанная в своих действиях никакими военными, политическими и общественными организациями, ответственная только перед Учредительным собранием». Полностью поддержав Верховного главнокомандующего генерала Корнилова, казачьи лидеры потребовали решительного укрепления дисциплины на фронтах и в тылу.

Атаманы пришли к выводу о недопустимости проведения Временным правительством земельной реформы, а также других преобразований до созыва Учредительного собрания. Это решение трудно назвать удачным и отвечающим моменту, ведь огромные массы крестьян ждали *немедленного* решения земельного вопроса. Большевики в этом отношении действовали более гибко, хотя и иезуитски-неискренне, сумев своими демагогическими обещаниями немедленно отдать землю крестьянам, а заводы и фабрики – рабочим привлечь на свою сторону значительные слои народа, поверившего их лживым посулам...

В заключительной части резолюции, принятой на конференции, говорилось, что казачество верой и правдой служит новой России и не сойдет со своего исторического пути служения Родине с оружием в руках на полях битв с внешними врагами и в борьбе с изменой и предательством внутри страны. По существу на новочеркасской встрече были выработаны основные положения казачьей программы, позже развернутой Калединым в его выступлении на августовском Государственном совещании в Москве.

Примерно в эти же июльские дни Каледин по своим каналам получил информацию, что после беседы главы английской военной миссии в Петрограде генерала Нокса с министром иностранных дел Терещенко ему будет сделано предложение возглавить один из фронтов или принять должность генерал-инспектора казачьих войск России.²⁷ Однако официального предложения из Петрограда Каледин так и не получил...

Второго августа 1917 года в Новочеркасске начал работу Малый Войсковой Круг, на котором присутствовало по одному делегату от каждой донской станицы. Каледин пригласил на Круг и некоторых представителей партии кадетов во главе с членом центрального комитета этой партии Ф. И. Родичевым, ибо предполагалось обсудить вопросы, связанные с порядком и техникой выборов в Учредительное собрание России, создав блок казаков с кадетами.

Открыв Малый круг, Алексей Максимович огласил его повестку дня, предложив блокироваться с кадетами, чтобы достичь большего успеха на предстоящих в середине ноября выборах в Учредительное собрание России. Большинство делегатов поддержало атамана, но против этого блока выступили представители северных округов, считая, что казачество должно самостоятельно выиграть эти выборы.

В дальнейшем, после тщательного анализа настроений

казачества и политической обстановки, Каледин признал целесообразным проводить выборы в Учредительное собрание по отдельному, казачьему, списку, который был обозначен 4-м номером. Кадеты баллотировались по 6-му списку.²⁸

* * *

А Россия тем временем неудержимо катилась в пропасть... Не хватало продовольствия, бастовали рабочие заводов и фабрик, участились случаи захвата крестьянами помещичьих земель, бесчинствовали преступники различных мастей при преступном бездействии властей. Надо было что-то делать для спасения России.

Еще 31 июля Временное правительство приняло решение созвать в Москве (подалее от взвихренного революцией Питера) Государственное совещание с приглашением на него ведущих политиков, военачальников, представителей рабочих, крестьян, солдат, духовенства, учителей, ученых, казаков...

Делегацию Донской области, избранную Малым Кругом в начале августа, в составе А. П. Попова, М. Е. Генералова и Н. М. Мельникова, возглавил Каледин. С собой в Москву атаман вез наказ Войскового Круга, в котором говорилось:

«Правительство должно быть организовано или Московским совещанием или временным комитетом Государственной Думы, но никак не партиями: Ему вся полнота власти и независимость. Правительство должно быть освобождено от влияния всяких посторонних организаций».²⁹

В наказе также содержалось требование вести борьбу с сепаратистскими проявлениями в Финляндии, вознамерившейся отделиться от России, и предложение отсрочки созыва Учредительного собрания.

Прибыв в первопрестольную, донская делегация поселилась в «круглой угловой зале Московского дворян-

ского собрания». Алексей Максимович остановился на частной квартире. Вскоре его пригласил к себе на обед генерал Брусилов, недавно вернувшийся с фронта. Каледин принял приглашение...

«... У меня обедали генералы Рузский³⁰ и Каледин, – вспоминал тот момент Брусилов. – Это было в последний раз, что я их видел, не подозревая об этом тогда. Беседа наша, конечно, вертелась все на тех же тяжелых вопросах. Каледин был в ужасно мрачном настроении духа. Помню, как жена моя заговорила о статье в одной из газет в тот день, озаглавленной «Выступление белых крестов», то есть нас, всех генералов с белыми, Георгиевскими, крестами. Статья была очень благожелательная, в ней много говорилось о героических трудах наших на фронтах за эти годы. Алексей Максимович Каледин усмехнулся и грустно сказал: «Это заглавие статьи «Белые кресты» невольно заставляет думать о могильных крестах, в сущности они нам только и остались!..» Тяжко было и у Рузского на душе, но он не был так безысходно мрачен, как Каледин».³¹

В конце беседы Брусилов сообщил Каледину, что завтра состоится совещание общественных деятелей, генералитета и представителей московских промышленных кругов, на котором предлагается выработать единую платформу перед Государственным совещанием.

– Не желаете ли принять участие в этом совещании, Алексей Максимович? – спросил Брусилов.

– Охотно, Алексей Алексеевич! – с готовностью откликнулся Каледин.

На следующий день Каледин в сопровождении Брусилова явился в назначенное место. Здесь уже были генерал М. В. Алексеев, лидер кадетской партии П. Н. Миллюков, октябрист М. В. Родзянко... Поздоровались, перебросившись парой подходящих моменту фраз...

С аналитическим докладом выступил Михаил Васильевич Алексеев, уделив в нем основное внимание ус-

тановлению «сильной власти и порядка в армии». Назвав самыми стабильными и верными воинскому долгу частями русской армии казаков, артиллерию и инженерные войска с кавалерией, он предложил план оздоровления армии путем введения единоначалия и немедленной ликвидации комитетов и института комиссаров.

Выступившие с краткими речами вслед за Алексеевым Милюков и Брусиллов полностью поддержали бывшего Верховного главнокомандующего русской армией. Затем слово предоставили донскому атаману.

– Господа! – Каледин говорил по обыкновению тихо и не спеша. – Процесс разложения, происходящий в армии, наблюдается во всех сторонах государственной жизни и вызван теми же причинами. Первые смелые голоса, первое свободное слово, что не все в России благополучно и что, может быть, неправильно направляется государственный корабль, раздалось из казачьей среды. Я всецело присоединяюсь к выводам и предложениям генерала Алексеева по наведению порядка в армии и в стране и уверен, что казачество поддержит нас.

М. В. Родзянко в своем выступлении также коснулся отчаянного положения России и в конце, поворачиваясь к Каледину сказал:

– Единственной живой силой, дееспособной и политически воспитанной является казачество.

Интересно, что Родзянко высказал пожелание лично приписаться к сословию донских казаков, и Каледин ходатайствовал об этом перед Донским правительством. Тринадцатого августа сбор казаков и казачек хутора Малонесветайского станицы Новочеркасской принял Родзянко в казаки и выделил ему земельный пай.³²

На следующий день совещание избрало «Совет по организации общественных сил», куда вошел и Каледин. Генералу Корнилову, в котором участники совещания видели будущего диктатора, была отправлена телеграмма:

«Совещание общественных деятелей приветствует вас, верховного вождя русской армии. Совещание заявляет, что всякие покушения на подрыв вашего авторитета в армии и России считает преступными, и присоединяет свой голос к голосу офицеров, Георгиевских кавалеров и казачества».³³

Каледину по душе пришелся деловой тон совещания, и позже, уже после Государственного совещания, он оценил его так:

«Это московское предварительное совещание по яркости изложения и подбору наболевших вопросов дало мне больше, чем само Государственное совещание... Стало ясно, что при продолжении порядков, привившихся со времени революции, мы придем к развалу, если только не внесем изменений в эти порядки».³⁴

Несколько дней спустя, уже в период работы Государственного совещания, Каледин тайно встретился с генералом Корниловым, на которого в то время многие, в том числе и сам Донской атаман, возлагали большие надежды как на человека, способного в короткий срок восстановить в стране дисциплину и порядок. На этой встрече обсуждались пути выхода из тупика, куда Керенский загнал Россию. Как один из вариантов Корнилов предлагал военное решение этой проблемы, для чего предложил Каледину сформировать особую казачью армию и занять пост Походного атамана всех казачьих войск России. После небольшого раздумья Алексей Максимович отказался, заявив:

– Интересы государства в нашей армии, дорогой Лавр Георгиевич, а равно и интересы сбережения казачьей крови, не допускают образования отдельной казачьей армии. Да и нереально это предприятие в нынешних военных и политических условиях.³⁵

В тот же вечер Каледина навестил П. Н. Милюков и, сообщив, что он знает о его встрече с генералом Корниловым, предупредил атамана о несвоевременности вы-

ступления военных во главе с Корниловым против Временного правительства, ибо это будет на руку общему врагу – большевикам.³⁶

Узнал о встрече Каледина с Корниловым и премьер Керенский, который в своих мемуарах отмечал, что именно в Москве в личном поезде Корнилова состоялось окончательное соглашение между «генералами Корниловым, Крымовым и Калединым... о координации военных действий против правительства».³⁷

Встретился Каледин и с представителями казачьих войск России: делегатом от Оренбургского казачьего войска А. И. Дутовым, Войсковым терским атаманом М. А. Карауловым, кубанцами Н. С. Рябоволом, Ф. А. Щербиной (знаменитым историком Кубанского казачьего войска) и другими казачьими делегатами. По итогам этих встреч был организован президиум казачьего совещания, председателем которого стал Каледин. Его заместителями избрали М. А. Караулова и А. И. Дутова. В течение нескольких дней президиум выработал «общеказачью декларацию», которую от имени двенадцати казачьих войск на Государственном совещании должен был зачитать Каледин.

В это время состоялась встреча Каледина и других казачьих вождей с представителем английского правительства Вильсоном, во время которой Донской атаман предупредил англичан о назревающем большевистском перевороте и просил их содействовать русскому правительству в его недопущении.

* * *

Московское Государственное совещание открылось 12 августа 1917 года в Большом театре. На нем присутствовало почти две с половиной тысячи делегатов, среди которых были меньшевик Плеханов и кадет Набоков, октябрист Гучков и эсер Керенский, промышленник Рябушинский и монархист Шульгин. Не было только боль-

шевиков, которые получили приглашение, но бойкотировали совещание, считая, что оно созвано с целью консолидации антибольшевистских сил.

«Московское совещание для контрреволюционных палачей удобнейшая возможность столкнуться, удобнейшая ширма для организации контрреволюционного заговора, – отмечалось в резолюции ЦК РСДРП (б). – Кадетским предварительным совещанием уже создан постоянный центр контрреволюции, опирающийся на вооруженную поддержку командных верхов армии и реакционной части казачества».³⁸

Отсутствовали на совещании и ортодоксальные монархисты, затаившиеся после свержения Николая II и на дух не переносившие Керенского и новую, с их точки зрения, незаконную власть.

Совещание открыл премьер-министр Временного правительства Керенский:

– Господа! Временное правительство пришло сюда со словами: Государству нужен порядок, жертвы и труд... Сила власти, господа, только в общественном гении и в воле народа... нет дороже блага и нет дороже ценностей, как Родина и народ!

Четырнадцатого августа с трибуны совещания выступил Верховный главнокомандующий русской армией генерал Корнилов. Он остановился на развале армии, заявив, что основной его причиной являются «законодательные меры» Временного правительства. Для спасения армии и страны от полного развала и гибели он требовал суровых и жестких мер.

– Времени тратить нельзя! – взмахнул Корнилов сухонькой рукой. – Нельзя терять ни одной минуты. Нужна решимость и твердое, непреклонное проведение намеченных мер.³⁹

... Когда Каледин, после объявления его выступления, поднимался на трибуну, в зале стояла напряженная тишина. Собравшиеся знали, что донской атаман будет

выступать от имени всех казачьих войск России, и многого ждали от этого выступления.

– Господа делегаты Государственного совещания! – Голос Каледина чуть дрожал от первоначального волнения. – Выслушав сообщение Временного правительства о тяжелом положении Русского государства, казачество в лице представителей всех двенадцати казачьих войск – Донского, Кубанского, Терского, Оренбургского, Яицкого, Астраханского, Сибирского, Амурского, Забайкальского, Семиреченского, Енисейского и Уссурийского – казачество, стоящее на общенациональной государственной точке зрения, отмечая с глубокой скорбью существующий ныне в нашей внутренней государственной политике перевес частных, классовых, партийных интересов над общими, приветствует решимость Временного правительства освободиться наконец в деле государственного управления и строительства от партийных и классовых организаций, вместе с другими причинами приведших страну на край гибели.

Казачество, не знавшее крепостного права, искони свободное и независимое, пользовавшееся и раньше широким самоуправлением, всегда осуществлявшее в среде своей равенство и братство, не опьянело от свободы. Получив ее, вернув то, что было отнято царями, казачество, крепкое здравым смыслом своим, проникнутое здоровым государственным началом, спокойно, с достоинством приняло свободу и сразу воплотило ее в жизнь, создав в первые же дни революции демократически избранные войсковые правления, сочетав свободу с порядком.

Казачество с гордостью заявляет, что полки его не знали дезертиров (*аплодисменты*), что сохранили свой крепкий строй и в этом крепком свободном строе защищают и впредь будут защищать многострадальную отчизну и свободу. Служа верой и правдой новому строю, кровью своей запечатлев преданность порядку, спасению Родины и армии, с полным презрением отбрасывая про-

вокационные наветы на него, обвинения в реакционности и контрреволюционности, казачество заявляет, что в минуту смертельной опасности для Родины, когда многие войсковые части, покрыв себя позором, забыли о России, оно не сойдет с его исторического пути служения Родине с оружием в руках на полях битвы и внутри в борьбе с изменой и предательством.

Вместе с тем казачество отмечает, что это обвинение в контрреволюционности было брошено именно после того, как казачьи полки, спасая революционное правительство по призыву министров-социалистов третьего июля вышло решительно, как всегда, с оружием в руках для защиты государства от анархии и предательства (*аплодисменты*). Понимая революционность не в смысле братания с врагом, не в смысле самовольного оставления назначенных постов, неисполнения приказов, предъявления правительству неисполнимых требований, преступного расхищения народного богатства, не в смысле полной необеспеченности личности и имущества граждан, грубого нарушения свободы слова, печати и собраний – казачество отбрасывает упреки в контрреволюционности; казачество не знает ни трусов, ни измены и стремится установить действительные гарантии свободы и порядка. С глубокой скорбью отмечая общее расстройство народного организма, расстройство в тылу и на фронтах, развал дисциплины в войсках и отсутствие власти на местах, преступное разжигание вражды между классами, попустительство в деле расхищения государственной власти безответственными организациями как в центре, так и внутри на местах, отмечая центробежные стремления групп и национальностей, грозное падение производительности, потрясение финансов, промышленности и транспорта, казачество призывает все живые силы страны к объединению, труду и самопожертвованию во имя спасения Родины и укрепления демократического республиканского строя (*вся зала аплодирует*).

В глубоком убеждении, что в дни смертельной опасности существования Родины все должно быть принесено в жертву, казачество полагает, что сохранение Родины требует прежде всего доведения войны до победного конца в полном единении с нашими союзниками. Этому основному условию следует подчинить всю жизнь и, следовательно, всю деятельность Временного правительства. Только при этом условии, – сильно повышая голос, говорил Каледин, – правительство встретит полную поддержку казачества. Пораженцам не должно быть места в правительстве!

Каледин сделал паузу и выразительно посмотрел в сторону министра Виктора Чернова, который в это время сосредоточенно чистил свой нос...*

– Для спасения Родины, – продолжал Каледин, – мы намечаем следующие главнейшие меры:

Армия должна быть вне политики! Полное запрещение митингов и собраний с их партийной борьбой и распрями!

– Ого! Позор! Контрреволюция! – раздались выкрики в левой части зала.

Но Каледин твердым голосом продолжал:

– Все советы и комитеты должны быть упразднены как в армии, так и в тылу, кроме полковых, ротных, сотенных и батареинных, при строгом ограничении их прав и обязанностей областью хозяйственных распоряжений.

Декларация прав солдата должна быть пересмотрена и дополнена декларацией его обязанностей.

Дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами!

* «В кулуарах совещания говорили, – вспоминал Н. М. Мельников, – что министру В. М. Чернову в посланной записке указали на неуместность его занятия» (См.: Мельников Н. Алёксей Максимович Каледин. Личность и деятельность: Воспоминания // Донская летопись. 1923. № 1. с.17.).

– Это контрреволюция! – снова раздалось слева.

– Тыл и фронт, – продолжал Каледин, – единое целое, обеспечивающее боеспособность армии, и все меры, необходимые для укрепления дисциплины на фронте, должны быть применены и в тылу.

Дисциплинарные права начальствующих лиц должны быть восстановлены. Вождям армии должна быть предоставлена полная мощь.

В грозный час тяжких испытаний на фронте и полного развала внутренней политической жизни страны страну может спасти от окончательной гибели только действительно твердая власть, находящаяся в опытных, умелых руках лиц, не связанных узкопартийными групповыми программами, свободная от необходимости после каждого шага оглядываться на всевозможные советы и комитеты, отдающая себе ясный отчет в том, что источником суверенной власти является воля всего народа, а не отдельных партий и групп.

Власть должна быть едина в центре и на местах. Расхищению государственной власти центральными и местными комитетами и советами должен быть немедленно и резко поставлен предел.

Россия должна быть единой. Всяким сепаратистским стремлениям должен быть поставлен предел в своем зародыше.

В области государственного хозяйства необходимо:

а) строжайшая экономия во всех областях государственной жизни, планомерно, строго и неумолимо проведенная до конца:

б) безотлагательно привести в соответствие цены на предметы сельскохозяйственной и фабрично-заводской промышленности;

в) безотлагательно ввести нормировку заработной платы, прибыли предпринимателей;

г) немедленно приступить к разработке и проведению в жизнь закона о трудовой повинности;

д) принять строгие меры к прекращению подрыва производительности сельскохозяйственной промышленности, чрезвычайно страдающей от самочинных действий отдельных лиц и всевозможных комитетов, нарушающих твердый порядок в землепользовании и арендных отношениях.

В заключение мы не можем не остановиться перед предстоящим величайшим событием, на которое весь русский народ смотрит, как на свою конечную надежду — получить для нашей многострадальной Родины прочные, твердые основы новой государственной жизни. Мы говорим об Учредительном собрании. Мы требуем, чтобы во всей подготовительной обстановке и течении самых выборов в Учредительное собрание Временное правительство приняло все меры, обеспечивающие правильность и закономерность выборов на всем пространстве земли русской. Мы полагаем, что местом созыва Учредительного собрания должна быть Москва, как по своему историческому значению и центральному положению, так и в интересах спокойной и планомерной работы Учредительного собрания.

Мы обращаемся, наконец, к Временному правительству с призывом, чтобы в тяжелой борьбе, ведущейся в России за свое существование, Временное правительство использовало весь народ государства Российского, все жизненные народные силы всех классов населения и чтобы самый состав свой Временное правительство подчинило необходимости дать России в эти тяжкие дни все, что может дать наша Родина по части энергии, опыта, таланта, честности, любви и преданности интересам Отечества.

Время слов прошло. Терпение народа истощается. Нужно делать великое дело спасения Родины.

С трибуны Каледин спускался под оглушительные аплодисменты большей части зала и редкие крики левых: «Контрреволюционер!» Но в целом, как отметил присут-

ствовавший на совещании Н. М. Мельников, «впечатление от этой декларации было колоссальное». ⁴⁰

Участвовавший в работе совещания известный публицист и издатель, знаток революционных партий России Владимир Львович Бурцев, не знавший до этого Каледина, вспоминая его выступление, писал:

«Этот ваш А. М. Каледин взволновал тогда всех нас, и он был для нас – нашим Калединым». ⁴¹

Речь донского атамана прогремела на всю Россию. Многие политические деятели, как слева, так и справа, откликнулись на нее. Подал голос и большевистский лидер Владимир Ленин.

«Каледин, – писал он в одной из своих статей, – издевался над меньшевиками и эсерами, которые вынуждены были молчать. Им плюнул казачий генерал в физиономию, а они утерлись и сказали: «Божья роса!» ⁴²

Сам Алексей Максимович не склонен был переоценивать значение своего выступления, он был удручен виденным и слышанным на совещании. Будущее виделось ему безрадостным, он ждал тяжелых потрясений для России, поскольку во главе государственной власти стоял масон и русофоб Керенский, «этот флюгер», как его называл Алексей Максимович. ⁴³ Зато ему пришлась по душе патриотическая и государственная позиция Лавра Георгиевича Корнилова, которому левые делегаты повешали ярлыков типа «контрреволюционер» и «мятежник».

– Корнилов – горячий патриот! – с не свойственным ему пафосом рассказывал Каледин на одной из встреч с казаками. – Хотя на фронте развал и ему, как главнокомандующему, трудно сейчас, не до побед над врагом, хотя бы фронт удержать...

На другой день представители левых партий, дабы ослабить мощное впечатление от выступления Каледина, выпустили на трибуну есаула Оренбургского казачьего войска А. Г. Нагаева. Красный от волнения, пугаясь в

словах, он пытался доказать присутствующим, что атаман Каледин не имел права говорить от имени всех казачьих войск и что казаки-оренбуржцы думают иначе, чем донской атаман, что требование о разгоне советов и комитетов выдвигаются только генералами и что рядовые казаки не пойдут за Калединым и другими генералами.

– Не вам вести казаков к возрождению, – закончил свою речь Нагаев. – Рядовое казачество, не забывшее опыта 1905 года, не пойдет против народа. Я призываю сплотиться всем вокруг Временного правительства.⁴⁴

Полковник А. Г. Дутов, возмущенный этой речью Нагаева, в перерыве совещания нашел Керенского и заявил ему, что генерал Каледин уполномочен всем Войском Оренбургским на выступление, а вот есаула Нагаева никто не просил выступать от имени оренбуржцев.* На следующий день Керенский с трибуны совещания подтвердил общеказачьи полномочия Каледина в части его выступления на Государственном совещании.

Фронтное казачество, смертельно уставшее от войны, в большинстве своем без энтузиазма встретило речь Каледина, особенно в той его части, где говорилось об упразднении армейских комитетов. Донской войсковой старшина Н. М. Голубов,⁴⁵ например, посчитал «заявление Каледина тем серьезнее и опаснее, что тут замешано все казачество. Заявление генерала Каледина это не отдельный факт – это пышный цветок в букете реакции».⁴⁶

В первой половине сентября 1918 года поведение и высказывания Голубова будут рассмотрены на одном из заседаний Второго Большого Круга. Ему будут запрещено посещать казачьи войска для ведения там политической деятельности; одновременно все материалы о

* С приходом к власти большевиков Нагаев, отрекшись от Временного правительства, объявит себя «сочувствующим коммунистам» и станет одним из организаторов и постоянных членов Казачьего отдела ВЦИК.

Голубове будут переданы в суд для привлечения его к уголовной ответственности. Однако он благополучно избежит суда.

* * *

Откровенно разочарованный итогами Государственного совещания в Москве, Каледин говорил в интервью корреспонденту газеты «Вольный Дон»:

«Керенский не оправдал ожиданий, и само совещание ничего объединяющего не внесло. Разрозненными съехались и разрозненными же разъехались».⁴⁷

Предвидя торжество большевизма в России, Алексей Максимович говорил, что Россия будет спасаться отдельными областями, раз не удастся пока спасти всю страну в целом. Уже тогда, в августе 1917 года, он вынашивал идею создания Юго-Восточного союза, которая была воплощена в жизнь позже созданием Объединенного совета Дона, Кубани и Терека.

* * *

По возвращении из Москвы атаман решил совершить ознакомительную поездку по северным округам Донской области, откуда поступали сведения о полном неурожае и чрезвычайно опасном развитии тайного винокурения, что опустошало и без того скромные запасы зерна. Да и просто хотелось Каледину пообщаться с земляками, узнать их мысли и настроения. Без свиты, в сопровождении одного адъютанта, Алексей Максимович 24 августа отправился в поездку – и как в воду канул...

А тем временем разыгрались события «корниловского мятежа», завершившиеся смещением Корнилова с поста Верховного главнокомандующего армией и его арестом. Когда Каледин переезжал из станицы в станицу вдали от железной дороги, в Усть-Медведицком и Хоперском округах, мирно беседуя с казаками, 29 августа в

газетах (в частности, в «Вольном Доне») под заголовком «Каледин, Корнилов и Временное правительство» была распространена провокационная телеграмма следующего содержания: «От атамана казачьих войск Каледина, по сообщению газет, Временным правительством получена телеграмма о присоединении его к Корнилову. В случае, если правительство не договорится с Корниловым, Каледин грозит прервать сообщение Москвы с югом». ⁴⁸

Тут же приводилась телеграмма Корнилова к Каледину, в которой говорилось:

«Я смещен с должности Главковерха, на мое место назначен Клембовский. Я отказался сложить с себя обязанности Главковерха. Деникин и Валуев идут со мной и послали протест Временному правительству. Если вы поддержите меня своими казаками, телеграфируйте об этом Временному правительству и копию мне». ⁴⁹

В это же время в Новочеркасск на имя Каледина пришла телеграмма от неизвестного промышленника П. Рябушинского, в которой выражалась надежда, что «в настоящий тяжелый час испытаний казачество выполнит свой сыновний долг перед страдающим Отечеством до конца». ⁵⁰

Провокация сработала мгновенно: Керенский, даже не запросив объяснений от самого Каледина и не проверив достоверность этого известия у своего новочеркасского комиссара (казака-кадета) М. С. Воронкова, объявил донского атамана изменником Родины и врагом революции, отдал его под суд и потребовал прибытия в Могилев, где начала работу чрезвычайная комиссия, для дачи ей показаний. Указ Керенского Правительствующему Сенату по этому поводу был опубликован в «Вестнике Временного правительства» 1 октября. Одновременно с этим на борьбу с Калединым Керенский приказал мобилизовать войска Московского и Казанского округов.

Получив в Новочеркасске эти тревожные известия, оставшийся за атамана М. П. Богаевский послал Каледину телеграмму:

«Керенским генерал Корнилов объявлен вне закона. Ваше присутствие в Новочеркасске необходимо».

Эту телеграмму атаман получил в станице Усть-Хоперской.⁵¹ Прочитав ее, Каледин, по словам своего адъютанта, произвольно воскликнул: «Рано выступил!»⁵²

Одновременно с отправкой атаману телеграммы Богаевский объявил «сполох», и из станицы в станицу, из хутора в хутор по цепочке на север Донской области полетела весть срочно разыскать Каледина и вернуть его в Новочеркасск. В это же время в донскую столицу стали съезжаться члены Большого Войскового Круга, чтобы защитить честь и достоинство своего атамана и всего казачества.

Тридцатого августа Каледин появился в окружной станице Усть-Медведицкой, где выступил перед казаками на общестаничном сборе. Обстановка была беспокойной, настроение казаков разным: если старики безоговорочно поддержали Каледина, то фронтовики во главе с энергичным войсковым старшиной Филиппом Мироновым встретили его появление на сборе враждебно.

– Господа выборные старики! Господа казаки! – Голос Каледина звучал глухо, но спокойно. – Вы знаете позицию Войскового правительства относительно порядка в стране. Наша программа известна всем как из решений Круга, так и из декларации, которая была мной оглашена в Москве на Государственном совещании. Еще раз заявляю: нам, казакам, не по пути с социалистами, и мы должны идти с партией народной свободы. События на фронте, к сожалению, не радуют нас победами, но нельзя падать духом, а надо надеяться, что с Божьей помощью все поправится. Я призываю вас оберегать Тихий Дон от анархии, бороться с большевизмом, который является злейшим врагом России и казачества.

– Любо, атаман!.. – одобрительно загудели старики.

– Ура атаману!

– Долой контрреволюционных генералов! – вдруг слышалось слева, оттуда, где в окружении большой группы фронтовиков стоял Филипп Миронов. – За решетку Корнилова и калединцев!

В шуме, свисте и криках собравшихся Миронов ринулся на трибуну, но на его пути встал сотник Степан Игумнов, сторонник Каледина.

– Извинись перед атаманом, Филипп, или я вот этой вот шашкой срублю тебе твою безумную головушку! – сурово прошипел Игумнов.

– А вот этого ты не хочешь, Степан?! – наставил на него наган Миронов. – Уйди!..

На помощь к тому и другому ринулись единомышленники, завязалась потасовка...

Каледин, с каменным лицом наблюдавший за этой безобразной сценой – наглядным свидетельством раскола казачества, с тяжелым сердцем покинул сход...⁵³

Пройдет не так уж много времени, и казак Миронов перейдет на сторону большевиков, станет у них командиром дивизии, потом корпуса, армии. Позже этот субъективно честный человек увидит на практике ужасы ленинско-троцкистского режима, станет проклинать комиссаров за геноцид против казачества, но будет поздно. Укрепившийся большевистский режим избавится от него, и свои девять граммов свинца Филипп Кузьмич Миронов получит 2 апреля 1921 года от часового Бутырской тюрьмы. Такой трагической будет судьба казака, который, по меткому выражению поэта Игоря Талькова, «пошел воевать за народную власть со своим же народом...»

* * *

Но вернемся в август 1917 года, к атаману Каледину, над которым нависла реальная угроза физической расправы, ибо царицынскому Комитету спасения револю-

ции было поручено его уничтожение. Атаман, не веря в это, медленно двигался грунтовой дорогой вдоль линии железнодорожной ветки Царицын – Лихая, направляясь к станции Обливской, расположенной в сорока верстах от окружной Нижне-Чирской станицы.

От верной смерти Каледина спас Николай Михайлович Мельников, член Войскового Круга, оказавшийся в этих местах и вовремя предупредивший Алексея Максимовича о грозящей опасности. Вскочив на оседланную лошадь, Каледин из Обливской доскачал до окружной станицы Константиновской, где его на автомобиле встретили юнкера, посланные из Новочеркасска Митрофаном Богаевским.

Два часа спустя на станцию Обливская прибыли из Царицына солдаты и матросы, которым приказано было арестовать Каледина...

Первого августа атаман возвратился в Новочеркасск. Вечером он выступил на заседании Войскового правительства, заявив, что никаких казачьих частей с фронтов не вызывал, приказов о занятии станции Поворино не отдавал, о появлении казачьих войск в пределах Московского военного округа ему ничего не известно и никаких ультиматумов в связи с выступлением генерала Корнилова Временному правительству он не выдвигал.⁵⁴

Донские большевики, внимательно следившие за действиями Каледина, вынуждены были отметить, что «осторожный Каледин, учтя обстановку, не выступил, ловким маневром... вернулся в Новочеркасск, и Войсковое правительство хитро замело следы готовившегося выступления».⁵⁵

* * *

Десятого сентября 1917 года в Новочеркасске начал работу Второй Большой Круг, «судивший» своего атамана. На кругу присутствовала делегация от союзной

Румынии. Для того, чтобы члены Круга были свободны в своих суждениях и решениях, Каледин добровольно сложил с себя полномочия Войскового атамана, передав их своему помощнику, и предстал перед ними как частное лицо.

К этому времени выступление Корнилова было окончательно подавлено, сам он арестован, и, зная это, Каледин тем не менее не отрекся от бывшего Главковерха, заявив:

– Я встретился с генералом Корниловым в Москве тридцатого августа, на второй день Государственного совещания. Мы обсуждали план создания правоспособного правительства, не однобокого, а твердо стоящего на обеих ногах, из государственных людей, знающих свое дело. Я попросил Лавра Георгиевича, чтобы пока не трогали казачьи части с Дона, на что он согласился. Мы обменялись с генералом Корниловым взглядами на общее политическое положение государства. Заявляю, и не считаю это преступлением, что наши взгляды о благе Родины совпадают.

Сделав паузу, Алексей Максимович заключил:

– Хотя я никакого участия в выступлении Корнилова не принимал и о нем не знал, но если бы знал, то поддержал бы Корнилова всемерно и готов нести ответственность как идейный соучастник.⁵⁶

Некоторые историки, занимавшиеся изучением корниловского выступления против Временного правительства, считают, что атаман Каледин поддерживал тесную связь с Корниловым и в период «мятежа», и после него, когда мятежный генерал и его ближайшие сторонники были арестованы и содержались под стражей в Быховской тюрьме.

Большой Круг, выслушав своего атамана, полностью оправдал его, восстановив в прежней должности, и высказался категорически против поездки Каледина в Могилев на следствие по делу о корниловском выступлении.

В решении Круга было записано:

«1. Временное правительство не имеет власти гарантировать безопасность Каледину от самосудов разнуданной черни, направленной Керенским против Корнилова и Каледина.

2. «С Дона выдачи нет!»

Узнав о решении Войскового Круга не выдавать Каледина и не желая обострять отношения с казачеством, Керенский из Ставки дал указание Временному правительству:

«Надо ликвидировать дело смелым жестом, признав объяснение Каледина удовлетворительным, и, выразив доверие казачеству, поставить на всем крест».⁵⁷

Когда Круг оправдал своего атамана, Каледин предложил депутатам принять решение о концентрации на Дону казачьих полков для борьбы с антигосударственными элементами, и прежде всего с большевиками. Предполагалось оставить на территории Донской области три казачьих дивизии и пешую бригаду, а нуждающиеся в переформировании казачьи полки размещать только на Дону.

Присутствовавший на Кругу румынский офицер от имени союзников приветствовал «высокий парламент казаков, который решает судьбу казачества и всей России».

– Слава Богу, – продолжал он, – что на Юго-Восточный союз может опереться не только Россия, но и союзная вам Европа. Вы, казаки, единственный сильный и здоровый род оружия русской армии. Да здравствует свободная Россия! Да здравствует казачество России! Да здравствует их вождь атаман Каледин!»

* * *

Прошло три дня после окончания работы Круга, и Каледин, не зная о распоряжении Керенского покончить с его делом и несмотря на решение Круга, решил все-таки

ехать в Могилев. Свое решение он мотивировал тем, что «не может неисполнением предложения ронять престиж центральной власти и не хочет, чтобы какая-нибудь сволочь сказала, что донской атаман кого-то боится».⁵⁸ Однако Круг решительно настоял на своем прежнем решении, и Каледин остался в Новочеркасске.

Тогда в Новочеркасск прибыли сами члены следственной комиссии Шабловского во главе с полковником Украинцевым. Они вели себя сдержанно и корректно. Допросив Каледина, Богаевского и начальника войскового штаба Араканцева, они не нашли криминала в их действиях.

«Никакого следствия по делу о генерале Каледине не проводится, – заявил полковник Украинцев корреспонденту газеты «Вольный Дон». – Генерал Каледин если и допрашивался, то в качестве свидетеля.... В настоящее время и речи не может быть о каком-либо обвинении атамана».⁵⁹

Таким образом, выполнялась директива Керенского, данная им из Ставки, о мирном разрешении конфликта с Калединым.

Многие исследователи этого периода русской истории задавались вопросом: почему Каледин, презирая Керенского, все-таки сотрудничал с ним? Сам Алексей Максимович, беседуя в сентябре 1917 года с членом совета Союза казачьих войск П. И. Ковалевым на этот вопрос ответил так:

«Этот флюгер привел Россию на край гибели, но все же его приходится терпеть как гораздо меньшее зло по сравнению с тем, что представляет собой Ленин и компания. Впрочем, мы все равно стремимся к определенному концу».⁶⁰

Вслед за членами следственной комиссии в Новочеркасск по этому же поводу прибыла миссия Временного правительства во главе с министром М. И. Скобелевым. В своем выступлении перед депутатами Круга 10 сентября

министр так и не смог ответить на вопрос, из какого источника правительство черпало сведения о «мятеже» Каледина. Точно так же без мотивированного ответа остался вопрос о том, почему правительство не затребовало объяснений атамана и не запросило своего новочеркасского комиссара Воронкова, а сразу начало мобилизацию против Дона войск двух военных округов.

Когда Скобелев закончил свои путаные объяснения, сидевший за столом президиума Каледин, быстро вышел на просцениум и воскликнул, сделав резкий жест в сторону министра:

– И это говорил пред вами ми-ни-стр!.. Теперь вы видите, чего может ждать Россия и Дон от такого правительства!⁶¹

По результатам этой встречи Круг принял резолюцию, в которой говорилось:

«Донскому Войску, а вместе с ним и всему казачеству, нанесено тяжкое оскорбление. Правительство, имевшее возможность по прямому проводу проверить нелепые слухи о Каледине, вместо этого предъявило ему обвинение в мятеже, мобилизовало два военных округа, Московский и Казанский, объявило на военном положении города, отстоящие на сотни верст от Дона, отрешило от должности и приказало арестовать избранника Войска на его собственной территории при посредстве вооруженных солдатских команд. Несмотря на требование Войскового правительства, оно не представило никаких доказательств своих обвинений и не послало своего представителя на Круг.

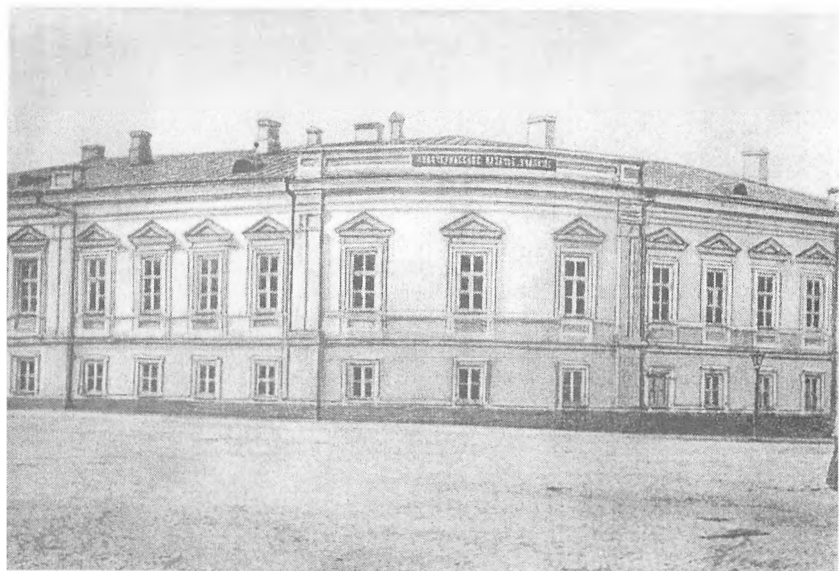
Ввиду всего этого Войсковой Круг объявляет, что дело о мятеже – провокация или плод расстроенного воображения. Признавая устранение народного избранника грубым нарушением начал народоправства, Войсковой Круг требует удовлетворения: немедленного восстановления атамана во всех правах, срочного опровержения всех сообщений о мятеже на Дону и немедленного рас-

А.А. Брусиллов.

А.М. Каледин.

Казачье училище в Новочеркасске.

М.В. Алексеев .

А.И. Деникин.

Новочеркасск. Вид на атаманский дворец.

Вознесенський собор в Новочеркасске .

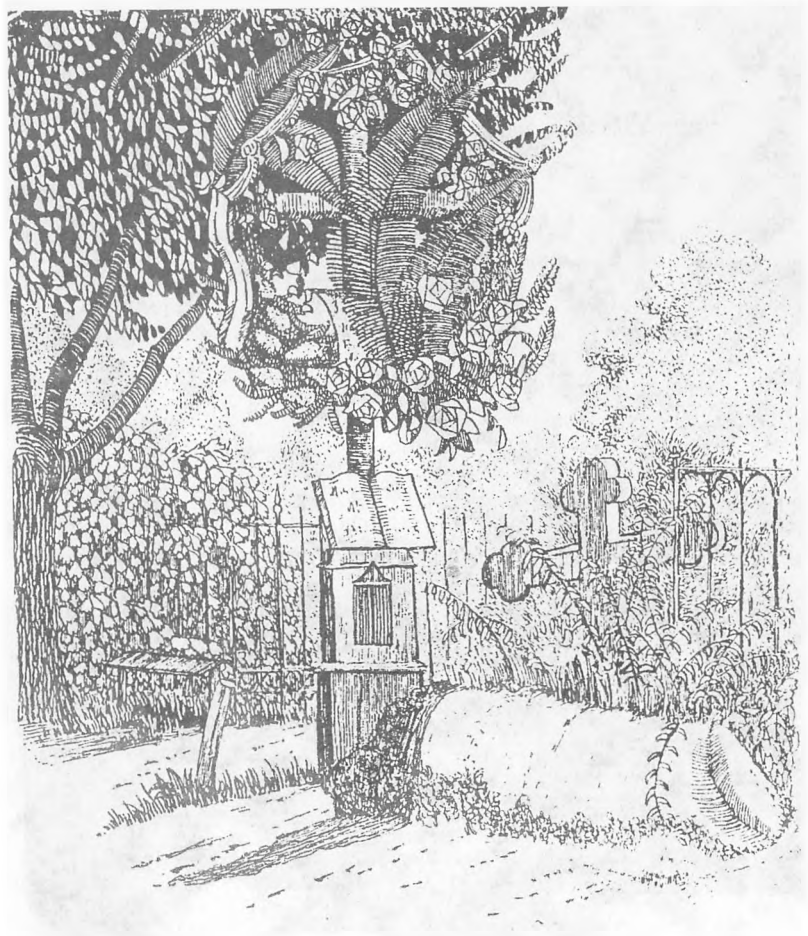
А.С. Лукоmekный

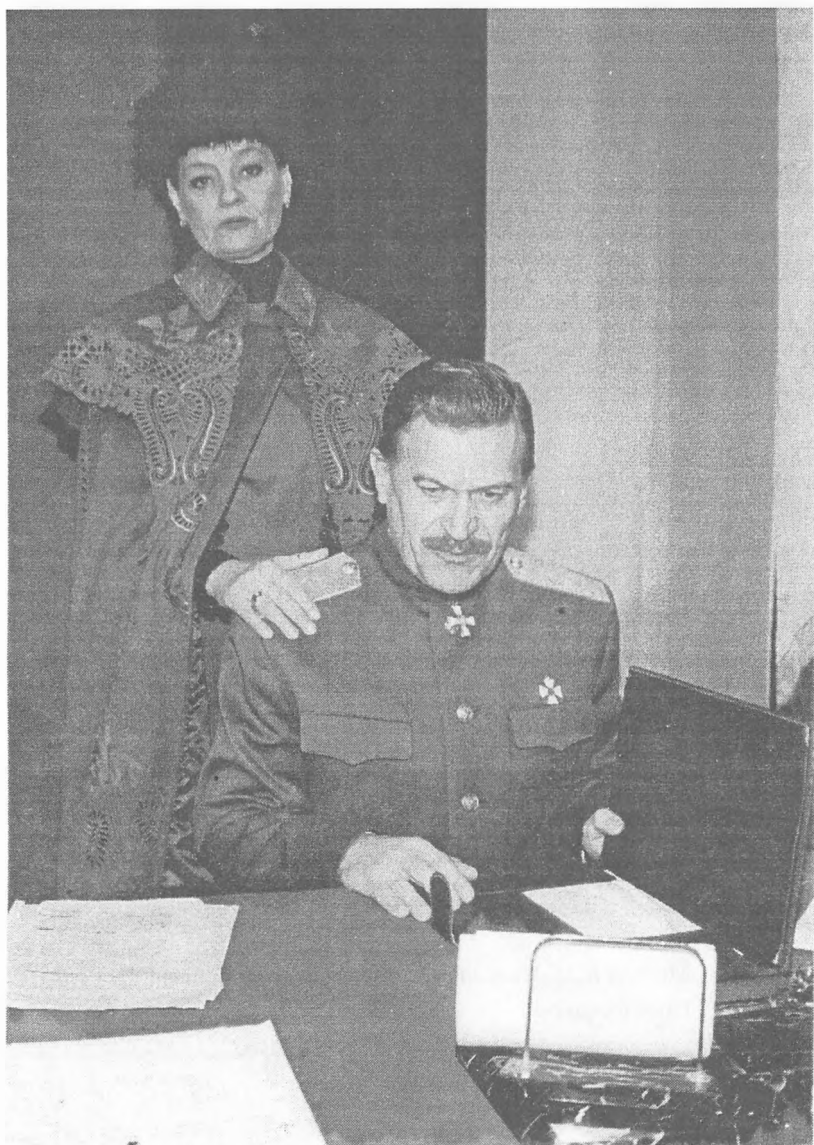
А.Ф. Керенский

Атаман А.М. Каледин в станице Старочеркасской зимой 1917-1918 гг.

Могила А.М. Каледина на городском кладбище в Новочеркасске.

Сцена из спектакля Ростовского академического театра драмы им. М.Горького «Честь имею». Атаман Каледин – засл.арт. России Н. Сорокин, атамашка – арт. Т. Бауло.

Сцена из спектакля «Честь имею». Атаман Каледин –
засл.арт. Росси Н.Сорокин, Митрофан Богаевский –
арт. В.Абросимов.

Сцена из спектакля «Честь имею». Атаман Каледин – засл.арг. России Н.Сорокин.

следования, при участии представителей Войска Донского виновников ложных сообщений и поспешных мероприятий, на них основанных». ⁶²

После оглашения этого решения Круга Скобелев предложил казакам направить в Петроград, к Керенскому, полномочную комиссию для окончательного решения этой проблемы. Круг тут же назначил такую делегацию во главе с П. М. Агеевым и И. Ф. Поляковым.

Семнадцатого октября комиссия была принята в Зимнем дворце премьером Керенским, которому была вручена памятная записка. В ней говорилось о непричастности Каледина и донского казачества к «мятежу» генерала Корнилова и ставился вопрос о его реабилитации. В беседе с казаками Керенский признал, что ультимативной телеграммы от Каледина он не получал и сожалеет о «тяжелом и печальном недоразумении», которое возникло между казачеством и Временным правительством и явилось «следствием панического состояния умов на юге». ⁶³

Касаясь отказа атамана поехать в Могилев для дачи показаний следственной комиссии, Керенский сказал:

«Если гора не пошла к Магомету, то Магомет пошел к горе, – имея в виду приезд следственной комиссии в Новочеркасск. – Впрочем, – добавил премьер, – это не снимает с генерала Каледина ответственности, но Временное правительство смотрит на это сквозь пальцы ввиду тяжелых условий момента». ⁶⁴

Уже будучи в эмиграции и возвращаясь в своих мемуарах к событиям калединского «мятежа», Керенский говорил, что эти недоразумения «объясняются... исключительно той отчужденностью, которая в последние десятилетия монархии искусственно создавалась между политически прогрессивной Россией и казачьими войсками». ⁶⁵ То есть, виноватым в калединском «мятеже» оказались царь и монархический режим!..

Донская делегация посетила в Петрограде и англий-

ского посла в России Джорджа Бьюкенена, попросив его способствовать нормализации взаимоотношений между Временным правительством и донским казачеством. Посол заявил донцам, что английское правительство и он сам высоко ценят казаков и их атамана и видят в них своих друзей.

Английский военный атташе генерал Нокс, также присутствовавший при встрече, позже заявил в беседе со своим американским коллегой полковником Робинсоном:

«Я не заинтересован в укреплении Керенского и Временного правительства. Единственная стоящая вещь в России – это установление... казацкой военной диктатуры». ⁶⁶

Все эти сведения Робинсон передал в Вашингтон, и, видно, с его подачи крупнейшая американская газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Каледин – это человек момента». ⁶⁷

Поддерживали донцов и французы, особенно их военный атташе в России генерал Писсель. ⁶⁸ Пытаясь показать Каледину свои к нему симпатии, англичане наградили донского атамана орденом Святого Михаила и орденом Святого Георгия 2-й степени. Получил Алексей Максимович и французский орден. Благодаря союзников за награды, атаман отнес «это высокое внимание исключительно к заслугам Войска Донского, во главе которого он имеет честь стоять». ⁶⁹

* * *

По возвращении из Петрограда члены донской делегации доложили Войсковому правительству, что «единственное светлое впечатление донская делегация вынесла из посещений английского посла сэра Бьюкенена... где не говорят слов на ветер». ⁷⁰

Вдохновленный поддержкой союзников, Каледин предложил создать специальный банк для финансирования борьбы с большевизмом. Из 150 миллионов рублей

уставного капитала 100 миллионов должны были внести донские и русские банки, а 50 миллионов – союзники. Для налаживания контактов с ними в Петроград выехал представитель Каледина банкир князь Шаховско, член ЦК партии кадетов. Там он встретился с Бьюкененом и в беседе с ним заявил, что нарождающемуся белому движению для похода на большевистскую Москву необходимы средства, и предложил принять участие в создании казачьего банка. «Капитал этого банка гарантируется природными ресурсами Юга России», – уточнил посланец Каледина.

– Союзники приветствовали бы создание сильного и стабильного российского правительства, которое бы продолжило войну, – ответил Бьюкенен. – Но прошу вас, князь, сохранить в тайне ваш визит ко мне...

Узнав о контактах донцов с англичанами, большевистская пресса обрушилась на них, забыв о том, что Ленин и его соратники действовали на немецкие деньги. Так, газета «Рабочий путь» в передовице за 17 октября писала:

«... Между Бьюкененом, Родзянко и Калединым установлено тесное соглашение. Теперь заговорщики против революции считают себя настолько сильными, что не делают больше тайны из своих планов».

* * *

В конце сентября в Новочеркасск из Петрограда прибыл министр труда С. Н. Прокопович. После встречи и беседы с Калединым он дал интервью кадетской газете «Ростовская речь», в котором отметил:

«Полагаю, что старая история явилась чистым недоумением. Временное правительство сожалеет, что получилась видимость конфликта. С генералом Калединым мы мирно беседовали. И если и остались какие-либо следы, то Временным правительством они окончательно ликвидируются. Все дело не стоит выеденного яйца». ⁷¹

Вслед за Прокоповичем атамана в Новочеркасске посетил представитель военного министра Верховского генерал Н. Н. Юденич. В беседе с корреспондентом газеты «Вольный Дон» он сказал, что прибыл на Дон для продолжения контактов с Донским правительством, что Временное правительство готово пойти навстречу законным пожеланиям казачества и, признавая ряд допущенных ошибок, считает необходимым устранить все недоразумения, в том числе и печальное недоразумение с генералом Калединым. «Я очень сожалею, — добавил в заключение Юденич, — что Временное правительство медлит сознаться в своей ошибке, хотя давно уже убедилось, что бунта на Дону не было». ⁷²

В Петроград, Временному правительству, Юденич отправил из Новочеркасска телеграмму, в которой писал:

«Нахожу действительно необходимым немедленное издание акта о реабилитации генерала Каледина и восстановлении его во всех правах». ⁷³

Заигрывая с казачеством, Керенский одновременно пытался ограничить права Донского правительства, прислав Каледину проект закона о казачьем самоуправлении. В нем прерогативы Войскового правительства резко сужались. Каледин, вместе с членами правительства изучив этот проект, в телеграмме на имя Керенского сообщал, что Войсковое правительство в самой решительной и категорической форме заявляет о его безусловной неприемлемости для казачества.

Двадцать первого октября Керенского посетил комиссар Временного правительства на Дону М. С. Воронков. Он обратил внимание премьера на опасность большевистского переворота и указал на казачество, как на единственную сплоченную силу, способную противостоять им. В этой связи он просил Керенского как можно быстрее реабилитировать атамана Каледина и наладить с ним тесные и доверительные контакты перед лицом общего врага. Премьер обещал подумать...

После всех визитов в Новочеркасск генерала Юденича и членов следственной комиссии во главе с полковником Украинцевым военный министр Верховский попросил председателя следственной комиссии Шабловского официально реабилитировать Каледина в глазах российской общественности, «если к тому не встречается препятствий с юридической точки зрения».

Двадцать первого – двадцать второго октября 1917 года следственная комиссия заслушала доклады своих посланцев, выезжавших в Новочеркасск для допроса донского атамана. Двадцать третьего октября, то есть за два дня до большевистского переворота, следственная комиссия вынесла официальное постановление о непричастности Каледина к корниловскому «мятежу». ⁷⁴

* * *

На праздник Покрова Пресвятой Богородицы Каледин с Митрофаном Богаевским решили на машине ехать на Монастырское урочище, чтобы там, на мемориале донцов, похороненных в 1637 – 1641 годах, принять участие в традиционных торжествах.

«Всю дорогу Алексей Максимович молчал, – вспоминала ехавшая с ним жена Богаевского Елизавета Дмитриевна. – Был чудесный день, солнце ярко светило. Приехали, началось богослужение: молебен, панихида, а затем на большой поляне – речи и парад. Над полем летали аэропланы. А потом общая казачья трапеза здесь, на поляне.

Подошел летчик Баранов, ... предложил мне подняться в воздух. Раздалось властное: «Не разрешаю...» Все поняли, что вопрос закончен.

Раздались стройные звуки «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон», а затем полились и другие казачьи песни. Любил их атаман, как и все казачьи песни, и слушал внимательно, как молитву...

Но не пришлось Алексею Максимовичу наслаждаться-

ся казачьими песнями – его и Митрофана Петровича окружила толпа, жаждавшая услышать от них самих о том, что творится в революционной России, о том, что будет дальше и т. д.»⁷⁵

Обратно возвращались в молчании...

* * *

В середине октября в Петрограде начал формироваться Совет Российской республики (предпарламент), в котором Временное правительство выделило для казаков квоту в восемь мест. Возмущенный столь мизерным количеством мест для казачьих представителей, Каледин телеграфировал Керенскому:

«Предоставленное казачеству количество мест в Совете республики совершенно не соответствует его значению и роли в современной жизни, почему Войсковое правительство настаивает на увеличении числа мест в Совете по крайней мере до тридцати».

Каледина поддержали Дутов, Караулов и атаманы других казачьих войск. Это требование вскоре было удовлетворено, и в предпарламенте в дальнейшем образовалась общеказачья фракция в количестве тридцати двух человек во главе с членом Донского правительства П. М. Агеевым.

Девятого октября на заседании казачьей и земской фракций, на котором присутствовали члены совета московских общественных деятелей, было принято решение о создании мощной беспартийной группы, стоящей на «чисто демократической платформе», но не связанной с социалистическими партиями и группами.

Но Россия уже стояла перед роковой чертой, перед большевистским переворотом...

Глава четвертая
ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Я всегда был верным сыном России, неотъемлемой частью которой является Тихий Дон.

А. М. Каледин

Двадцать пятого октября 1917 года, лишь только Каледину стало известно о выступлении большевиков против Временного правительства и еще не было точных сведений о захвате ими власти в Петрограде, атаман направил телеграммы во все округа Донской области.

«Ввиду выступления большевиков с попытками низвержения Временного правительства и захвата власти в Петрограде и других местах, – говорилось в этих телеграммах, – Войсковое правительство, считая этот захват власти большевиками преступным и совершенно недопустимым, окажет в тесном союзе с правительствами других казачьих войск полную поддержку существующему коалиционному Временному правительству. Ввиду чрезвычайных обстоятельств и прекращения сообщения с центральной государственной властью Войсковое правительство временно, впредь до восстановления власти Временного правительства и порядка в России, с 25-го сего октября приняло на себя всю полноту исполнительной власти в Донской области».¹

Второго ноября Каледин ввел военное положение в Ростовском градоначальстве, Черкасском, Ростовском и Таганрогском округах и в посаде Азов, а пять дней спустя и

на территории всей Донской области. Окружным и станичным атаманам он направил телеграммы с требованием «принять все меры, включительно до введения в надлежащих случаях военного положения и применения вооруженной силы, к подавлению малейшей попытки с чьей бы то ни было стороны в Донской области выступления против Временного правительства».²

Временному правительству и премьеру Керенскому Каледин предложил «искать поддержки в казачьих войсках» и приют на донской земле.

Однако кредит доверия к бывшему премьеру у казаков, находившихся в Петрограде и хорошо знавших его, кончился, и из Петроградского Союза казачьих войск на имя Каледина пришла телеграмма:

«Пусть казачество не связывает свою судьбу с этим проходимцем (Керенским, – М. А.), в тылу он потерял всякое влияние. Взять его к себе, конечно, надо, но как наживу для известного сорта рыбы...»³

Но Керенский пока на Дону не появлялся, скрываясь в Гатчине...

* * *

Шестого ноября в Новочеркасске продолжил работу Общефронтовой казачий съезд, переехавший сюда из революционного Киева. С приветствием к восьмистам делегатам съезда обратился Каледин:

– Господа делегаты! Когда вы заседали в Киеве, мы следили за вашими решениями, видели, что вы начали борьбу с большевиками... Вначале все казаки фронта стояли за поддержание законности и порядка, активно поддерживая Временное правительство. Потом их позиция меняется. Они занимают нейтральное положение, отказываясь от активных действий. Между тем нейтралитет очень опасен, и подлежит осуждению пассивное поведение казачьих полков, не оказавших поддержки Временному правительству. Ныне борьба переносится

большевиками в казачьи области, и нейтралитета здесь, господа казаки, быть не может...⁴

Каледин, раньше всех осознавший страшную опасность, исходившую от большевиков, призвал всех врагов этого русофобского и антиказачьего политического движения стать в ряды защитников законной власти, в ряды защитников России. Чтобы оградить себя «санитарным кордоном» от большевистской заразы, Войско Донское, как мы отмечали, объявило себя независимым государственным образованием до стабилизации общероссийской власти.

Тринадцатого ноября Каледин собрал в Новочеркасске Войсковое правительство, пригласив на заседание председателя новочеркасского военно-промышленного комитета А. И. Петровского, бывшего комиссара Временного правительства М. С. Воронкова и некоторых других общественных и политических деятелей Дона. Вопрос стоял так: что надо сделать, чтобы сформировать на Дону такие органы власти, дабы они смогли противостоять большевикам, причем противостоять эффективно?..

– Надо немедленно создать крепкую власть, хватит пустых разговоров, мы уже тонем в них! – горячился Воронков.

– Это не так просто, – заметил Митрофан Богаевский. – Попытка Виктора Чернова организовать правительство при Ставке потерпела, как известно, неудачу.

– Верховная власть должна быть создана не только одним Юго-Восточным союзом и не при Ставке, а всеми дееспособными организациями... – подал голос член правительства П. М. Агеев.

– Не время заниматься бухгалтерским подсчетом реальных сил, – взвился начальник войскового штаба Араканцев, – пора сейчас же действовать!

– Я предлагаю организовать временную государственную власть до созыва Учредительного собрания, – вступил в разговор Петровский.

Каледин, внимательно наблюдавший за дебатами, повернул голову в сторону Митрофана Богаевского. Тот встал и сказал:

– Господа, мы с Алексеем Максимовичем ежедневно получаем десятки телеграмм со всей России с просьбой защитить от большевиков и спасти страну от анархии. Но что может сделать одно казачество?.. Мы отказались даже от экспедиции в Воронеж. В России слишком переоценивают наши силы. Это своего рода оптический обман. Задача спасения России, к сожалению, не по плечу одному казачеству.⁵

Собравшиеся еще несколько минут обменивались мнениями, потом встал Каледин и в кратком резюме предложил мыслить реально и поручить создание органов государственной власти в России правительству Юго-Восточного союза. Все согласились с атаманом.

Коснувшись далее военной ситуации, Каледин предложил срочно начать стягивание казачьих полков на Дон.

– Лучше им отдохнуть в станицах, – тихо сказал атаман. – Россия безнадежно больна, пусть хоть казачества не коснется всероссийская зараза, хотя, впрочем, уже коснулась... Ведь сколько раз просил командующего Петроградским военным округом, нашего же природного казака полковника Полковникова⁶ вернуть на Дон 1-й и 4-й Донские казачьи полки, он этого не сделал. А ныне эти некогда надежные полки полностью разложены большевиками... Но будем надеяться на лучшее.

Атаман помолчал, потом взял со стола телеграмму и сказал:

– А вот, господа, что советует нам совет Союза казачьих войск из Петрограда, читаю: «Передайте генералу Каледину: необходимо захватить всю волжскую флотилию сверху и снизу. Требуйте от Каледина, чтобы он подчинил себе войска на Кубани и Тереке с туземным корпусом».⁷

Алексей Максимович бросил телеграмму на стол, устало произнес:

– Тут бы Дон удержать, а не то что Волгу и Кубань...

Но, несмотря на тяжелейшую ситуацию, на Дону была проделана большая работа по стабилизации власти и образованию твердых структур политического и экономического управления. Было создано Донское экономическое совещание, подготовлено все необходимое для введения собственной денежной системы, осуществление которой выпало уже на долю атамана П. Н. Краснова. Прорабатывался вопрос о привлечении к управлению Доном представителей неказачьего населения, составлявшего более половины всего числа жителей Донской области.

* * *

Тем временем на Дон, под защиту Каледина и его казаков, стали стекаться известные политические и общественные деятели прежнего режима: М. В. Родзянко, В. В. Шульгин, П. Н. Милюков, Н. Н. Львов, Г. Трубецкой, М. М. Федоров, П. Б. Струве, Б. В. Савинков, генерал М. В. Алексеев.

Последний в интервью новочеркасской газете «Вольный Дон» говорил:

«Русская государственность будет создаваться здесь... Обломки старого русского государства, ныне рухнувшего под небывалым шквалом, постепенно будут прибаваться к здоровому государственному ядру юго-востока».⁸

И Алексеев приступил к срочному формированию новой армии, названной Добровольческой. Под штаб по ее формированию Каледин отвел двухэтажный кирпичный дом на Барочной улице, номер два, где раньше располагался госпиталь.

В эти дни Каледин почти каждый день принимал у себя во дворце бывших деятелей прежнего режима, профессо-

ров и промышленников, революционеров и террористов...

Любопытный разговор состоялся у Каледина с бывшим террористом и бывшим комиссаром Юго-Западного фронта Борисом Викторовичем Савинковым, проходивший в атаманском дворце в присутствии Митрофана Богаевского.

– Я думаю, Алексей Максимович, – удобно расположившись в кресле, говорил Савинков, – вы не понимаете, что совершенно невозможно бороться против большевиков, не опираясь на крестьянство. Ведь настоящая Россия в огромной степени – крестьянство, для крестьянства и во имя крестьянства. Иначе борьба окончится неудачей...

Каледин устало посмотрел на бывшего террориста, в свое время усердно расчищавшего большевикам дорогу к всероссийской власти, и уже собрался резко ответить Савинкову, как, догадавшись об этом, энергично заговорил Богаевский:

– Нет, Борис Викторович, время демократии прошло. Мы рассчитываем на буржуазию и казаков.⁹

Последующие события показали, что Савинков был прав, и тогда Каледин выдвинул программу «паритета» прав всех групп и сословий донского населения. Но к тому времени большевики уже прочно перехватят инициативу, наобещав крестьянам золотые горы...

Двадцать второго ноября в Новочеркасск прибыл генерал Деникин, давний знакомец атамана.

«Я направился к Каледину, который сидел в огромном кабинете один, как будто придавленный неизбежным горем, осунувшийся, с бесконечно усталыми глазами, – вспоминал Деникин в «Очерках русской смуты». – Не узнал. Обрадовался. Очертил мне кратко обстановку. «Власти нет, силы нет, казачество заболело, как и вся Россия».¹⁰

Поделившись своим видением социально-политической обстановки, Деникин ушел.

Три дня спустя он снова появился в кабинете Каледина; на этот раз он привел только что прибывшего в Новочеркасск известного в русской армии генерала А. С. Лукомского. Разговор зашел о формировании генералом Алексеевым Добровольческой армии.

– Я, господа, работаю в полном согласии с генералом Алексеевым, – сказал Каледин, – и убежден, что Михаилу Васильевичу удастся сформировать боеспособную Добровольческую армию, а мне – Донскую.

– Мы тоже в надежде на это, Алексей Максимович, потому и приехали на Дон, в Новочеркасск, чтобы участвовать в этом святом деле, – оживленно ответил Лукомский.

– Чрезвычайно рад, господа, приезду на Дон целой группы генералов, которые помогут наладить организационную работу, – продолжал разговор атаман, потом замялся, подбирая нужные слова. – Но имена генералов Корнилова, Деникина, Лукомского и Маркова, к сожалению, настолько для массы связаны со страхом контрреволюции, что я рекомендовал бы вам обоим, господа, и приезжающему генералу Маркову пока активно не выступать; было бы даже лучше, если бы вы временно уехали из пределов Дона.

Деникин и Лукомский переглянулись; заметив это, Каледин поспешно добавил:

– Я отнюдь не настаиваю, чтобы вы уезжали с Дона. Если вас это не устраивает, то оставайтесь, и вы будете гостями донского казачества. Но я, хорошо зная обстановку, счел своим долгом высказать, что вам лучше временно уехать. Я убежден, что в самом ближайшем будущем ваше присутствие здесь будет совершенно необходимо; тогда вы вернетесь, и мы вместе будем работать.

«Деникин, Марков и я решили уехать из Новочеркасска, – пишет в своих воспоминаниях генерал Лукомский. – Генералы Деникин и Марков решили ехать в Екатеринодар, а я во Владикавказ».¹¹

Появился в донской столице и «душка» Керенский, попросив через Митрофана Богаевского приема у Каледина.

– Мало ему, что всю Россию погубил, так хочет и на Дону свою разрушительную работу продолжить! – гневно багровея лицом, прокричал хлопотавшему за Керенского Богаевскому атаман. – Зачем его сюда принесло?

– Так мы ж его сами когда-то приглашали... – попытался заступиться за бывшего премьера Митрофан Петрович.

– То было давно, а ныне не надо нам его! Вон! Чтобы духу его здесь не было. Не желаю его даже видеть, пусть лучше убирается прочь отсюда! – бушевал обычно сдержанный Каледин.

Смущенный такой бурной реакцией атамана, Богаевский попытался снова возражать, но Алексей Максимович резко переменял тему разговора.¹²

Наконец, в Новочеркасск прибыл генерал Корнилов, которого все с нетерпением ожидали, возлагая на него большие надежды в плане организации борьбы с большевиками. В казачьей столице он появился в образе маленького бородатого старичка, одетого в потертый полушубок, в подшитых валенках и с паспортом на имя беженца из Румынии Лариона Иванова.¹³ С его прибытием формирование Добровольческой армии активизировалось.

Внимательно следивший за концентрацией белых сил на Дону английский военный атташе генерал Нокс общал в Лондон:

«С атаманом Калединым на Дону генералы Корнилов, Деникин, Алексеев, Эрдели; с ними лидеры кадетов Милюков, Родзянко и Гучков. Но у него очень мало сил... около 5000 человек пехоты и около 10000 сабель. Если атаман не получит золото союзников, их руководство и советы в борьбе против остальной России, то он будет разбит».

Двадцатого ноября премьер-министр Ллойд-Джордж выступил за финансирование Каледина. Бьюкенену была передана следующая шифровка:

«Военный кабинет рассмотрел положение в России... и его члены пришли к мнению, что необходимо сконцентрировать усилия на попытках предотвратить заключение Россией сепаратного мира с Германией. Министры полагают, что единственная надежда осуществить это состоит в усилении всеми находящимися в вашем распоряжении средствами тех элементов, которые по-настоящему расположены к Антанте. Их возглавляют Каледин, Алексеев и их группа».¹⁴

Пытались наладить контакты с Калединым и французы. На Дон, к атаману, из Петрограда было направлено французским военным атташе генералом Нисселем несколько офицеров.

В середине ноября 1917 года Парижская конференция союзников приняла решение послать к атаману Каледину на Дон неофициальную англо-французскую военную миссию. Кстати, члены этой миссии приняли участие в боях калединовцев за Ростов. Несколько позже эта миссия получила 10 миллионов фунтов стерлингов для финансирования военных мероприятий Каледина. В это же время Франция предоставила кредит в 100 миллионов франков генералу Алексееву для формирования Добровольческой армии.

* * *

Наряду с атаманской властью в Новочеркасске в Ростове-на-Дону возник Военно-революционный комитет, находившийся под контролем большевиков. Он полностью поддержал Октябрьский переворот в Петрограде и призвал для защиты советской власти на Дону рабочие отряды из городов Донбасса и центра России.

Одновременно мелкие суда Черноморского флота высадили десант у Таганрога, захватив его. В больше-

вистской газете «Наше знамя» появилось ликующее сообщение:

«Товарищи, в Ростов прибыли, несмотря на противодействие Каледина, революционные черноморские моряки. Наши братья моряки пришли на призыв ростовских рабочих и донецких шахтеров для того, чтобы утвердить власть советов и рабочего и крестьянского правительства в Донской области».¹⁵

Одновременно на севере Донской области, у станции Кантемировка, закрепился большевистски настроенный 17-й стрелковый полк. Несколько дней спустя Ростов и Нахичевань полностью оказались в руках красногвардейцев. В телеграмме Ленину командующий красногвардейскими войсками А. С. Бубнов сообщал:

«Станция Нахичевань захвачена войсками Военно-революционного комитета. Юнкера отступили по направлению к Новочеркасску, нами взяты броневые машины и станция Ростов. Казаки сдались, генерал Потоцкий (начальник Ростовского гарнизона, – М. А.) и его штаб арестованы».¹⁶

Все это означало, что Дон отныне отрезался от казачьих регионов Терека и Кубани. Такое положение было нетерпимым для Каледина, и он решил нанести удар по Ростову, собрав все наличные силы. По его приказу были разоружены большевистски настроенные пехотные полки, стоявшие в Новочеркасске и Каменской...

Вечером 26 ноября Каледин отправился на Барочную улицу в дом два, где размещался штаб Добровольческой армии генерала Алексеева, с которым у атамана в последнее время отношения складывались не лучшим образом...

– Михаил Васильевич! Я пришел к вам за помощью. Будем, как братья, помогать друг другу. Всякие недоразумения между нами кончены. Будем спасать то, что еще можно спасти...

Алексеев, тронутый такой искренностью Каледина, обнял его и со слезами на глазах ответил:

– Дорогой Алексей Максимович, все, что есть у меня, рад отдать для общего дела!¹⁷

В самом конце ноября 1917 года соединенные силы донских казаков и алексеевцев во главе с Калединым и Походным атаманом А. М. Назаровым завязали бои на подступах к Ростову.

«Шесть дней под Ростовом и в самом Ростове шли бои, – писал Михаил Шолохов в романе «Тихий Дон». – Дрались на улицах и перекрестках. Два раза красногвардейцы сдавали ростовский вокзал и оба раза выбивали оттуда противника».¹⁸

В результате ожесточенных боев казаки 2 декабря выбили красных из Ростова, снова восстановив связь с казачьими областями Кубани и Терека.

Потерпев поражение, троцкистская пропаганда сразу же затрубила о «чудовищных зверствах Каледина» при взятии Ростова. Опровергая эти обвинения, соратник атамана Митрофан Богаевский писал:

«Много ходит преувеличенных рассказней о жестокости А. М. Каледина, проявившейся во времена ростовского дела. Да, несколько боевых стычек было жестоких: возле Нахичевани и во время осады ростовского вокзала, где... действительно красногвардейцев легло много, а их невысокая в то время боеспособность эти жертвы увеличивала (говорят, они шли в открытую против вокзала). ...Войдя в город, Каледин зверств, казней и т. д. не устраивал...»¹⁹

Впрочем, трудно представить, что в кровавой борьбе, которая разворачивалась на Дону, калединцы обходились без арестов и пролития крови своих противников, как, впрочем, и последние. Чистым быть в условиях страшного ожесточения гражданской войны было невозможно...

Увы, к великому несчастью!..

Более жестко, чем Каледин, был настроен генерал Корнилов. После взятия Ростова он говорил атаману, имея в виду красноармейцев:

«Церемониться нечего с ними, Алексей Максимович. Вы меня простите за откровенность, по-моему, много времени у вас на разговоры уходит, а тут если сделать хорошее кровопускание, то и делу конец».²⁰

Шестого декабря по приказу Каледина казачьи части и юнкера во главе с генералом Кутеповым после непродолжительных стычек с рабочими отрядами заняли Таганрог. Вскоре сюда из Киева прибыла школа юнкеров численностью до тысячи человек во главе с полковником Мастыка. Затем из Ростова подошел офицерский батальон.

После захвата Ростова и Таганрога калединские отряды двинулись на север Донской области, но сил явно не хватало, и пришлось остановиться на линии Мариуполь – Юзовка – Дебальцево – Каменская.

«Положение теперь безнадежно, – записал в своем дневнике английский посол в России Бьюкенен, – так как большевики сейчас хозяева на севере и в Москве, и хотя Каледин держит в своих руках юг, но у него нет шансов продвинуться на север».²¹

Сам Каледин в беседе с английским эmissаром Фитц-Вильямсом и представителем французского правительства капитаном де Курсоном, трезво оценивая сложившуюся обстановку, заявил:

«Вы питаете странные иллюзии относительно моих казаков, так как и их коснулся большевистский вирус. Если еще старики остаются честными и чистыми, то молодежь, и особенно фронтовики, завоеваны на сторону новых идей. У меня имеются лишь три жалкие дивизии, которые мне необходимы для гарнизонов в Таганроге, Ростове, Новочеркаске и, наконец, во всем районе Донбасса... Большевики объявили мне войну и направляют против меня очень серьезную экспедицию».²²

Каледин всерьез рассчитывал в борьбе с большевика-

ми на помощь англо-французских союзников, считая, что «подавить большевиков может только интервенция союзников, начиная с военной оккупации Петрограда и Москвы». ²³

Вскоре и сами союзники осознали ограниченность калединских сил и возможностей. Так, английский подполковник Джэк 18 декабря сообщал из Ростова, что донской атаман не намерен наступать за пределы Донской области и что «движение в Новочеркасске не имеет важного значения, силы незначительны, и в ближайшем будущем они не смогут возрасти».

Английский военный атташе в Петрограде генерал Нокс, на основе донесений своих агентов с Дона, телеграфировал в Лондон, что «Алексеев и Каледин ничего не имеют, за исключением двух рот с перспективой формирования еще трех... Никто из русских, казаков или кого-либо еще не станет сражаться, если к этому их не принудит иностранная сила». ²⁴

В условиях нехватки сил Каледин неожиданно получил моральную поддержку от Первого общешероветского казачьего съезда, проходившего в начале декабря 1917 года в штабе Румынского фронта. В воззвании съезда к казакам России говорилось:

«...Когда внутри России не унимается смута, чинимая врагами народа, свободы и Родины, мы, казаки, предлагаем всем одиннадцати казачьим Войскам и украинским полкам объединиться в одну могучую армию, предлагаем призвать героя карпатских боев генерала Каледина со своими походными атаманами и пусть, собравши казачьи войска, разбросанные теперь по сотням и полкам, ведет казачью армию туда, куда велит наш долг перед народом...» ²⁵

* * *

После окончания боев за Ростов и Таганрог в Новочеркасске собрался Третий Большой Войсковой Круг. Он

должен был обсудить создавшееся нелегкое положение и принять действенные меры для укрепления стабильности властных структур на Дону. На Круге присутствовало около 500 депутатов от станиц и более 200 делегатов Казачьего съезда всероссийских фронтов. Докладывая депутатам о взятии Ростова, Каледин сказал:

– Вы, может быть, спросите, почему же мы не покончили с большевиками одним ударом? Сделать это было не трудно, но страшно было пролить первым братскую кровь.

– Но кровь пролилась! – выкрикнул кто-то из зала.

– Кровь пролилась... – тихо повторил Алексей Максимович и добавил: – Я пришел сюда с чистым именем, а уйду, может быть, с проклятиями. Поэтому я ставлю вопрос о доверии себе и своим действиям и слагаю пока свои полномочия Войскового атамана.²⁶

Одновременно Каледин предложил создать ответственное Донское правительство, а Войскового атамана наделить *всей* полнотой военной и гражданской власти.

– Войскового атамана надо поставить вне правительства для гарантии всего казачества, – заявил Каледин, – и в помощь ему назначить Походного атамана, создав при этом полевое управление. В нынешних условиях это крайне необходимо сделать...

Четко осознав, что новое стабильное общество на Дону можно построить, только опираясь на все слои донского населения, Каледин предложил Войсковому Кругу предоставить всем жителям Донской области равные возможности для социально-экономической деятельности.

– К верховной власти в области, – настойчиво убеждал он депутатов Круга, – надо привлечь все население. И с этим надо спешить, господа казаки. Немедленное представительство окажет огромное влияние на позицию не только крестьян, но и рабочих городов Донской области. При настоящих условиях игнорировать рабочих нельзя... Я не мыслю сейчас управления Доном без немедленного представительства всего населения. Но,

конечно, мы не потерпим в нашем правительстве большевиков... На первом плане должно быть единство всего казачества и тесное сплочение его с остальным населением области. Тогда будет твердая опора для борьбы с большевизмом. Мы стоим на твердой почве: быть хозяином в собственном доме, и непрошенного гостя мы отбросим в сторону.²⁷

Это предложение Каледина вызвало противодействие со стороны определенной части казаков, которые, не владея обстановкой, упорно гнули линию на то, что власть на Дону должна принадлежать *исключительно* казакам, хотя они составляли менее половины донского населения. Но большинство депутатов Круга поддержало в этом вопросе своего атамана.

На следующий день состоялись выборы Войскового атамана: абсолютное большинство голосов получил Каледин. Против голосовал только хорунжий А. И. Автономов – будущий командующий советскими войсками на Северном Кавказе. В Донское правительство, численность которого сократилась с 21 до 10 членов, вошли А. М. Каледин, М. П. Богаевский, П. М. Агеев, В. А. Харламов, Б. Н. Уланов, А. П. Епифанов, Н. М. Мельников, С. Г. Елатонцев, И. Ф. Поляков, Г. И. Карев.

«Власть – это тяжкий крест, который я взвалил на себя в этой борьбе с большевиками, – сказал в своем заключительном слове Каледин. – Выйти победителем из нее мы сможем только в том случае, если все население Дона активно поддержит своих избранников. – И, мгновение помолчав, твердо добавил: – Так, значит, борьба не на жизнь, а на смерть! Прошу верить, долг свой исполню до конца».²⁸

Получилась грустная сцена, и, чтобы хоть как-то ее разрядить, председатель Круга П. М. Агеев, бывший директор Клетской станичной гимназии, сильным тенором затянул старинную казачью песню, которую подхва-

тили все депутаты, а Бадьма Уланов даже выскочил на сцену с лихой пляской. Но настроение так и не поднялось, все чувствовали, что на Дон надвигается что-то страшное, безысходно-неотвратимое...

Разошлись после двух часов ночи...

* * *

В это время казачество, как политическая и военная сила, начинает привлекать возрастающее внимание американцев, англичан и французов. В меморандуме президенту США Вильсону государственный секретарь Лансинг писал:

«Единственным реальным ядром организационного движения, достаточно сильного, чтобы сместить большевиков и учредить правительство, является группа высших офицеров во главе с атаманом донских казаков Калединым».²⁹

Вильсон, прочитав меморандум и обсудив с Лансингом ситуацию в России «и особенно крепость калединского движения», принял решение оказать донскому атаману финансовую и материальную помощь.

В середине декабря 1917 года в Новочеркасск к Каледину прибыла американская миссия во главе с московским вице-консулом Де Вит Пулем. Он обсудил с Калединым, Алексеевым и Милюковым планы борьбы с большевиками и в донесении американскому консулу в Москве Саммерсу настоятельно рекомендовал оказать быструю финансовую помощь калединцам. Вскоре после этого Нью-Йоркский национальный городской банк, где хранились фонды русского посольства в Америке, получил указание переслать через англичан 500 тысяч долларов атаману Каледину.³⁰

В это же время в донской столице начали свою деятельность французская и английская военные миссии. Первую из них, в составе капитана де Курсона и Бернье, возглавил полковник Гюше. Главой английской миссии

при Каледине стал генерал Декандол, прибывший из Ясс.³¹

Кроме этого, англичане поддерживали связь с донским атаманом и через свое консульство в Тифлисе, откуда в Новочеркасск регулярно наезжал капитан Ноэль.³² В честь союзников в Новочеркасске и Ростове давались роскошные приемы, говорились проникновенные речи, в душах казаков теплилась надежда на их действенную помощь в борьбе против большевиков. Но надежды были напрасными.

Каледин вел переговоры и с чешским политическим деятелем Т. Г. Масариком (будущим президентом Чехословакии) о переброске чехословацкого корпуса, сформированного в России из военнопленных, на Дон для борьбы с большевиками. Однако ввиду разногласий между англичанами и французами по вопросу о месте действий этого корпуса осуществить его передислокацию на Дон не удалось.³³

В это же время в Париже рассматривался вопрос о предоставлении в распоряжение Каледина румынских войск, но и этот план не был осуществлен.

Стремясь расширить социальную базу своей власти, Каледин предложил ввести в состав Донского правительства представителей от крестьян, рабочих и торгово-промышленных слоев Дона, представителей других социальных групп области. Объявление об этом намерении было сделано 5 января 1918 года. Донское правительство и сам атаман объявили свободу слова, печати, совести, собраний и союзов. На Дону отменялось военное положение и на 4 февраля намечался Войсковой Круг и Областной Съезд неказачьего населения одновременно. Создавались все условия для установления гражданского мира и налаживания нормальной жизни, порушенной войной и революциями.

Однако такой ход событий не устраивал разрушителей-большевиков, жаждавших единоличной власти...

10 – 11 января 1918 года в станице Каменской большевистски настроенный съезд казаков-фронтовиков принял решение о взятии в свои руки *всей* полноты власти на Дону. Резолюция съезда гласила:

«Учитывая создавшееся положение на Дону, обсудив его, съезд решил взять на себя революционный почин освобождения трудового населения и прежде всего трудового казачества от гнета контрреволюционеров из Войскового правительства, генералов, помещиков и капиталистов, мародеров и спекулянтов. Съездом образован Военно-революционный комитет, к которому впредь до образования новой власти трудового казачества с сего числа переходит власть в Донской области».³⁴

Одновременно на съезде был принят ультиматум следующего содержания:

«1. Вся власть в Области Войска Донского над войсковыми частями и в ведении военных операций от сего, 10 января 18 г., переходит от Войскового атамана к Донскому казачьему военно-революционному комитету.

2. Отозвать 15 января с. г. все партизанские отряды, которые действуют против революционных войск, и разоружить как их, так и добровольческие дружины, юнкерские училища и школы прапорщиков, выслать всех участников этих организаций, не живших на Дону, из пределов Донской области в места их жительства.

Примечание:

Оружие, снаряжение и обмундирование должны сдать комиссару Военно-революционного комитета. Пропуск на выезд из Новочеркасска должны получить от комиссара Военно-революционного комитета.

3. Город Новочеркасск должны занять казачьи полки по назначению Военно-революционного комитета.

4. Объявить членов Войскового Круга неправомочными с 15 января с. г.

5. Отозвать всю полицию, поставленную Войсковым правительством, из рудников и заводов Донской области.

Объявить по всей Донской области, станицам и хуторам о добровольном сложении Войсковым правительством своих полномочий во избежание кровопролития и о немедленной передаче власти областному казачьему Военно-революционному комитету впредь до образования в области постоянной трудовой власти всего населения». ³⁵

Центральной государственной властью ВРК признал ВЦИК и Совнарком, куда В. А. Антонов-Овсеенко направил телеграмму о том, что «началась революция на Дону. Съездом казаков ст. Каменской объявлена война Каледину. Постановлено захватить всю власть в области». ³⁶

Тут же появился и ультиматум Совнаркома Каледину. В нем донской атаман объявлялся вне закона, какая-либо помощь каледицам «со стороны местного населения или железнодорожного персонала» запрещалась. Одновременно объявлялось, что «всякий трудовой казак, который сбросит с себя иго калединых, корниловых и дутовых, будет встречен братски и найдет необходимую поддержку со стороны советской власти». ³⁷

Получив сообщение о каменском съезде и принятых там решениях, Каледин предпринял попытку наладить мирный диалог с Военно-революционным комитетом. Он отправил в Каменскую членов Войскового правительства во главе с Агеевым, чтобы они пригласили руководителей Военно-революционного комитета в Новочеркасск для переговоров. Им гарантировалась личная безопасность.

Пятнадцатого января 1918 года в Новочеркасске состоялась встреча Каледина с председателем Военно-ре-

волюционного комитета Федором Подтелковым. В атаманском дворце сели друг против друга за одним столом подхорунжий Подтелков со своими единомышленниками Кудиновым, Кривошлыковым, Лагутиным, Скачковым, Головачевым, Минаевым и генерал от кавалерии Каледин, по обе стороны от которого расселись Богаевский, Карев, Агеев, Уланов, Светозаров, Елатонец, Мельников, Шошников, Поляков. За каждым из лидеров стояли определенные слои некогда единого донского казачества, своя правда...

В большевистской литературе утверждалось, что Подтелкова и его соратников поддерживало подавляющее большинство донских казаков, а атаман Каледин опирался на жалкую кучку местных богатеев-контрреволюционеров. Но так ли это?..

К 1918 году Донское казачье войско насчитывало 60 конных полков, 6 пеших батальонов, 126 отдельных конных сотен, 37 батарей и 5 запасных полков. Из всего этого числа воинских сил Подтелкова поддержали 11 полков, 1 батальон, 5 батарей, 1 сотня и 1 местная команда.³⁸ Простое сравнение этих данных ставит под сомнение законность бескомпромиссных требований подтелковцев отдать им в единоличную власть весь Дон.

Тем не менее Каледин шел на компромисс с Подтелковым и его соратниками. Однако тот отверг все разумные предложения атамана, требуя перехода *всей* власти в руки Военно-революционного комитета. Тогда Каледин предложил решить вопрос о власти на Дону 4 февраля, когда в Новочеркасске одновременно соберутся казачий Круг и областной Съезд неказачьего населения.

– Члены на этот Круг будут переизбраны, – добавил Каледин, обращаясь к Подтелкову. – Согласны ли вы на взаимный контроль при выборах?

– Нет! – угрюмо промолвил Подтелков. – Если вас будет меньшинство, мы диктуем вам свою волю...

– Но ведь это насилие!?

– Да!*

– Донское правительство обсудит предложение ревкома и в письменной форме даст ответ к десяти часам утра завтра, – завершил встречу атаман.

В этом диалоге отражен весь смысл трагической развязки, приведшей к гражданской войне на донской земле: стремление атамана Каледина, опиравшегося на большинство казачьего населения, решить вопрос мирно и с учетом мнения и интересов всех слоев донского населения и упрямое желание Подтелкова и его единомышленников любой ценой, не считаясь ни с чем, используя грубую силу, взять власть в свои руки, не имея на то законных оснований. В этой связи интересно взглянуть на итоги выборов на Дону в Учредительное собрание, проводившихся 12 – 14 ноября 1917 года. За 4-й казачий («Калединский») список проголосовало более 45 процентов избирателей Дона (637 тысяч человек из 1 миллиона 407 тысяч избирателей). За большевистский 5-й список отдали голоса лишь 3,7 процента избирателей.³⁹

На следующее утро Подтелкову был вручен ответ Донского правительства следующего содержания:

«Войсковое правительство Войска Донского, обсудив требования Военно-революционного казачьего комитета... объявляет, что правительство является представителем всего казачьего населения области. Избранное населением, правительство не имеет права сложить своих полномочий до созыва нового Войскового Круга.

* В апреле 1918 года Федор Иванович Подтелков (1890 – 1918) станет председателем Совета народных комиссаров Донской Советской республики. Во время карательной экспедиции на север Донской области в мае 1918 года попадет в плен и будет повешен казаками в хуторе Пономареве близ станицы Краснокутской. 6 марта 1919 года эта станица будет переименована в волость Подтелковскую.

Войсковое правительство Войска Донского признало необходимым распустить прежний состав Круга и произвести перевыборы депутатов как от станиц, так и от войсковых частей. Круг в своем новом составе, свободно избранный (при полной свободе агитации) всем казачьим населением на основе прямого, равного и тайного голосования, соберется в городе Новочеркасске 4 февраля сего года одновременно со съездом всего неказачьего населения. Только Круг, законный орган, восстановленный революцией, представляющий казачье население области, имеет право сместить Войсковое правительство и избрать новое. Этот Круг вместе с тем обсудит вопрос и об управлении войсковыми частями... Что касается формирования и деятельности Добровольческой армии, то объединенное правительство уже раньше приняло решение взять их под контроль правительства при участии Областного военного комитета.

... Правительство заявляет, что в устройстве местной жизни может принимать участие лишь местное население, а потому оно считает необходимым всеми мерами бороться против проникновения в область вооруженных большевистских отрядов, стремящихся навязать области свои порядки.

... Правительство не желает гражданской войны, оно всеми мерами стремится покончить дело мирным путем, для чего предлагает Военно-революционному комитету принять участие в депутации к большевистским отрядам.

... Правительство обеспечивает полную свободу выборов в станицах и войсковых частях, и каждый гражданин сможет развить свою агитацию и отстаивать свою точку зрения на назначенных выборах в Войсковой Круг.

... Войсковое правительство Войска Донского предлагает всем частям, пославшим своих депутатов в Военно-революционный комитет, возвратиться к своей нормальной работе по защите Донского края... Военно-революционный комитет должен быть распущен избрав-

шими его частями, и все части, взамен этого, должны послать своих представителей в существующий Областной военный комитет, объединяющий все войсковые части области.

Войсковое правительство требует, чтобы все арестованные Военно-революционным комитетом были немедленно освобождены, а администрация, с целью восстановления нормальной жизни в области, должна быть возвращена к исполнению своих обязанностей.

Являясь представителем только незначительного числа казачьих частей, Военно-революционный комитет не имеет права предъявлять требования от имени всех частей, а тем более — от имени всего казачества.

Войсковое правительство считает совершенно недопустимым сношения комитета с Советом народных комиссаров и пользование его денежной поддержкой, так как это означало бы распространение влияния Совета народных комиссаров на Донскую область, а между тем казачий Круг и Съезд неказачьего населения всей области признали власть советов неприемлемой, так же как и Украина, Сибирь, Кавказ и все без исключения казачьи войска.

Председатель Войскового
правительства, товарищ
Войскового атамана
М. Богаевский.

Старшины Войска Донского:
*Елатонцев, Поляков, Мельников».*⁴⁰

Ознакомившись с ответом Донского правительства, Подтелков тут же покинул Новочеркасск...

* * *

Военная обстановка для Каледина с каждым днем ухудшалась. Большевики из Москвы и Харькова подкре-

пили подтелковцев на Дону, и те усилили нажим, а силы Каледина истощались. К середине января 1918 года против него действовали отряды Саблина (2500 действующих штыков и сабель и 5000 человек резерва), Сиверса (1700 штыков и сабель и 4000 местных красноармейцев) и Петрова (2500 бойцов с двумя орудийными батареями и 20 пулеметами).⁴¹

Ленин в телеграмме на имя командующего наступающими на Дон большевистскими частями В. А. Антонова-Овсеевко приказал не идти ни на какие компромиссы с Калединым. «От всей души приветствую вашу энергичную деятельность и беспощадную борьбу с калединцами, – писал большевистский вождь. – Вполне одобряю неуступчивость к местным соглашателям, сбившим, кажется, с толку часть большевиков. Особенно одобряю и приветствую арест милиционеров-саботажников в вагоне I и II класса. Советую отправить их на полгода на принудительные работы в рудники».⁴²

Уставшие от войны и лишений, казаки поддавались большевистской пропаганде и покидали свои боевые позиции, расходились по своим станицам и хуторам, надеясь дома переждать смутное время. И это несмотря на многочисленные призывы Каледина, требовавшего от казаков вступать в ряды формирующейся Донской армии. Воочию наблюдавший эту безрадостную картину генерал Алексеев с горечью писал главе французской военной миссии в Киеве:

«Казачьи полки, возвратившиеся с фронта, находятся в полном нравственном разложении. Идеи большевизма нашли приверженцев среди широкой массы казаков. Они не желают сражаться даже для защиты собственной территории, ради спасения своего достоинства. Они глубоко убеждены, что большевизм направлен только против богатых классов, буржуазии, интеллигенции, а не против области, где сохранился порядок, где есть хлеб, уголь, железо, нефть».⁴³

Надо заметить, что большевики в это время не скупилась на обещания, лишь бы немедленно перетящить казачество на свою сторону. Так, в декрете-обращении «Ко всему трудовому казачеству» Совета Народных комиссаров от 13 (26) декабря 1917 года говорилось:

«Властью революционных рабочих и крестьян Совет Народных комиссаров объявляет всему трудовому казачеству Дона, Кубани, Урала и Сибири, что рабочее и крестьянское правительство ставит своей ближайшей задачей разрешение земельного вопроса в казачьих областях в интересах трудового казачества и всех трудящихся на основе советской программы и принимая во внимание все местные и бытовые условия, в согласии с голосом трудового казачества на местах. В настоящее время Совет Народных комиссаров постановляет:

1. Отменить обязательную воинскую повинность казаков и заменить постоянную службу краткосрочным обучением при станицах.

2. Принять на счет государства обмундирование и снаряжение казаков, призванных на военную службу.

3. Отменить еженедельные дежурства казаков при станичных правлениях, зимние занятия, смотры и лагеря.

4. Установить полную свободу передвижения казаков...»⁴⁴

И такие широковещательные, явно популистские заявления большевиков действовали на смертельно уставших от войны и революций казаков: они отсиживались в родных курнях, ожидая лучших времен. И только «героическая учащаяся молодежь напрягала последние силы для защиты Дона, его чести и достоинства». Однако неопытные в военном деле гимназисты и кадеты десятками гибли в неравной борьбе, и «все больше вырастали могильные холмы с лесом простых белых крестов на партизанском участке Новочеркасского кладбища, все печальнее становились добрые глаза атамана, ежедневно с поникшей головой провожавшего на кладбище неизвест-

ных молодых героев». ⁴⁵ Встречавшийся в эти дни с Калединым А. И. Петровский вспоминал, что когда он «всмотрелся в лицо атамана», то у него «упало сердце: в глазах выразалась страшная, смертельная усталость». ⁴⁶

К концу января 1918 года военно-политическая обстановка на Дону стала критической. Находящийся в эти дни на Дону участник белого движения писатель Роман Гуль так описывал тогдашнюю обстановку:

«С каждым днем в Новочеркасске настроение становилось тревожнее. Среди казаков усиливается разложение. Ожидается выступление большевиков. Каледин по-прежнему нерешителен. Войсковой Круг теряется...» ⁴⁷

Двадцать шестого января Алексей Максимович решил собрать вечером членов Донского правительства и Войскового Круга, вернувшихся после объезда ряда станиц, чтобы обсудить сложившееся положение и выработать план дальнейших действий. По совету Митрофана Богавского атаман пригласил на совещание Корнилова и Алексеева. Вечером из Ростова приехал начальник штаба Добровольческой армии генерал Лукомский. На совещании присутствовали и некоторые «московские политические деятели». Хмурый и сосредоточенный, совещание открыл Каледин:

– Господа, к сожалению, ситуация на фронтах очень тяжелая. Дон окончательно развалился, и спасти положение весьма трудно. Без Добровольческой армии нам не отстоять Дон. – Он повернулся к генералу Лукомскому и продолжал: – Поэтому я просил бы вас, ваше высокопревосходительство, передать генералам Корнилову и Алексееву нашу настоятельную просьбу сосредоточить главные силы Добровольческой армии в Новочеркасске и на подступах к нему.

Каледин сделал паузу, давая Лукомскому возможность ответить на его предложение. Тот, поняв это желание атамана, встал со своего места.

– Прежде всего примите, Алексей Максимович, извинения от генералов Корнилова и Алексеева за невозможность прибыть сюда на совещание: положение под Ростовом настолько серьезно, что они не сочли возможным покинуть город. Зная о вашем желании сосредоточить Добровольческую армию под Новочеркасском, они считают это нецелесообразным, опасаясь, что мы потеряем Ростов и Добровольческая армия попадет под Новочеркасском в ловушку. Этим мы погубим начатое дело. Они приняли решение отступить на Кубань и просят вас скорее вернуть в Ростов офицерский батальон.

– Я отдал соответствующее распоряжение, – угрюмо отозвался атаман.

Наступила тягостная пауза...

– Похоже, что Новочеркасск удержать не удастся, – прервал молчание Митрофан Богаевский, – поэтому атаману, Донскому правительству и Войсковому Кругу надо переезжать в район еще крепких и стойких станиц, расположенных по Дону, и там постараться заставить казаков откликнуться на призыв атамана.

– Оставлять Новочеркасск я не собираюсь! – жестко остановил Богаевского Каледин. – Я считаю недопустимым, чтобы Войсковой атаман бежал из столицы Донского края и скитался где-то по станицам...

И после паузы добавил:

– Если ничего не выйдет, я погибну здесь, в Новочеркасске...⁴⁸

Совещание закончилось, все в молчании стали расходиться...

* * *

Двадцать восьмого января Каледин обратился к казакам Дона. Это был последний призыв атамана...

«Граждане казаки! Среди постигшей Дон разрухи, грозящей гибелью казачества, я, ваш Войсковой атаман, обращаюсь к вам с призывом, может быть, последним.

Вам должно быть известно, что на Дон идут войска из красноармейцев, наемных солдат, латышей и пленных немцев, направляемых правительством Ленина и Троцкого. Войска их подвигаются к Таганрогу, где подняли мятеж рабочие, руководимые большевиками. Такие же части противника угрожают станице Каменской и станциям Зверево и Лихой. Железная дорога от Глубокой до Чертково в руках большевиков. Наши казачьи полки, расположенные в Донецком округе, подняли мятеж и, в союзе с вторгшимися в Донецкий округ бандами красной гвардии и солдатами, сделали нападение на отряд полковника Чернецова,⁴⁹ направлявшийся против красногвардейцев, и часть его уничтожена, после чего большинство полков, участников этого гнусного и подлого дела, рассеялось по хуторам, бросив свою артиллерию и разграбив полковые денежные суммы, лошадей и имущество. В Усть-Медведицком округе вернувшиеся с фронта полки, в союзе с бандой красноармейцев из Царицына, произвели полный разгром на линии железной дороги Царицын – Себряково, прекратив всякую возможность снабжения хлебом и продовольствием Хоперского и Усть-Медведицкого округов. В слободе Михайловской, при станции Себряково, произвели избиение офицеров и администрации, причем погибло до 80 офицеров.*

Развал строевых частей достиг предела, и, например, в некоторых полках Донецкого округа удостоверены факты продажи казаками своих офицеров за денежное

* В резолюции казаков 32-го Донского казачьего полка, действовавшего здесь во главе с Ф. К. Мироновым, было записано, что они «постановили не расходиться по домам и вести борьбу с контрреволюционными войсками Каледина и К° до тех пор, покамест власть на Дону не будем вырвана из рук Каледина и передана трудовому народу» (См.: Социал-демократ. 28 января 1918 г.).

вознаграждение. Большинство из остатков уцелевших полевых частей отказываются выполнять боевые приказы по защите Донского края.

В таких обстоятельствах, до завершения начатого переформирования полков, с уменьшением их числа и оставлением на службе только четырех младших возрастов, Войсковое правительство, в силу необходимости, выполняя свой долг перед родным краем, принуждено было прибегнуть к формированию добровольческих казачьих частей и, кроме того, принять предложение и других частей нашей области – главным образом учащейся молодежи – для образования партизанских отрядов. Усилиями этих последних частей и, главным образом, доблестной молодежи, беззаветно отдающей свою жизнь в борьбе с анархией и бандами большевиков, и поддерживается в настоящее время защита Дона, а также порядок в городах и на железных дорогах части области. Ростов прикрывается частями особой Добровольческой организации.

Поставленная себе Войсковым правительством задача – довести управление Областью до созыва и работы ближайшего (4 февраля) Войскового Круга и Съезда неказачьего населения – выполняется указанными силами, но их незначительное число, и положение станет чрезвычайно опасным, если казаки не придут немедленно в составы добровольческих частей, формируемых Войсковым правительством.

Время не ждет, опасность близка, и если вам, казаки, дорога самостоятельность вашего управления и устройства, если вы не желаете видеть Новочеркасск в руках пришедших банд большевиков и их казачьих приспешников-изменников, – то спешите на поддержку Войсковому правительству посылкой казаков-добровольцев в отряды.

В этом призыве у меня нет личных целей, ибо для меня атаманство – тяжелый долг. Я остаюсь на посту по глу-

бокoму убеждению необходимости сдать пост, при настоящих обстоятельствах, только перед Кругом.

28 января 1918 года.

Войсковой атаман Каледин». ⁵⁰

Но станичники остались глухи и равнодушны к отчаянным призывам своего атамана. «КазакИ, – отметил Шолохов в романе «Тихий Дон», – уставшие от трехлетней войны... не изъявили особой охоты драться с большевиками... И не было той силы, что могла бы удержать казаков от стихийного влечения домой». ⁵¹

Глава пятая

ВЫСТРЕЛ ЧЕСТИ

Есть на кладбище Дона могила,
По ночам она светом горит:
То с казачеством тайною силой
Атаман Каледин говорит...

Валентина Каргальская

Наутро 29 января 1918 года Каледин велел Митрофану Богаевскому собрать в атаманском дворце членов Войскового правительства. Когда он уходил утром на это совещание из своей служебной квартиры, располагавшейся здесь же во дворце, его жена Мария Петровна, остро предчувствуя недоброе, неотвратимое, обняла его и тихо перекрестила.

После ухода мужа Мария Петровна отправилась к соседке Елизавете Дмитриевне Богаевской, жене Митрофана Петровича Богаевского. С волнением и тревогой она поведала ей о своем тяжелом предчувствии и рассказала сон, виденный накануне:

– Я видела сегодня такой странный сон, Елизавета Дмитриевна. Два огромных жеребца бились, один черный такой, другой белый. Страшная была схватка, и черный победил белого. Так страшно мне было!..!

Богаевская, сама смертельно напуганная этим рассказом, как могла, успокоила Марию Петровну, но та ушла удрученная и сломленная страшным предчувствием.

А за окнами вставал пасмурный день, и холодный ян-

варский ветер с мелким дождем бился в стекла окон атаманского дворца...

Тем временем в зале заседаний атаманского дворца собрались члены Донского правительства. Каледин, хмурый и, как всегда, молчаливый, предложил Походному атаману Анатолию Михайловичу Назарову осветить обстановку на фронте, хотя и без доклада знал, что она катастрофическая. Назаров спокойно и беспристрастно доложил, что положение дел на фронте практически безнадежное: противник в нескольких верстах от Новочеркаска, казаки драться не желают, молодые юнкера изнемогают в борьбе. Новочеркасск защищают чуть более ста пятидесяти солдат и две роты Добровольческой армии.

Генерал замолчал, и в зале воцарилась гробовая тишина, только за окнами слышались яростные порывы январского ветра да капли холодного дождя сиротливо стекали по стеклам.

Молчание прервал Каледин:

– Господа! Положение наше безнадежное, почти все окружные станицы находятся в руках большевиков, боевых частей нет, население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Недалеко от Новочеркаска появился новый сильный отряд красных с кавалерией и артиллерией.* Поздно ночью я получил телеграмму от генерала Корнилова, в которой Лавр Георгиевич извещает, что Добровольческая армия, ввиду безнадежности положения на Дону, покидает Ростов и уходит на Кубань. Лавр Георгиевич просит меня также отдать распоряжение добровольческим ротам сняться с новочеркасского фронта и идти в Ростов на соединение с уходящей армией. Такое распоряжение мною уже отдано. Таким образом, господа, у нас больше нет сил, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв,

* Это известие оказалось ложным, но у Каледина не было людей, чтобы проверить его.

лишнего кровопролития, предлагаю сложить свои полномочия и передать власть городскому самоуправлению. Пусть они сами выйдут на переговоры с большевиками и предотвратят кровопролитие.²

Каледин тяжело опустил в кресло, в зале вновь повисла гнетущая тишина. Желая как-то разрядить обстановку, с места поднялся председатель Круга Николай Михайлович Мельников. Он был бледен, но спокоен:

– Господа, я не теряю надежды, что казаки одумаются, и нам нужно выиграть время. Для этого необходимо отойти от железнодорожной линии, вдоль которой передвигаются большевики. Предлагаю также, как это ни прискорбно, оставить Новочеркасск и уйти в степи, начав теперь же срочную переброску всего необходимого в станицу Константиновскую.³

Каледин, во время речи Мельникова открывавший ящики стола и нервно рвавший какие-то записки, чеки, другие бумаги, рассеянно заметил, что он не согласен с этим предложением, что это невозможно по целому ряду причин и он на это не пойдет.

– Но мы обязаны все-таки кому-то передать власть!..
– вслух начал размышлять Митрофан Богаевский...

– Да, да!.. – разом оживленно заговорили присутствующие. – Власть надо передать городской управе...

– Нет, господа, лучше Новочеркасскому станичному правлению!

– А может, военному комитету?..

Обсуждение явно затягивалось, грозя перерасти в долгий спор...

– Довольно говорить, господа!.. – с плохо скрываемым раздражением остановил всех атаман. – От болтовни Россия погибла. Давайте кончать!..

– Так что же делать, Алексей Максимович?! – обреченно выдавил кто-то.

– Это решает каждый за себя. Мною уже давно решено: я слагаю с себя полномочия, я уже не атаман!..

Богаевский и другие члены правительства, обменявшись между собой короткими репликами, наконец решили передать власть в городе новочеркасской городской управе. Условились в шестнадцать часов встретиться в здании управы и подписать там соответствующий акт.

Каледин передал членам правительства имевшиеся у него на руках благотворительные суммы и облегченно выдохнул:

– Ну, слава Богу, от этого очистился!

Вид его был решительным и мрачным. Члены правительства, предчувствуя недоброе, стали тихо переговариваться между собой:

– Надо спасти атамана, господи!

– Увезти в Добровольческую армию...

– Не поедет, господи...

– Если нужно, увезти силой!⁴

В это время в зал вошел Алексей Максимович, и разговоры прекратились. Стали расходиться...

– До четырех часов в управе, господи! – прощаясь, сказал атаман.

Эти слова несколько успокоили членов правительства.

«Я уходил из кабинета одним из последних, – вспоминал председатель Круга Н. М. Мельников, – и, прощаясь с атаманом, сказал, что ему необходимо теперь же уехать из Новочеркасска. Атаман безнадежно махнул рукой. Я сказал что-то в том смысле, что еще все впереди, что силы его еще понадобятся Родине, на что он ответил: «Оставьте мне это» – и быстро протянул мне руку, что прекратить этот разговор».⁵

* * *

Как только утихли шаги ушедших членов правительства, Каледин с минутой сидел в кресле в полной тишине. Потом вызвал начальника штаба Походного атамана полковника В. И. Сидорина⁶ и продиктовал свой последний приказ:

«Части Добровольческой армии сосредоточиваются в районе города Ростова, перед донскими партизанами на Сулинском фронте встает роковая необходимость стрелять в своих же донских казаков... Это недопустимо ни при каких условиях.

...Объявляю, что каждый партизан, каждый отдельный партизанский отряд может считать себя свободным и может поступать с собой по своему усмотрению. Кто... хочет, может присоединиться к Добровольческой армии, кто хочет, может перейти на положение обывателя и скрыться. Этим я открываю фронт с единственной целью: не подвергать город всем ужасам гражданской войны».⁷

...Атаманский дворец опустел, Алексей Максимович остался один. Подойдя к окну, он выглянул на площадь. Холодный январский день догорал над городом, по небу медленно ползли сине-черные тяжелые тучи, а над городом не спеша опускался туман.

Во дворце ты сидел одинокий
Средь дрогнувших сердцем друзей...
Решил ты свершить свой далекий, –
Последний этап свой жестокий
В тумане рыдающих дней.*

О чем думал атаман в эти последние минуты своей жизни, нам никогда уже не узнать...

Может, вспомнил далекое и беспечное детство, годы учебы в Академии Генерального штаба, пьянящий хмель Луцкой победы? А может, привиделся ему Круг, на котором вручили ему атаманский пернач и сотни казаков клялись в верности своему атаману, обещая защищать его до последней возможности, до последнего вздоха. Где они теперь, эти казаки?! Предали, испугались иноплеменников-большевиков, бросили своего атамана!..

* Отрывок из стихотворения Дорана «Памяти Каледина». Цит. по: Казачий календарь на 1992 год. М., 1991. С. 13.

Горечь полной безысходности сдавила атаману горло, слезы подступили к глазам. Он отошел от окна и, гулко печатая шаги, через зал, увешанный портретами войсковых атаманов, прошел в комнату жены.

Мария Петровна беседовала с какой-то посетительницей, и Алексей Максимович, быстро прикрыв дверь ее комнаты, прошел в покои брата Василия. Тяжело присев за столиком, стоящим рядом с небольшой деревянной кроватью, он принялся быстро писать последнее свое в этой жизни послание. Оно было адресовано генералу Алексееву...

«Многоуважаемый генерал Алексеев! Волею судеб и желанием казачества Тихий Дон вверил Вам судьбу казачества и предложил избавить Дон от ненавистников свободного и здорового казачества, от врагов всякого национального самоопределения, от большевиков. Вы, с Вашим горячим темпераментом и большой отвагой, смело взялись за свое дело и начали преследование большевистских солдат, находившихся на территории Области Войска Донского. Вы отчаянно и мужественно сражались, но не учли того обстоятельства, что казачество идет за своими вождями до тех пор, пока вожди приносят ему лавры победы, а когда дело осложняется, то они видят в своем вожде не казака по духу и происхождению, а слабого проводителя своих интересов и отходят от него. Так случилось и со мной и случится с Вами, если Вы не сумеете одолеть врага. Но мне дороги интересы казачества, и я Вас прошу пощадить их и отказаться от мысли разбить большевиков по всей России. Казачеству необходимы вольность и спокойствие; избавьте Тихий Дон от змей, но дальше не ведите на бойню моих милых казаков. Я ухожу в вечность и прощаю Вам все обиды, нанесенные мне Вами с момента Вашего появления на нашем Кругу.

Уважающий Вас *Каледин.*»⁸

Положив письмо на стол, Алексей Максимович снял китель и аккуратно повесил его на спинку стула. Потом бережно снял шейный Георгиевский крест и вместе с часами-браслетом, показывавшими два часа тридцать минут, положил на стол. Перекрестившись, он лег на кровать и, приставив к груди кольт, выстрелил в сердце. Пуля обожгла рубашку и, пройдя сквозь тело атамана, пробила тюфяк и матрац, расплющившись о железную решетку кровати.⁹

На звук выстрела в комнату вбежал испуганный денщик, а за ним и жена атамана Мария Петровна. Следом влетели горничная и любимый пудель Алексея Максимовича. Атаман лежал на кровати со скрещенными на груди руками, глаза его были открыты, в них застыли боль и тоска.

– Алексей! Алексей! Что ты сделал! – пронзительно-нечеловеческим голосом закричала Мария Петровна, бросаясь к мужу.

Каледин последним, ускользящим усилием воли перевел глаза на жену, мгновение смотрел на нее, потом, отходя в вечность, смежил веки...¹⁰

В эту минуту в комнату вбежал запыхавшийся Митрофан Богаевский с женой. Увидев, что все кончено и атаман мертв, он поправил голову покойного, осмотрел рану, полез под кровать и нашел сплюснутую пулю. Обратившись к своей жене Елизавете Дмитриевне, он тихо сказал:

– Сложи платок и подвяжи подбородок...

Потом подошел к телефону и оповестил архиепископа Гермогена о случившемся, вызвал доктора и похоронную команду с гробом.

Несколько часов спустя гроб был доставлен во дворец. Обмытое и обряженное тело атамана перенесли в большой зал дворца. Приехал архиепископ Гермоген, началась первая панихида.

Над Новочеркасском опустилась ночная тьма...

Весть о трагической смерти Войскового атамана черной молнией полыхнула по Новочеркасску. Протяжно-тревожно зазвонил старый соборный колокол, созывая горожан помолиться за упокой души погибшего атамана:

Да простит ему Бог Вседержитель
Самовольный греховный конец,
Да введет во святую обитель
И наденет терновый венец.*

Нескончаемой вереницей тянулись люди в собор. Темные одежды, встревоженные лица без слов говорили, что со смертью атамана Каледина Дон потерял все: спокойствие, свободу, а может быть, и жизнь... Огромный собор был переполнен, люди стояли спина в спину, ярко горели электрические паникадила и люстры. Два архиерея в золоченых облачениях, в сослужении большого числа священников и дьяконов, служили панихиду. Войсковой хор в полном составе, облаченный в голубые кунтуши, пел сосредоточенно-торжественно, и мощные голоса певчих терялись где-то в мрачной пустоте огромного купола.

Люди плакали и молились, предчувствуя приход недобрых времен. При пении «Вечная память» все разом опустились на колени, гулом наполнив громаду кафедрального собора.

... На улице свирепствовал холодный ветер, срывался мокрый снег. Было уныло, темно и безнадежно-тоскливо...

Тело почившего атамана в это время покоилось в небольшой церквушке атаманского дворца. Над гробом,

* Из стихотворения поэтессы казачьего Зарубежья Валентины Каргальской «Могилы атамана Каледина».

украшенным живыми цветами, непрерывно шла панихида, вился кадильный дымок.

К вечеру 1 февраля гроб с телом атамана перенесли в войсковой Вознесенский собор, два офицера с обнаженными шашками встали в почетный караул. Началась панихида, по окончании которой народ разошелся, и только две старые монахини остались в храме, чтобы всю долгую январскую ночь читать заупокойные молитвы.

В три часа ночи почетный караул у гроба атамана и умершего накануне от ран офицера-партизана Виктора Николаевича Крупского сменился. Один из караульных, С. Рытченков, вспоминая те жуткие часы, писал:

«Я был назначен в почетные часы к гробу атамана с трех до пяти часов ночи, и с подошедшими другими офицерами мы сменили старых часовых. Глухо раздались наши шаги по мраморным плитам собора, а потом все опять стихло... Я стоял у гроба атамана, глядя на его удивительно спокойное восковое лицо, думал о многом...

Стоя на часах, я был крайне удивлен, что монахиня, поминая усопших, произносила имена Алексея и Владимира вместо Виктора. И когда я после смены заметил это ей, монахиня ответила: «И, батюшка, что же тут такого, что я ошиблась? Лежат, родненькие, как отец с сыном... Он при жизни был всегда с ними, с детьми, которые умирали за нас. Бог знает, что я ошиблась и не осудит меня за это». И по изможденному лицу монахини покатились слеза».¹¹

С утра 2 февраля в кафедральном соборе, переполненном казаками и казачками, началась заупокойная обедня, а затем отпевание. Службу вел архиепископ Гермоген. Бесконечная вереница людей тянулась к утопающему в цветах гробу атамана, чтобы воздать ему «последнее целование».

Мария Петровна, бледная, осунувшаяся, в траурных одеждах молча стояла у изголовья мужа: у нее не было ни сил, ни слез, чтобы плакать. Какой-то офицер уста-

новил фотоаппарат и сделал несколько снимков покойного атамана, один из которых позже был опубликован в ростовском еженедельнике «Донская волна» за 18 июня 1918 года.

В середине дня гроб с телом атамана из собора на руках вынесли офицеры. Оркестр играл «Коль славен», и траурный марш Шопена рвал души и сердца присутствующих. Гроб с телом Каледина установили на траурной колеснице, и она, мягко покачиваясь на рессорах, медленно тронулась сквозь тесный строй людей к городскому кладбищу, куда последние дни так часто заглядывал атаман, провожая в последний путь погибших в борьбе с большевиками казаков.

На кладбищенской церкви печально зазвонили колокола, отдавая последние почести атаману. Затем священник провел маленькую литию, и гроб с телом Каледина офицеры медленно опустили в жуткий холод могилы. Раздался орудийный салют. «Со духи праведных скончавшихся, душу усопшего раба твоего Алексея упокой», – скороговоркой пропели продрогшие на февральском ветру певчие, и мерзлые комья земли глухо застучали по крышке гроба, за которой навсегда скрылся атаман Каледин.

«В лице Алексея Максимовича сошел с житейской сцены большой человек не только с точки зрения Дона, – писал Н. М. Мельников, – ушел деятель общероссийского масштаба».¹²

«Он мыслил и чувствовал, как русский патриот, жил в эти месяцы, работал и умер, как донской атаман», – откликнулся на смерть Каледина генерал Деникин, вместе с Корниловым и Алексеевым находившийся в это время в Ростове, готовясь к «Ледяному походу». Деникин считал, что «в этом двойственном бытии – русский патриот и донской атаман» – и заключалась «трагедия жизни Каледина и разгадка его самоубийства».¹³

«Не выдержал старый и честный донской атаман, так

горячо любивший Россию и свой Дон и так веривший прежде донцам!» – писал начальник штаба Добровольческой армии, известный русский генерал Лукомский.¹⁴

* * *

Всего на полтора года пережила своего супруга Мария Петровна, скончавшись летом 1919 года в Новочеркаске. По завещанию, ее погребли рядом с Алексеем Максимовичем.

Когда кладбищенские рабочие вскрыли могилу атамана и сдвинули футляр гроба, через стекло крышки они увидели все то же спокойное лицо атамана, вполне сохранившееся, только ставшее чуть коричневым. Один из рабочих перекрестился и поцеловал видневшееся лицо атамана. «Святой человек – даже до сих пор сохранился!» – благоговейно воскликнули присутствовавшие при этом, каждый осеняя себя крестным знамением.¹⁵

В дальнейшем, когда в середине февраля 1918 года, большевики заняли Новочеркасск, по России пошел гулять слух, что они вырыли тело Каледина из могилы и надругались над ним. Знаменитый писатель Иван Бунин, находившийся весной 1918 года в Москве, записал 1 марта в своем дневнике после посещения одного знакомого:

«...Д. получил сведения из Ростова: корниловское движение слабо... Большевики творят в Ростове ужасающие зверства. *Могилу Каледина разрыли* (курсив мой, – М. А.)».¹⁶

Журнал «Донская волна», издававшийся в Ростове, сообщал, что якобы «войсковой старшина Голубов со своими казаками разрыл могилу, показал казакам мертвого атамана, удостоверил его личность и приказал зарыть могилу».¹⁷

Ходили также слухи, что красногвардейцы, разрыв могилу Каледина, сорвали с него погоны, «подчинив» таким образом советской власти, а потом опять засыпали могилу.¹⁸ К счастью, эти сведения не соответствова-

ли действительности, а вот с могилой и телом Л. Г. Корнилова большевики поступят именно таким образом весной 1918 года в Екатеринодаре...

Существовала и другая легенда, связанная со смертью Каледина. Так, «одна из бульварных газетенки сообщила, что А. М. Каледин жив, спрятан в безопасном месте, а в гроб вместо него положен юнкер, павший в боях с Красной Армией».¹⁹

* * *

Весть о трагической гибели донского атамана по-разному встретили в развороченной войной и революционными потрясениями России...

«Калединский выстрел произвел потрясающее впечатление на всех, – отмечал в «Очерках русской смуты» А. И. Деникин. – Явилась надежда, что Дон опомнится после такой искупительной жертвы».

«Смерть атамана встрепнула на некоторое время Дон, – вспоминал начальник штаба Добровольческой армии генерал Лукомский. – Старики-казаки громко заявляли, что они повинны в смерти любимого атамана и что долг всех казаков, хоть после смерти атамана, выполнить его призыв и стать на защиту Дона от большевиков».²⁰

Известный деятель белого движения, вскоре занявший пост донского Войскового атамана, генерал Петр Краснов узнал о гибели Каледина 1 февраля 1918 года в станции Богаевской. Ожидая во «въезжей избе» лошадей для следования в Новочеркасск, он узнал от знакомого офицера, что атаман Каледин, к которому Краснов так стремился, покончил жизнь самоубийством. Краснов остолбенело переспросил своего собеседника:

– Как застрелился?..

– Так точно. Сегодня похоронили...

«Я не могу больше говорить, – пишет Краснов в своих воспоминаниях. – Первый раз нервы изменяют мне. Я

выхожу на улицу, и мы долго ходим вдвоем с женой по узкой тропинке по берегу Дона».²¹

«Почему Каледин застрелился, почему он не бежал? – задавался вопросом член Петроградского совета Союза казачьих войск П. И. Ковалев и тут же отвечал: – Да потому, что чистый, благородный, цельный по натуре, но не мог жить с презренными людьми. Ведь все мы не более и не менее, как предатели. Не мы ли ему курили фимиам и бешено рукоплескали? А скажет ли по совести кто-нибудь, что поднялся он на защиту своего избранника? Кажется, ответ ясен. Прав сто раз был Митрофан Богаевский, когда шестого февраля в зале областного правления бросал Войсковому Кругу горькие упреки: «Донские казаки подло предали всех своих атаманов, начиная с Кондратия Булавина и кончая Калединым». Он тогда, конечно, не знал, что казаки предадут и приемника Каледина, и его самого».²²

* * *

Интернациональная русофобская команда Ленина – Троцкого при известии о гибели Каледина буквально зашлась в остервенело-исторической радости...

Вы его ненавидели –
Вы, больного безумства больные сыны!
Он их знал, ваши замыслы, ваши планы преступные.
Неподкупного воина, демагоги подкупные
Привиденьем победы, как хмелем пьяны –
Вы его ненавидели!
Картонажные чертики под рукой Сатаны.
Розенфельды, Крыленки, Нахамкесы, Ленины,
В лужах крови, что вами старательно вспенены,
Он не видел бальзама для бедствий страны.
Оскорбленья! Обида! Простите, обиде ли
Столь невыгодной вам? Никогда! Вы умны –
Вы недаром его ненавидели.

Но зато –
На его одинокой могиле.
Яме, яме – которой унылей
Не видал никогда и никто,
Чтоб потомки прочли, услышали, увидели
Мы напишем три слова всего:
«Вы его ненавидели».

Для него
Нет почетней тех слов ничего.*

На Дону никогда не забывали имя атамана Каледина, который являлся символом чести и исключительной порядочности, символом верности долгу и клятве до смертельного часа. В годы гражданской войны против русофобской власти большевиков сражался «Сводный имени атамана Каледина полк», распевавший «Калединскую песню»:

Родных полей былую славу
С собой на Дон мы принесли
И в их страницы боевые
Венки терновые вплели.

На берег Дона и Кубани
Стекались все мы, как один,
Святой могиле поклониться,
Где вечным сном спит Каледин.

Крест святой и флаг трехцветный
Нам освещает путь вперед –
К Москве родной, столице древней
Своих сынов он приведет.

* Стихотворение поэта А. Д'Актиля // Донская волна. 1918. № 2.
С. 1.

Далёко с нашими полками
В Россию-матушку пойдем,
И под стеной Кремля святого
Мы песню русскую споем.

Споем про Дон, Кубань и Терек,
Где наша честно кровь лилась,
Где средь полей и гор скалистых
Россия снова родилась.

Весьма популярной среди казачества была и остается (особенно в казачьем Зарубежье) песня «Могила атамана Каледина», написанная поэтессой казачьего Зарубежья Валентиной Кургальской. Ее пели на мотив песни «Ты подуй, подуй, ветер низовый»:

Есть на кладбище Дона могила,
Окруженная тайной былин...
В ней живет сокровенная сила,
В ней зарыт атаман Каледин.

Его прах под крестом отдыхает,
Но не спится душе удалой:
По степям она с войском гуляет
И зовет на решительный бой.

Гей! Донские орлы боевые!
Поклянитесь мне в ваших сердцах,
Что вернете вы степи родные,
Успокойте бессонный мой прах.

Обещали вы мне, атаману –
Заклинаю вас смертью своей –
Уберечь от меча басурмана
Красоту христианских церквей.

Обещайте, что игом позора
Не позволите Дон запятнать,
Что орлиного смелого зора
Не придется к земле опускать.

Есть на кладбище Дона могила,
По ночам она светом горит:
То с казачеством тайною силой
Атаман Каледин говорит...

В день его благородной кончины,
Крестным знаменьем грудь осеня,
Со словами великой помины
Помолись, всеказачья семья.

Да простит ему Бог Вседержитель
Самовольный греховный конец,
Да введет во святую обитель
И наденет терновый венец.

Не преклоним знамена донские!
Мы ворвемся во вражеский стан,
Возродим мы и Дон, и Россию...
Спи спокойно, Донской атаман.

На скрижалях священных закона
Мы запишем твой клич боевой...
Греза светлая Тихого Дона
Да лелеет твой мирный покой.²³

Ныне имя атамана Каледина носит «Общеказачья станица» в канадском городе Монреале, где выпускается по-семейному теплый и добрый журнал «Станичный вестник». Ежегодно в скорбный день гибели Алексея Максимовича, 11 февраля (29 января по старому стилю), во многих православных храмах Америки, Канады, Фран-

ции, Австралии, Венесуэлы, Аргентины, где живут потомки донских казаков, проходят панихиды по атаману Каледину.

В Ростовском академическом театре драмы им. М. Горького в 1996 году поставлен спектакль о Каледине «Честь имею» по пьесе Евгения Корнилова, где роль атамана Каледина исполнил заслуженный артист России Николай Сорокин. Хорошо помнят атамана Каледина во всей России, и это справедливо, ибо, как отмечал уже упоминавшийся нами Н. М. Мельников, «Алексей Максимович на посту Донского атамана... служил Дону и России; служа Дону, он служил прежде всего России, и он ни одной минуты не мыслил себе Дона без России...»²⁴

ЕВГЕНИЙ КОРНИЛОВ

**ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ
АТАМАНА
КАЛЕДИНА**

Сцены трагедии

УЧАСТНИКИ ТРАГЕДИИ

КАЛЕДИН АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ – генерал от кавалерии, атаман Всевеликого Войска Донского.

МАРИЯ ПЕТРОВНА – атаманша.

БОГАЕВСКИЙ МИТРОФАН ПЕТРОВИЧ – председатель Войскового правительства, товарищ (заместитель) атамана.

ЧЕРЕВКОВ – редактор газеты «Вольный Дон».

ГОЛУБОВ – войсковой старшина, командир объединенного красноармейского отряда.

ПОЛЯКОВСКИЙ – поручик.

АЛЬБАМ – курсистка женских курсов Варшавского (Донского) университета.

ЛАГУТИН – прапорщик.

ОРДЫНСКАЯ – начальница заведения для благородных девиц.

ЕКАТЕРИНА КОСОВА

Казак от Чернецова.

Архиепископ ГЕРМОГЕН.

УЧАСТНИКАМИ ТРАГЕДИИ ТАКЖЕ ЯВЛЯЮТСЯ:

Подтелков, Кривошлыков, Корнилов, Алексеев, Деникин, Милюков, Гиндельшмидт, Бронштейн, Нахамкес, Ленин, Антонов-Овсеенко, Брусилов, Миронов, Чернецов, Сиверс, а кроме того, 4 428 846 жителей Донской области (по состоянию на 1 января 1917 года).

Действие происходит в течение одного дня, 29 января 1918 года, в атаманском дворце в Новочеркасске.

*Хмурое, пасмурное утро, идет мокрый снег.
Новочеркасск. Атаманский дворец. Кабинет атамана.
У иконы Божьей Матери с Младенцем на коленях
стоит Каледин.*

К а л е д и н. Пресвятая Дева Мария, заступница! Иисус Христос! Боже Святой, Боже Крепкий, Боже Бессмертный, помилуй нас, грешных! Спаси, сохрани и заступи от антихриста злого, от злых людей и злых мыслей! Не оставь меня, атамана Всевеликого Войска Донского, покровительством своим. Направь на добро в каждый час и в каждую минуту каждое слово мое и дело мое.

Господи Боже мой, защити православный Дон. Помоги решиться делу, которое задумано нами. Дай сил полковнику Чернецову добыть и принести весть о замыслах врага нашего, желающего истоптать Донскую землю. Помоги ему, Боже, встретиться с нашим человеком из большевистского штаба и помешать черным замыслам свояка моего, подхорунжего Подтелкова. Дай мне возможность соединить мои силы с Корниловым и Алексеевым и повести моих казаков на священный и праведный бой за Дон и Россию.

Пресвятая Дева Мария, я все помню и думаю об этом. Брусилов говорил обо мне, что я хорошо сражался во

главе дивизии, но командиром корпуса был уже второстепенным, недостаточно решительным. Каждому человеку дан свой предел, и это трагедия, если он не может преодолеть его... Я хорошо знаю этот столичный снобизм. Они всегда смотрят на нас свысока – как на толпу, которой могут распорядиться всегда, и не представляют, что когда-то это все выйдет из повиновения. И снова Казанские и Астраханские ханства и княжества. И вся Россия – это только Московия. И чем бездарней их политика, тем скорее это случится. Я на Дону родился и вырос. И нутром своим чую великую силу родного Дона. И никакой москвит, насмехаясь, не даст мне сомнений. Пусть знают они: Дон – только начало. Но мы оставляем им путь: Донская область провозгласила себя независимой лишь до образования общегосударственной и всенародно признанной власти. Власти, которая не стреляет в своих граждан и в свою Думу.

Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй! Прости мои прегрешения и пойми мои мысли. Стенька не дошел до столицы, и Емельян не дошел. Пока мы, донцы, не возьмем ее, она всегда будет центром вражды и смуты. Кремль – самое жуткое место убийств и коварства. Может быть, мне, а может, и не мне суждено это сделать, но будет же кто-то. И дойдет! Донцы очистят это змеиное гнездо, иначе вымрет, вымрет и погибнет Россия. Такой человек выйдет с Хопра или с нижнего Дона – не в этом дело. Дело в том, что его ждет униженная и втопанная в грязь Россия.

Иисус Христос, спаси, сохрани и защити полковника Чернецова. Пресвятая Дева Мария, закрой его покрывалом своим. Дай ему сил помочь мне, заслепи глаза антихриста и супостата! Николай Чудотворец, моли Господа Бога о благополучии близких моих, семьи моей. Пантелеймон Исцелитель, исцели нас от скверны, несчастий и неожиданностей злых.

Господи Боже мой, дай мне доброго дня!

*Крестится, встает с колен.
Зовет дежурного офицера.*

К а л е д и н. Поручик, от полковника Чернецова известий нет?

П о л я к о в с к и й. Никак нет, ваше превосходительство, никаких известий.

Пауза.

П о л я к о в с к и й. Приема ожидает редактор «Вольного Дона» господин Черевков.

К а л е д и н. Просите.

Входит Черевков.

Ч е р е в к о в. Алексей Максимович, вы пригласили меня в столь ранний час...

К а л е д и н (*перебивает*). У меня очень мало времени, Иван Иванович, и я считаю необходимым довести до вашего сведения следующее. Мне кажется, вы не до конца понимаете, что происходит сейчас на Дону. Ваши публикации в «Вольном Доне», на мой взгляд, направлены на разобщение казачества. Вы пишете о моем сговоре с Корниловым, о Добровольческой армии таким образом, будто у вас в редакции одни большевики.

Ч е р е в к о в. Но, Алексей Максимович, задачей «Вольного Дона» всегда была подача объективной информации. Мы не агитка. И не атаманский бюллетень. И потом, я абсолютно уверен в провале большевистских устремлений на Дону. Конечно, сейчас время не простое, но не безнадежное.

К а л е д и н. Да поймите же вы, что легкомыслие, пустословие, болтовня погубили Россию, и сейчас от этого гибнет Дон. Вам должно быть известно, что на Дон идут отряды красноармейцев, наемных солдат латышей. Они продвигаются к Таганрогу, где подняли бунт рабо-

чие, угрожают Каменской, Звереву, Лихой. В Донском округе тоже поднят мятеж. Развал строевых частей достиг предела. Казачество раскалывается на красных и белых, а вы в этот момент пишете о моем сговоре с Корниловым, с Антантой и прочее. Задача сейчас одна – спасти Дон от гражданской войны, и наши с вами совместные усилия должны быть направлены на то, чтобы ни в коем случае не допустить разъединения казаков по цвету. Вы это понимаете?

Черевков. К вашему мнению я всегда прислушиваюсь, Алексей Максимович.

Каледин. Надеюсь.

Черевков. Вот, кстати, у нас подготовлен материал одного коммерсанта. Вернувшись из Саратова в Новочеркасск, он привез декрет ассоциации коммунистов-анархистов «Об отмене частного владения женщинами», и хотя коммунисты-анархисты немного другая партия, мы слово «анархисты» опустим. Вы только послушайте. Параграф первый: «Законные браки, имеющиеся до настоящего времени, служат целям буржуазии, благодаря чему все лучшие экземпляры женского пола находятся в собственности буржуазного класса. С первого числа сего месяца отменяются права частного владения женщинами. Лица женского пола в возрасте от семнадцати до тридцати лет объявляются народным достоянием. Каждый мужчина, желающий пользоваться женщиной как народным достоянием, должен представить от фабрично-заводского комитета или профсоюза удостоверение о принадлежности к трудовому народу». Вот так!.. Параграф второй: «Каждый гражданин, заметивший женщин, не подчиняющихся сему декрету, должен донести об этом квартальному комитету, сообщив при этом имя и адрес саботажницы». Алексей Максимович, по-моему, это подействует на часть нашего населения отрезвляюще в отношении пропаганды большевиков.

Каледин. Если бы только это. Идеи большевизма

разоружают, обескровливают дух свободы и вольностей казачьих. Только бы один полк тогда, в октябре, и все было бы покончено с большевиками. Слепы сейчас казаки, слепы. И когда поймут, что упущено, будет слишком поздно. И какую надгробную песнь сложат – увидим.

Черевков. На Дону, Алексей Максимович, нам нечего бояться. Здесь большевизм не может привиться. Все эти выступления, разделы в умах – дело временное. Хотя казак не слишком общественно развит, но поверить в несбыточные обещания Ленина и Троцкого – это уж извините.

Каледин. Область Войска Донского провозгласила себя независимым государственным образованием, пока в Россию не вернется всенародно признанная, законная общероссийская власть. Оповестите в ближайшее время об этом в своей газете.

Черевков. Обязательно, Алексей Максимович. Но я понял из нашего разговора, что отношения сторон обострены сейчас донельзя. Необходим санитарный кордон от большевистской заразы... Не смею более занимать ваше время.

Каледин. Честь имею.

Черевков. До свидания.

Уходит.

Появляется Поляковский.

Каледин. Поручик, арестованные есть?

Поляковский. Казак Голубов, ваше превосходительство. Из красных. Явился ночью. С сопровождающими. Настаивает на встрече с вами.

Каледин. Голубов? Войсковой старшина? Командир казачьего красноармейского отряда? Если он прибыл, это чрезвычайно важно. Пригласите... Верните оружие и извинитесь. И позовите Митрофана Петровича Богаевского.

Входит Голубов. Чуть позже – Богаевский.

К а л е д и н. Старшина, я велел принести вам извинения за задержание, вернуть вам и вашим людям оружие. Произошло недоразумение. Просто не разобрались... Вы прибыли как представитель Подтелкова или от своего отряда?

Г о л у б о в. Нет, атаман, я здесь по своему собственному желанию. Военно-революционный комитет об этом не знает.

К а л е д и н. Но две недели назад вы были здесь с ультиматумом в составе Военно-революционного комитета.

Г о л у б о в. Сегодня, атаман, я пришел к вам как казак к казаку.

К а л е д и н. Мы ведь тогда в Постановлении правительства полностью разъяснили свою позицию. Правительство является представителем всего казачьего населения области. Избранное населением, правительство не имеет права сложить своих полномочий до созыва нового Войскового Круга.

Г о л у б о в. Я это читал. И дальше вы записали, что в устройстве жизни Дона может принимать участие лишь местное население, а потому надо всеми силами бороться против проникновения в область вооруженных отрядов с севера, из Воронежа и Москвы, чтобы Дон не запылал гражданской войной. И я пришел сюда вновь не потому, что не согласен с этим, а напротив – потому что согласен.

Б о г а е в с к и й. Я, как председатель правительства, подтверждаю, что мы не желаем гражданской войны и всеми мерами стремимся покончить дело мирным путем, для чего и предложили вашему Военно-революционному комитету принять участие в депутации к наступающим с севера большевистским отрядам. Правительство полагает, что, если посторонние отряды не будут идти в

пределы области, гражданской войны не будет, так как мы только защищаем Донской край, никаких наступательных действий не предпринимаем, остальной России своей воли не навязываем, а потому не желаем, чтобы на Дону кто-нибудь посторонний навязывал нам свою.

Г о л у б о в. Есть только одно средство остановить наступление отрядов с севера – немедленно устранить здесь, на Дону, разделение казаков на красных и белых и выступить с общей позицией. С этим я и пришел.

К а л е д и н. Вы хотите, чтобы избранный атаман сдал власть Подтелкову и Кривошлыкову? Это будет общей позицией, и так будет достигнуто единство?

Г о л у б о в. Поверьте мне, казаки сейчас настроены сплошь революционно. Вернувшиеся с фронта бегут по своим куреням. Им осточертела война, которую начали генералы и царь. Злоба у всех против офицеров и бар... А вы еще пустили сюда Алексеева и Корнилова собирать Добровольческую армию. Казакам это не любо, атаман. Чем, скажите, лучше Корнилов и Алексеев Сиверса и Антонова-Овсеенко? «Вольный Дон» пишет, что вы пошли на соглашение с Корниловым и Алексеевым о создании верховной власти... А Корнилов до сих пор ходит в штатском, боясь гнева народа на улицах. Так что – будем делиться по цвету или по принадлежности к донскому казачеству?

К а л е д и н. Вы же знаете, они там пишут, что я в общерусском антибольшевистском правительстве взял на себя только управление Донской областью.

Г о л у б о в. И без вашего ведома новочеркасские заводчики собрали восемь с половиной миллионов на создание Добровольческой армии?.. Ну хорошо – Корнилов, Алексеев, Деникин и Милуков. А Гиндельшмидт?

К а л е д и н. Хватит упрекать меня в этом! Гиндельшмидт был командиром корпуса, назначение получил на фронте, не от меня. С корпусом и пришел на Дон, привел его сюда. Нахождение в нашей среде лица с немецкой

фамилией я признал неудобным. Гиндельшмидт был отстранен, теперь его здесь нет. И вообще, почему вы муссируете этот вопрос, если сами подчиняетесь совету, во главе которого Бронштейн, Нахамкес и им подобные?

Г о л у б о в. Бронштейну, Нахамкесу и другим доверила Россия. А подчиняюсь я не им, а идее. Мы – казаки, а не большевики. Мы хотим ввести казачье самоуправление, а не партийное. Не большевистское, но и не кадетское. Вы знаете, казаки этого не потерпят. И с этим, повторяю, я пришел к вам.

Б о г а е в с к и й. Ну что ж, господин войсковой старшина, у меня нет оснований не верить вам. Вы казаки и мы казаки. Кто прав из нас, покажет будущее. Вы полагаете, что передача власти Военно-революционному комитету спасет Дон от гражданской войны? А что дальше? Подумали вы о том? Сюда ворвется большевизм, и от Дона останется гладкое место. Если вы командир красного казачьего отряда, то напрасно отрекаетесь от большевиков. Все шло от Совета Народных комиссаров. Декреты Ленина – не народные. Около него нет представителей народа, там кучка проходимцев.

Голубов в возмущении вскакивает.

Б о г а е в с к и й. Нет-нет подождите! Кто в тюрьмах? Все старые революционеры. «Национализация банков!» «Все – достояние народа!» А немцы скупают наши заводы и фабрики. Немецкая линия ведет Советскую Россию. Немцам нужен наш уголь, зерно, дешевые рабочие руки – колония, а не страна. Вы глубоко ошибаетесь, полагая, что по большевистской линии приведете Дон к счастью и процветанию. Нет, вам нельзя передавать власть. Вы не народные избранники. Но во имя благополучия казачества мы должны договориться. Я с этим согласен. И мы должны сделать это сами – мы, казаки, без большевистской указки.

Г о л у б о в. Вы опять пытаетесь делиться по цвету. Я пришел с другим. Военно-революционный комитет сейчас предпочтительней, потому что правительству казаки перестали доверять. У меня в отряде каждый день митинги. Требуют не дожидаться войск с севера, самим идти на Новочеркасск.

К а л е д и н. Мы не верим, что казаки, даже поддерживая Военно-революционный комитет, двинутся на центр казачества. Не верим, чтобы казаки требовали нашей отставки, чтобы казаки пошли против казаков. Предъявив нам пятнадцатого января ультиматум, Военно-революционный комитет выразил самые радикальные требования. Но крайние никогда не были выразителями общего мнения. Это в лучшем случае авангарды мысли.

Б о г а е в с к и й. Вы видите, старшина, мы вам верим и говорим с вами открыто. Если мы признаем вашу власть, найдутся недовольные этим. Если не признаем – тоже найдутся. И мы готовы идти путем соглашения. Ультиматум – крайнее требование. Разве вы не будете виноваты, если не используете все средства, чтобы не допустить на Дону гражданской войны? Почему вы не повернете оружие и не скажете Подтелкову: пора объединяться? Почему вы сюда едете тайно?

Г о л у б о в. Я бы повернул оружие и сказал это Подтелкову. Если бы Войсковому правительству верили казаки и если бы вы были в состоянии предотвратить гражданскую войну. Но я живу среди них, командую ими, и мне настроения простых казаков ясны. А вы здесь живете, атаман, надеждами на добровольцев или на то, что казаки одумаются. Неужели не понятно, что казаки стали другими, что события в России не проходят бесследно? Вы на это хотите закрыть глаза, и это трагедия для всего Дона, а значит станет трагедией и лично для вас, если вы не хотите этого видеть.

Б о г а е в с к и й. Скажите, старшина, кто же вам дал

право прогонять избранников народа? Какими вы умами обладаете? Чем вы доказали, что поведете дело без кровопролития? Пятьсот двадцать шесть голосов было подано на последнем Войсковом Круге за атамана Каледина. Неужели вы думаете, что можете меньше всех ошибаться? Вот вы говорите о трагедии. А представляете себе, к какой катастрофе может привести ситуация, когда человек берется, а совладать не может?

Г о л у б о в. Я бы подумал, что сейчас такая ситуация у атамана. И у вас, Митрофан Петрович.

К а л е д и н. Ну, это вы напрасно. У нас есть и силы, и умы. Мы тоже кое-что знаем о том, что происходит в ваших отрядах. И кое-что ждем. Если говорить коротко, объединить всех казаков мы не против. А идти в подчинение к Военно-революционному комитету не собираемся и не имеем права. Избранные населением, правительство и атаман должны исполнять свои обязанности до созыва нового Войскового Круга. На нас это возложено, и мы обязаны это делать.

Г о л у б о в. Насколько я понимаю, атаман, этим вы подчеркиваете, что дальнейший наш разговор бесполезен. Видит Бог, что я прибыл сюда по велению сердца и с последней надеждой. И теперь только Бог может спасти всех нас... Могу ли я взять своих людей и отбыть к расположению своего отряда?

К а л е д и н. Да, несомненно. Распоряжение уже отдано.

Г о л у б о в. Честь имею.

Уходит.

К а л е д и н. На чем же все-таки основывается их такая уверенность? Ведь казак Голубов – человек искренний и прямо говорил с нами...

Б о г а е в с к и й. Не сумели мы сохранить единство казачества... Бедный... Богатый... Отдали казаков в руки

комиссаров. Раньше-то казаки не считались с состоянием.

К а л е д и н. Да, конечно, здесь есть наш просчет, коли власть нам была дана Кругом... Не считались с состоянием... А может, время настало такое, что стали считаться? А мы действительно того не узрели или не хотели узреть. Комиссары на этом власть и взяли...

*Входит Поляковский с чайными приборами,
расставляет чашки на столе. Каледин и
Богаевский садятся и пьют чай.*

К а л е д и н. Я много читал о социализме. Как это нам ни прискорбно, он основывается на идее, которую уничтожить нельзя, поскольку социальная несправедливость существует и будет существовать всегда. Но достигнуть справедливости и гармонии не дано, ибо предприимчивые и удачливые становятся богатыми, пассивные – бедными, и недовольство, злоба последних гонит их в бой. И они становятся хозяевами, не имея на то оснований, и вновь возникает социальная несправедливость.

Б о г а е в с к и й. Нет, Алексей Максимович, идея социализма – это идея равенства. Она постоянна и недостижима. Ибо повергнутые стремятся к власти и когда-нибудь достигают ее. И сразу рождают стремление униженных свергнуть их. История повторяется. А идея равенства – постоянна и недостижима. Идея страшная.

К а л е д и н. Страшная действительно. И привлекательная. Причем, не думайте, что привлекательная только для голодных. Ну чем можно, кроме химеры социальной справедливости для всех, объяснить, например, что генерал Брусиллов, выходец из самых высших сфер господствующего класса, и в числе первых нарушил святая святых – присягу царю и отечеству и перешел на сторону большевиков? А чем привлекли ленинские идеи земляка Миронова, который собрал вокруг себя колеблющихся

казаков во враждебную силу? Это уже не стремление бедных и обездоленных наверх.

Б о г а е в с к и й. А я не верю, что они действительно хотят изменить мир к лучшему. Здесь кроется что-то другое... И чем одолеть их можно?

К а л е д и н. Здесь, на Дону, только казачьим единством. Избирайте, кого хотите, но только с Дона. А избрали – извольте подчиняться и почитать своих избранных... Вот сегодня об этом и надо говорить на заседании правительства.

Б о г а е в с к и й. Я сам много рассуждал об этом. Власть должна быть демократичной, но сильной. И здесь казачий Круг – модель идеальная, какой нет нигде в Европе или в России. Слабая, корыстная власть, временщики, которые думают не о благе граждан, а о том, как быстрее нахватать и нагрabить – вот откуда и гражданская война, и разгул преступности и насилия, и политические убийства, и лицемерие во всем.

К а л е д и н. Помните, вас удивляло, что в октябрьские дни я предписал нашим генералам перейти на сторону Керенского, а сам ругал его проходимцем и сволочью. Может быть, надо было не поддерживать его, а убрать раньше, чем это сделали большевики? Соглашательство привело его к краху, а Россию – к хаосу и диктату черни. Соглашательство – сволочно и преступно. Руководишь Россией – имей мужество занять позицию и отстаивать ее с верой и силой. А если беспринципность и хаос, так пусть лучше просвещенная диктатура. Это здесь, на Дону, Круг имеет вековые традиции. А российский мужик темный и привык уважать только палку. Вот зачем нужен Корнилов. Этот развесит на фонарях, не дрогнув, всю нечисть. А мы своим походом Лавру поможем... Но пока нужно думать о том, что вверено нам казаками. Край у нас большой и богатый, со всеми ресурсами. Если укрепить здесь местную власть, то потом будет легко распространить идею государственности на всю Россию.

Б о г а е в с к и й. Боюсь, Алексей Максимович, что Москва и Петроград сегодня казакам не по силам. Еще в октябре, когда мы имели двухсоттысячное войско, задать все в зародыше было ерундовым делом. Ну так Круг колебался, выносил пустопорожние резолюции, а мы его слушали, не проявили решительности. Теперь – разобратся б в своих делах... Как бы Москва и Петроград не стали решать за нас, как нам жить. Остановить нашествие может только сплочение на почве казачьей идеи. Объединить надо всех казаков.

К а л е д и н. Так что, идти на поклон к бунтовщикам? К возомнившим о себе хорунжим и есаулам? К неучам и голытьбе?

Б о г а е в с к и й. Голытьба-то голытьба... Но и вспомнить нельзя, когда на Дону делились на богатых и бедных. Жили всегда одним кругом. И атаманов избирали не по состоянию, а только по совести. Другого пути, кроме как объединить всех и решать на Кругу, у нас нет.

Входит Поляковский.

П о л я к о в с к и й. Срочная депеша на имя атамана.

К а л е д и н. От Чернецова?

П о л я к о в с к и й. Никак нет, ваше превосходительство. От разведки с северного направления.

К а л е д и н. Читайте.

П о л я к о в с к и й (*читает*). «Казачьи части, расположенные в северных округах Дона, перешли на сторону большевиков и начали движение в сторону Новочеркасска. Добровольческие части из казаков, сформированные правительством в последние дни, не оказывают сопротивления и разбегаются по своим станицам. По грунтовым дорогам на город движется более трех тысяч сабель и полторы тысячи пехоты с орудиями и пулеметами...»

Пауза.

К а л е д и н. Вот так-то, Митрофан Петрович... Идите собирайте правительство.

Богаевский уходит.

К а л е д и н (*Поляковскому*). Поручик, пошлите за девицей Катериной Косовой. Вы знаете куда...

П о л я к о в с к и й. Вы ведь не велели сюда, во дворец.

К а л е д и н. Все изменилось. Один раз она должна здесь побывать... Есть еще арестованные?

П о л я к о в с к и й. Курсистка из Ростова. Альбам. Собирала молодежь на митинг. Вела большевистскую пропаганду. Потом... потом, после ареста, едва не зарезала прапорщика Лагутина. Он перевязан, освидетельствован доктором... Есть все основания...

К а л е д и н. Курсистка – прапорщика?

П о л я к о в с к и й. Ну так кидается же, как дикая кошка...

К а л е д и н. Приведите обоих. А потом... потом выполняйте распоряжение.

Поляковский собирает со стола чайные приборы и уходит.

Входят Лагутин и Альбам. У Лагутина перевязаны шея и рука. У Альбам связаны руки, одежда на груди разорвана.

К а л е д и н. Что это такое? Прапорщик, отвечайте!

Л а г у т и н. Да вот, ваше превосходительство, была арестована за проведение митинга на площади. Агитировала за солидарность со студентами Ростова. В участке, когда я начал с обыском... не прячет ли оружия или отраву... кинулась на меня, как дикая кошка, разбила стекло и осколком изрезала мне руку и шею.

К а л е д и н. Девица изрезала офицеру шею?! И это – офицер?! Не может совладать с девицей?!

Л а г у т и н. Виноват, ваше превосходительство.

К а л е д и н (*к Альбам*). Однако вы кто такая, какого роду и звания?

А л ь б а м. Я – Альбам, курсистка женских курсов Варшавского университета. Гражданка Области Войска Донского со дня своего рождения.

К а л е д и н. Гражданка?..

А л ь б а м (*с вызовом*). Да, гражданка!..

К а л е д и н. Однако православные студенты – верно-подданные и митингов не устраивают. А мутят все иноверцы и инородцы – из жидов и с Кавказа. При государе не выселили, так введем свою черту оседлости... Красные прут... Не хватало еще, чтобы вы мутили на Дону, который дал вам приют... И за что же, позвольте узнать, вы покушались на жизнь офицера?

А л ь б а м. Он имитировал обыск. (Гневно смотрит на Лагутина.) Да, имитировал. Сорвал блузку и белье. Пытался... пытался... Вы, как отец и взрослый мужчина, тоже его поощряете?

К а л е д и н (*начиная свирепеть*). Когда вам, большевикам, это выгодно, вы не знаете предрассудков. И женщины ваши, попирая российский стыд, доставляют удовольствие комиссарам под любым кустом. А здесь – сорвал блузку! Имитировал обыск!.. Солдаты заживо гниют в окопах. Вши заедают людей! Красные развешивают офицеров на фонарных столбах!! (*Лагутину*) Отведите ее в степь. Сто плетей преступнице за подстрекательство молодежи к бунту и покушение на офицера!

А л ь б а м. Убийцы! Погибнете, сгинете, как собаки, сотрется с лица земли след ваш, а имена, как песок, насыплет проклятие!

К а л е д и н (*вне себя*). Держите ее, прапорщик! (*Хватает нагайку*). Я сейчас сам всыплю тебе! Как отец!..

Входит Мария Петровна, атаманиша.

М а р и я П е т р о в н а (*в ужасе*). Алекс! Ты что?!
Руку – на женщину?!

К а л е д и н (*остывая, Лагутину*). Уведите арестованную... Выполняйте распоряжение.

М а р и я П е т р о в н а. Алекс, с тобой что-то стряслось?.. Положение на фронтах?..

К а л е д и н. Сорвался, матушка Мария Петровна, нервы сдают.

М а р и я П е т р о в н а. Однако она девочка совсем, в дочери тебе годится...

К а л е д и н. Да, ты права, извини. (*Поляковскому*) Поручик, догоните прапорщика и отмените мое распоряжение. Отпустите девчонку и предупредите, что если еще раз...

М а р и я П е т р о в н а. Я, впрочем, к тебе совсем по другому делу. Дело, конечно, благотворительное... Есть изумительная женщина. Начальница заведения для благородных девиц, княжна Наталья Николаевна Ордынская. Ты понимаешь, эта достойная женщина в сии лихолетные дни умудряется на благотворительные средства содержать заведение для благородных девиц... Нет-нет, речь не о казенных деньгах. У нее совсем маленькая просьба к тебе. Но ты ее должен принять.

К а л е д и н. Матушка, Мария Петровна, ну совсем не до этого... Тут такое!..

М а р и я П е т р о в н а. Алексей Максимович, ты не можешь не сделать этого. Я обещала. Это всего четверть часа, не больше. Ну и потом, ты понимаешь, благотворительность – это единственное, что может спасти сегодня Россию!

К а л е д и н. Ну конечно, конечно... пусть... пусть будет так.

Входит Поляковский.

П о л я к о в с к и й. Девица Екатерина Косова.

М а р и я П е т р о в н а. Я вижу, ты занят... Ждать ли тебя к обеду?

К а л е д и н. Нет. Чрезвычайное заседание правительства.

Мария Петровна уходит.

К а л е д и н. Кто-нибудь ждет еще, поручик?

П о л я к о в с к и й. Граф Татищев.

К а л е д и н. Что ему надо?

П о л я к о в с к и й. С жалобой, ваше превосходительство. Ночью... получил по физиономии. В заведении «Под красным фонарем».

К а л е д и н. Под красным?..

П о л я к о в с к и й. Да нет, это другое...

К а л е д и н. А! И за что надавали?

П о л я к о в с к и й. В заведении бьют... за девочек.

К а л е д и н. За девочек! И он туда же, старый альфонс... Скажите, что принять не могу, пусть разбирается сам. А владелицу дома вызовите и оштрафуйте тысяч этак на десять за безобразия в ее вертепе... А Косову пригласите сюда.

Поляковский удаляется.

Входит Екатерина Косова.

К а л е д и н. Здравствуйте, душенька моя Катерина.

Целует ей руки.

К о с о в а. Алексей Максимович, милый, что случилось? Почему вы позвали меня во дворец? Что могут подумать люди?

К а л е д и н. Мы должны были увидеться в эти минуты. Люди пусть думают, что хотят. Теперь, наверно, это не имеет значения.

Становится перед ней на колени.

К о с о в а. Ну что вы, что вы, Алексей Максимович... Мне ужасно неловко. И что такого особенного вы намерены сообщить мне?

К а л е д и н. Сообщить? Нет, сообщить я вам ничего не намерен. Но сказать... Мне много, очень много надо вам сказать.

К о с о в а. Я чувствую, случилось что-то неладное, и вы, наверно, хотите сказать, что больше не сможете видеть меня.

К а л е д и н. Да, это не исключено. Но вы не должны думать... Причина совсем другая. Вы для меня лучик, светлый тоненький лучик в этом ужасном мире. Я не думал, что судьба дарует мне в эти годы такую радость. Я этого не заслужил и не знаю, как благодарить вас, как уберечь от всего этого кошмара. Вы, Катерина Андреевна, стали для меня за это время, как дочь, и значительно больше... Я чувствую, что и сам стал другим. И уйти, если случится, мне теперь будет значительно легче. Я получил от жизни все, и теперь она не так дорога мне. Но я хочу сделать все возможное, чтобы оберечь вас.

К о с о в а. Что это значит – уйти?

К а л е д и н. Наступает противник... Трудно сказать. Возможно, придется отойти на юг... Или что-нибудь еще...

К о с о в а. Да, я понимаю. В такой многосложный момент я не хочу отягощать вас своими проблемами.

К а л е д и н. Вы золото, Катенька. Почему наши годы так разошлись? Почему я не встретил вас в те светлые времена, когда учился в Михайловском кадетском корпусе в Воронеже? Или в Забайкалье, в Варшаве. Или в другие юные годы. Когда я думаю о вас среди всей этой грязи и суеты, у меня щемит сердце... Я хочу одного – уберечь и защитить вас... Сегодня в Новочеркасск вернется полковник Чернецов. Это мой близкий друг. Зовут его Василий Михайлович. Он разыщет вас. Прошу доверять ему полностью. Вы поедете с ним в Ростов, я

буду просить Лавра Георгиевича лично опекать вас. Если будет нужно, вас отправят в Мариуполь или в Екатеринодар. Чтобы успокоить родителей, ваш отъезд можно объяснить, скажем, зачислением вас на службу.

К о с о в а. Могу ли я хотя бы надеяться, что увижу вас вновь?

Входит Поляковский.

П о л я к о в с к и й. Ваше превосходительство! Конноарочный из Ростова со срочным письмом от генерала Корнилова.

К а л е д и н. Давайте письмо.

К о с о в а. Алексей Максимович, храни вас Господь.

Уходит.

Каледин вскрывает письмо, читает.

К а л е д и н (Поляковскому). Пригласите Богаевского.

Входит Богаевский.

К а л е д и н. Это от Корнилова. (*Читает.*) «Заслушав доклад Лукомского о положении Добровольческой армии, я решил, что возложение на Добровольческую армию защиты Новочеркасска приведет ее к гибели. Согласиться на это не могу. Добровольческая армия вынуждена покинуть Область Войска Донского. Генерал Лавр Корнилов. Ростов, двадцать девятое января тысяча девятьсот восемнадцатого года». Что будет делать, Митрофан Петрович? Корнилова понять можно. Но ведь это конец.

Б о г а е в с к и й. Как сказать, Алексей Максимович. Конец! Но, вероятно, только для нас.

К а л е д и н. Если население не идет с нами, если мы нигде не встречаем поддержки, если мы не смогли... Впро-

чем, что значит – не смогли. Есть первое лицо, это атаман. И он должен уйти. Я должен сложить с себя полномочия. Вы – товарищ атамана, председатель правительства, и вы возьмете на себя все полномочия.

Б о г а е в с к и й. Нет, уйти мы обязаны вместе. «Не смогли» – это относится ко всем. Я считаю, что уйти должно все правительство... Министры ждут вас. Приглашены также Дума, станичное правление и военный комитет.

Уходит.

Каледин поправляет китель, достает из ящика письменного стола револьвер и сует в кобуру. Собирает необходимые бумаги, складывает в папку.

К а л е д и н (Поляковскому). Я – в областное правление на заседание правительства. (Направляется к двери, потом останавливается). Да, придет начальница заведения – примите ее от моего лица сами... (В дверях). И вот еще что, поручик, – подготовьте все к эвакуации. Слышите – к эвакуации!

Уходит.

В комнате дежурных у телефона остаются Поляковский и Лагутин.

П о л я к о в с к и й. Знаете, прапорщик, сволочная все-таки участь – дежурить в такие моменты. В клубе ничего не подозревают. Пьют. И пахнет телячьей котлеткой, анчоусами и подливкой. Я вам скажу, этот французик Поль не имеет себе равных. Возьмите навагу – простая, грубая рыба на зимнее время. Навага, когда вам дают ее дома, непременно пахнет чем-то, я бы сказал, рыбожабристым.

Л а г у т и н (усмехаясь). Как-как вы сказали – рыбо...

П о л я к о в с к и й. Рыбожабристым. Даже посасы-

вать ее у головы и под жаброй противно. Ковырнешь, где мясисто, и отодвинешь. А у Поля – не то. У Поля, доложу я вам, навага затмит молодую стерлядку. Он мочит ее в молоке, отжимает, окутывает сухарями на сметане, жарит каким-то секретным манером – планшетка на переплете, и все это крутится вокруг очага. Такую навагу, когда ее вам с лимончиком, головка в папиросной бумаге кудряшками, не то что скушать – поцеловать не откажешься. Аромат – ух! Мягкость и нежность – бывало, в Славянском Базаре, в Москве, подобной форели не едал!

Л а г у т и н. Я – нет... По мне, французская кухня – так давайте французскую. А могу и из походного котелка, вместе с солдатами... Походный котелок – он всегда полон открытий. Тут тебе и пупочек, и лапка, и лист непроваренной капусты, и куриный жирок...

П о л я к о в с к и й. Оставьте, прапорщик! Вы пойдите в клуб и взгляните в эти тарелки.

Л а г у т и н. Однако чревоугодие в известное время дает себя знать, например, ожирением. И по отношению к дамскому полу обедание имеет свой минус... Мужчина не полный, поджарый дольше всех сохраняет применение способности.

П о л я к о в с к и й. Оставьте, прапорщик! Ну кому будет нужно мое применение способности, если не сегодня-завтра нагрянут товарищи?

Л а г у т и н. А я в это не верю. Неудачи, конечно, заметные, но как-то не верится, что российское офицерское братство... да и все казачество Дона отдаст Новочеркасск на поругание евреям и комиссарам!

П о л я к о в с к и й. Вы просто не знаете, прапорщик... И бежать нам придется срочно, толком не собравшись. На переправе кони будут давить людей, а Сиверс будет размахивать над нашими головами шашкой до самого моря.

*Поляковский берет гитару и начинает петь.
Резко звучит телефонный звонок. Поляковский берет
трубку.*

Поляковский. Да! Да... Слушаю...

Медленно кладет трубку.

Лагутин. Что там?

Поляковский. Каледин объявил об отставке своей и правительства.

Лагутин. И что?

Поляковский. Отставка без обсуждения принята.

Пауза.

*Поляковский достает бутылку. Офицеры
наливают и пьют.*

Входит Ордынская.

Ордынская. Доложите генералу: начальница заведения Ордынская.

Поляковский. Еще раз.

Ордынская. Ордынская, Наталья Николаевна. По предварительной договоренности.

Поляковский. По предварительной договоренности? Так атамана нет... Велел нам принять начальницу.

Ордынская. Не знаю... Я... я по поводу моих девочек.

Поляковский. Что вы говорите?

Ордынская. Я говорю, по поводу девочек.

Поляковский. Девочек?..

Ордынская. Да... Как вы, конечно, знаете, им теперь решительно невозможно выходить одним из заведения. Всякие хулиганы, апаши пристаю́т к ним.

Поляковский. Апаши пристаю́т?

Ордынская. Ужас. Поэтому я и прошу снарядить

отряд, чтобы он провожал барышень, когда они будут выходить в город и, конечно, обратно в заведение.

П о л я к о в с к и й. Провожать отряду твоих сучек? Рехнулась? А этого не хочешь?! (*Крутит перед носом Ордынской два кукиша*). Ах ты, старая стерва, потаскуха! Я тебе покажу проводы с отрядом!

О р д ы н с к а я (*ошеломленно*). Что?.. Кто?.. Как вы смеете, сударь?!

П о л я к о в с к и й. Скажи-ите! Да от твоих шлюх нам самим горожан охранять надо.

О р д ы н с к а я (*в ужасе*). Нахал! Негодяй! Я пожалуюсь атаману!

П о л я к о в с к и й. Атаману? Ой, уморила – атаману! Я тебе сейчас прикажу плетюганов всыпать, старая стерва. Ну! Чего глазами хлопаешь?

Ордынская падает в обморок.

П о л я к о в с к и й. У тебя в вертепе порядочных людей по мордасам бьют. А ну-ка, прапорщик, дайте этой ведьме под зад коленкой.

Л а г у т и н. Сдается мне, что эта Ордынская – от атаманши.

П о л я к о в с к и й. От какой атаманши!.. Она же сама сказала: начальница заведения.

Л а г у т и н. Ну да, заведения. Учебного заведения... Для благородных девиц... Пепиньерок.

П о л я к о в с к и й. А... А... Пепиньерок!..

Поляковский и Лагутин бросаются к Ордынской, брызгают на нее водой. В комнату быстро входит Каледин.

К а л е д и н. Это еще что!..

П о л я к о в с к и й. Виноват, ваше превосходительство, опростоволосился... Подумал, что это – начальница

заведения... ну... мамаша из вертепа. А это – дама. Ну, в общем, начальница, директриса... Ордынская.

О р д ы н с к а я (*очнувшись*). Генерал, как можно? Я буду жаловаться! Я обращусь в газеты!.. Это что – русская армия?! Это сброд, какие-то подонки!..

К а л е д и н. Прошу вас, успокойтесь. Это недоразумение, Наталья Николаевна.

О р д ы н с к а я. Это безобразие!

Уходит.

К а л е д и н. А впрочем, это уже не важно... Действительно, подонки...

Направляется в кабинет.

Входит Богаевский, с ним измученный, весь в дорожной грязи казак.

Б о г а е в с к и й. Алексей Максимович! От Чернецова... О Чернецове...

Каледин останавливается на пороге кабинета.

К а л е д и н (*воодушевляясь*). Я же говорил! Никакая сила... (*Взяв себя в руки*). Что доносит полковник?

К а з а к. Полковник Чернецов убит, ваше превосходительство. На месте встречи с вашим человеком из штаба большевиков его ждала засада. Допрашивали два дня. Полковник держался как мог. Подхорунжий Подтелков разъярился и собственной рукой зарубил его.

Пауза.

К а л е д и н. Засада?.. Началось предательство, господа казаки. Предательство и измена...

Пауза.

К а л е д и н (*Поляковскому*). Запишите приказ: «Походному атаману генералу Назарову. По всей линии фронта сопротивление войскам красных прекратить. Каледин».

*Богаевский и казак уходят.
Каледин проходит в кабинет.*

К а л е д и н. Что ж, сват, ты зарубил моего лучшего друга. Это была последняя надежда. Значит, настал мой черед.

Достает револьвер.

К а л е д и н. На, держи! Я кладу его в твою руку... пусть она у тебя не дрожит. Ты разозлился, разозлился как следует. Я хорошо помню по домашним застольям в станции – ты умешь быть злым...

*Подходит к иконе Божьей Матери, собираясь
стать перед ней на колени, но медлит,
пристально всматриваясь в лик, потом
отшатывается.*

К а л е д и н. Господи!.. Что это?.. Ты плачешь, Пресвятая Дева Мария?!

Входит Поляковский.

П о л я к о в с к и й. Ваше превосходительство, к вам архиепископ Гермоген.

К а л е д и н. Архиепископ? Зачем?..

П о л я к о в с к и й. Не могу знать. Весьма взволнован и настоятельно просит принять.

К а л е д и н. Впрочем, что ж... пожалуй, как раз вовремя... Пригласите.

Входит архиепископ Гермоген.

А р х и е п и с к о п. Здравствуйте, Алексей Максимович.

Каледин подходит под благословение.

К а л е д и н. Здравствуйте, Владыко. Благодарю вас за визит.

А р х и е п и с к о п. До меня дошла странная весть о вашей отставке, Алексей Максимович. Я не мог тому поверить и поспешил...

К а л е д и н (*мягко перебивает*). Случилось знамение, Владыко. На глазах иконы Божьей Матери, которой я молюсь каждое утро, выступили слезы и, как видите, не иссушаются.

Пауза.

Архиепископ Гермоген смотрит на икону.

Крестится.

А р х и е п и с к о п. Страшная бесовская сила пробудилась в нашем Отечестве. Скверна заливаает сердца и души людей. Супостат сам не ведает, что творит. Нет ничего страшнее, чем лишить человека веры и страха. Такой человек сметет и разрушит все на своем пути. И посеявший ветер сам пожнет бурю. У чудотворной иконы слезы выступают на глазах во времена смуты и раздоров. Выводите войско, Алексей Максимович и пронесите впереди чудотворную икону. Божья Мать поможет вам одолеть антихриста и уничтожить скверну.

К а л е д и н. Войска нет, Владыко. Полки в Донецком округе подняли мятеж, разграбили войсковые деньги, лошадей, имущество и рассеялись по хуторам. В Усть-Медведицком округе вернувшиеся фронтовики вместе с бандой красногвардейцев учинили полный разгром на линии железной дороги, избили офицеров и администра-

цию станции. Развал строевых частей достиг предела, удостоверены факты, когда казаки за деньги продают своих офицеров. Вот какие теперь казаки. Все держится на нескольких партизанских отрядах, главным образом из молодежи и студентов. Вы знаете – я каждый вечер прихожу отпевать десятки погибших юнцов. Атаманство для меня – тяжелый долг, и трагедия состоит в том, что мне больше не с кем этот долг выполнять. Я сам – потомственный казак, но скажу вам прямо, Владыко: казачество в трудные времена – бежит. Слишком привыкло к легкому успеху, к бесшабашной гульбе и громким победам.

Архиепископ. Что же вы думаете делать, Алексей Максимович?

Каледин. Думаю, у меня еще есть способ и найдутся силы проявить мужество и всколыхнуть Дон.

Архиепископ. Не ведаю, о чем идет речь, но скажу вам, Алексей Максимович: сегодня вы единая надежда для Дона и всей России. Выводите войско. Православная церковь благословляет вас, атаман. (*Крестит Каледина*). Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь!

Уходит.

Каледин. Православная церковь благословляет...

Пауза.

Каледин ходит по кабинету.

Каледин. Итак, решение принято. Прости меня, Господи! Другого выхода нет. Корнилов уходит. Казаки идут розно, и всем не любя интеллигенция и офицеры. Оборонять Новочеркасск некому. Предательство: убит Чернецов...

Пауза.

К а л е д и н. Катя... Катенька, душа моя, я во всем виноват, и я, преступник, даже не могу теперь охранить тебя. Каледин стал ненавистен на Дону и в России. Им нужен атаман-победитель. Платов. Им нужно брать Париж, идти на Москву. А у Каледина нет даже полка, чтобы оборонять себя и столицу донскую. Не сегодня-завтра в атаманское кресло сядет самозванец... Так, может, прав был Брусиллов, и я напрасно злюсь на него? Не по Сеньке оказалась шапка. Каждому человеку дан известный предел его способностям, который зависит от многих слагаемых его личности, а не только от ума и знаний... Однако ведь как избирали! Возвышали, клялись в любви и верности. А сегодня, даже не вспомнив о том, с какими-то каменными, отрешенными лицами слушали об отставке... Это ясно: сопротивление невозможно. Чтобы смягчить участь жертв, нам надо уйти... Позорный плен или свободная смерть? Что ж, атаман, ты должен быть сильным. Пусть твой последний поступок внушит братьям-казакам, что сила – за нами, что победить нас нельзя.

Садится за стол, пишет.

К а л е д и н. «Генералу Алексееву. Двадцать девятое января тысяча девятьсот восемнадцатого года. Два часа двенадцать минут. Многоуважаемый генерал Алексеев! Волею судьбы и желанием казачества Тихий Дон вверил Вам судьбу казачества... Вы смело взялись за свое дело, но не учли того обстоятельства, что казачество идет за своими вождями до тех пор, пока вожди приносят ему лавры победы, а когда дело осложняется, то они видят в своем вожде не казака по духу и происхождению, а слабого проводителя своих интересов и отходят от него. Так случилось и со мной и случится с Вами, если Вы не сумеете одолеть врага; но мне дороги интересы казачества, и я Вас прошу пощадить их и отказаться от мысли разбить большевиков по всей России. Казачеству необходимы вольность и спокойствие; избавьте Дон от змей, но даль-

ше не ведите на бойню моих милых казаков. Я ухожу в вечность и прощаю Вам все обиды, нанесенные мне Вами с момента Вашего появления на нашем Кругу. Пусть те, кто придет вслед за нами, простят и меня.

*Берет револьвер, подходит к зеркалу,
внимательно всматривается в свое лицо.
Взводит курок. Возвращается к столу,
достаёт из тумбочки какие-то бумаги,
деньги. Пишет.*

К а л е д и н. «Деньги сии, полученные от граждан на благотворительные цели, передать девице Екатерине Косовой для устройства приюта для беспризорных детей. Генерал Каледин. Двадцать девятое января тысяча девятьсот восемнадцатого года. Два часа двадцать четыре минуты».

*Берет револьвер и подходит с ним к дивану,
кладет на диван.
Гасит свет, зажигает лампаду.
Становится на колени.*

К а л е д и н (*читает молитву*). Живущий под кровом Всевышнего под сению Всемогущего покоится. Говорит Господу: «Прибежище мое и защита моя. Бой мой, на которого я уповаю!» Только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым. Ибо сказал: «Господь – упование мое». Всевышнего избрал ты прибежищем твоим. Не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему. Ибо ангелам своим заповедает о тебе – охранять тебя на всех путях твоих. На руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею.

*Крестится, встает с колен, подходит к
дивану. Снимает китель, Георгиевский
крест, ложится, берет револьвер.*

Задумывается, как бы вспоминая о чем-то.

К а л е д и н. Ты прав, жутко ты прав, господин-товарищ Антонов-Овсеенко, донося Ленину, что «голова Каледина, которой они хотят отделаться от пролетарской революции, и без их помощи не останется на плечах у владельца ее». Я ухожу сам.

Подносит револьвер к груди и стреляет.

Пауза.

Откуда-то из глубины возникает пение

«Вечная память».

В кабинет вбегают Богаевский, дежурные офицеры.

Тело Каледина выносят, укладывают на стол. Появляются Мария Петровна и все, с кем встречался в этот день Каледин.

Б о г а е в с к и й. Что ты сделал, Алексей Максимович, зачем оставил нас? Откуда у тебя эта слабость? Еще никогда атаман не оставлял казаков в смутное время. Большевики на границах, Ленин шлет телеграммы, а избранный атаман пускает себе пулю в сердце. Ты был носителем верховной государственной власти, пусть только на нашем Дону, но государственная идея, которую ты воплощал, была единственной для всей нашей умученной и распятой России. Не уходит ли с избранным атаманом в небытие на десятилетия и века само казачество Дона? Чувствую, вижу, что за смертью атамана должно последовать что-то более ужасное для всего батюшки Дона.

Протяжно начинает гудеть старый соборный колокол.

М а р и я П е т р о в н а. Полтора лет не проживет, скорбя, Мария Петровна.

Б о г а е в с к и й. Богаевского через два месяца расстреляют в Ростове, в Балабаңовской роще.

Ч е р е в к о в. Жизнь Подтелкова и Кривошлыкова оборвется на виселице, наспех устроенной меж двух чахлых верб.

Г о л у б о в. Голубов поднимет в марте Новочеркасский мятеж против Советской власти и погибнет от руки казака.

А р х и е п и с к о п. Запылают казачьи курени, застонет и занует донская земля. Запылает батюшка Дон. И поплывут по реке тела, разрубленные до пояса братской рукой.

Колокол начинает поминальные звоны.

А р х и е п и с к о п. И впервые казак поднимет шашку на казака.

Ч е р е в к о в. Донская область на первое января тысяча девятьсот семнадцатого года насчитывала четыре миллиона четыреста двадцать восемь тысяч восемьсот сорок шесть человек, а на первое января тысяча девятьсот двадцать первого года – два миллиона двести пятьдесят две тысячи девятьсот семьдесят три человека. За четыре года революции и гражданской войны Дон потерял половину своих жителей.

Б о г а е в с к и й. Прощай, атаман! Уходя в вечность, ты просил, чтобы те, кто придет за нами, простили тебя...

Занавес.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ КАЗАК, ОФИЦЕР, ГЕНЕРАЛ.

1. Бела́я Росси́я. Альбом № 1. Составитель генерал С. В. Денисов. Нью-Йорк, 1937. С. 68.
2. Донское слово. Апрель 1992 г.
3. См.: Семанов С. К истории «Тихого Дона». В кн.: Михаил Шолохов. Тихий Дон. М., 1980. Т. 1. С. 743.
4. Гушин А. Три момента (Из встреч с А. М. Калединым) // Донская волна. 1918. 18 июня. С. 2.
5. Станичный вестник (Монреаль, Канада). Сентябрь 1991 г. С. 8.
6. Бела́я Росси́я. Альбом № 1. С. 68.
7. Станичный вестник. Апрель 1990 г. С. 3.
8. Станичный вестник. № 7. Сентябрь 1991 г. С. 8. После Октябрьского переворота 1917 года училище прекратило свою деятельность, возобновив ее в июне 1918 года при атамане П. Н. Краснове. 21 ноября 1919 года его переименовали в Атаманское военное училище, эвакуировав в декабре этого же года в Крым. Здесь оно было объединено с Донским военным училищем в Донской юнкерский полк. В составе Русской армии генерала П. Н. Врангеля чины училища воевали в Северной Таврии и на Кубани. В ноябре 1920 года училище было эвакуировано на остров Лемнос, потом перебазировано в Болгарию. В 1923 году училище переехало в Париж, создав там «Объединение Атаманского военного училища».
9. Петровский Андрей Иванович (1867 – 1924) – поэт и общественный деятель Дона. Родился в станице Каменской. окончил юридический факультет Харьковского университета, работал в новочеркасском окружном суде. Депутат 2-й Государственной Думы России. Автор книги прозы «Рассказы об атаманах» и стихотворных сборников «От сердца», «Донские мотивы». Переписывался с А. П. Чеховым, издал воспоминания о нем.
10. Петровский А. Из воспоминаний о А. М. Каледине // Донская волна. 1918. 18 июня. С. 4.
11. Богаевская Е. Д. Рядом... // Станичный вестник. Сентябрь 1993 г. С. 25. Есть, впрочем, сведения, что у Каледина был сын, в возрасте 12 лет утонувший в реке Тузлов в Новочеркасске. (См.: Победа (Аксай). 15. 10. 91).
12. Станичный вестник. Апрель 1990 г. С. 4.

ГЛАВА ВТОРАЯ НА ФРОНТАХ «ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ».

1. Из переписки А. М. Каледина // Донская волна. 1918. 18 июня. С. 5.
2. Келлер Федор Артурович (1857 – 1918) был одним из выдающихся ка-

валерийских военачальников России; за храбрость был награжден Золотым Георгиевским оружием и орденом Святого Георгия 4-й и 3-й степеней. Не принял Октябрьскую революцию. Убит петлюровцами 8 декабря 1918 года выстрелом в спину в Киеве, на Софийской площади у памятника Богдану Хмельницкому. (См.: Кручинин А. Христианский воин // Русский вестник. 1994. №№ 21 – 26. С. 6).

3. Цит. по: Станичный вестник. Апрель 1990 г. С. 4.
4. Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1991, С. 259.
5. Белая Россия. Альбом № 1. С. 68.
6. Деникин А. И. Указ. соч. С. 273.
- 7: См.: Донская волна. 1918. 18 июня.
8. Станичный вестник. Апрель 1991 г. С. 4.
9. Наступление Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 года: Сборник документов. М., 1940. С. 15.
10. История Первой мировой войны 1914 – 1918 гг. М., 1975. Т. 2. С. 186.
11. Военно-исторический журнал. 1996. № 4. С. 27.
12. Из переписки А. М. Каледина. С. 4.
13. Наступление Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 года. С. 113 – 114.
14. Там же. С. 114.
15. Там же.
16. Деникин А. И. Указ. соч. С. 286.
17. Из переписки А. М. Каледина. С. 3 – 4.
18. Севский В. Казачий Иван-царевич // Донская волна. 1918. 18 июня. С. 7.
19. Деникин А. И. Указ. соч. С. 285.
20. Из переписки А. М. Каледина. С. 3.
21. Брусилов А. А. Мои воспоминания. Рига: Кн. изд-во «Мир». б/г. С. 150.
22. Наступление Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 года. С. 20.
23. Месснер Е., Эйхенбаум И. Великая Луцк-Черновицкая победа 1916 года. Буэнос Айрес, 1966. С. 14.
24. Наступление Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 года. С. 20.
25. Там же. С. 290 – 291.
26. Там же. С. 20.
27. Там же. С. 288.
28. Белая Россия. Альбом № 1. С. 68.
29. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914 – 1918 гг. М., 1923. Т. 1. С. 182.
30. Цит. по: Гордеев А. А. История казаков. М., 1993. Т. 4. С. 82.
31. Людендорф Э. Указ. соч. Т. 1. С. 182.
32. Месснер Е., Эйхенбаум И. Указ. соч. С. 8. Горжусь тем, что мой отец Астапенко Павел Митрофанович, рядовой солдат русской армии, участвовал в Луцком (Брусиловском) прорыве.
33. Стратегический очерк войны 1914 – 1918 гг. М., 1923. Ч. 5. С. 73, 103.
34. Там же. С. 556 – 557.
35. Гарт Лиддел. Правда о войне 1914 – 1918 гг. М., 1935. С. 187.
36. Из переписки А. М. Каледина. С. 4.
37. Севский. Указ. соч. С. 7.

38. Верховное командование в первые дни революции.// Красный архив. 1924. Т. 5. С. 226.

39. Военно-исторический журнал. 1996. № 4. С. 27. После отстранения Корнилова 8-й армией командовал поручик А. И. Геккер (до марта 1918 г.).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ АТАМАН ВОЙСКА ДОНСКОГО

1. Отчет о деятельности Донисполкома (2 марта – 2 мая 1917 г.) Новочеркасск, 1917. С. 2.

2. *Волошинов Евгений Андреевич* (1880 – 1918) – донской казак, родился в Новочеркасске, окончил Донской кадетский корпус. Был известен на Дону как талантливый композитор и пианист, инициатор не осуществленной тогда идеи открытия в Ростове Донской консерватории. Расстрелян большевиками 17 февраля 1918 года. Похоронен в Новочеркасске.

3. Исторический журнал. 1940. № 2. С. 131.

4. *Кривошлыков Михаил Васильевич* (1894 – 1918) – родился на хуторе Ушакове станицы Еланской. Окончил Новочеркасское юнкерское училище. в годы Первой мировой войны в чине прапорщика командовал сотней 28-го Донского казачьего полка. В дальнейшем был секретарем Донского Военно-революционного комитета, комиссаром по управлению делами Совнаркома Донской Советской республики. Повешен казаками в хуторе Пономареве Усть-Медведицкого округа 11 мая 1918 года. 6 марта 1919 года приказом № 333 Реввоенсовета Южного фронта красный хутор Ушаков был переименован в хутор Кривошлыковский (См.: Документы героических лет. Ростов н/Д, 1987. С. 245.).

5. *Ковалев Виктор Семенович* (1883 – 1919) – происходил из казаков, служил сотенным кузнецом в Атаманском полку. В 1908 году был сослан в Сибирь за революционную деятельность. На Дон вернулся в мае 1917 года, став депутатом Первого Войскового Круга. В апреле 1918 года возглавил ЦИК Донской Советской республики. Сподвижник Ф. К. Миронова, который и похоронил Ковалева, умершего в марте 1919 года от простуды в г. Фролове (ныне Волгоградской области).

6. *Миронов Филипп Кузьмич* (1872 – 1921) – донской казак, родился в Усть-Медведицком округе, окончил Новочеркасское юнкерское училище. В 1903 году был избран атаманом станицы Распопинской. Участник русско-японской войны, награжден Георгиевскими крестами, получил чин подьесаула. В годы Первой мировой войны отличился в ряде сражений, став войсковым старшиной и получив за храбрость Золотое Георгиевское оружие. После Октябрьской революции командовал дивизией, кавалерийским корпусом и 2-й Конной армией красных. В феврале 1921 года приказом Реввоенсовета Республики был назначен главным инспектором кавалерии РСФСР, но неожиданно был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. 2 апреля 1921 года застрелен часовым с вышки во время прогулки по тюремному двору.

7. *Боздзевский Митрофан Петрович* (1881 – 1918) родился в слободе Ольховке Донецкого округа. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, работал директором Каменской общественной гимназии. В марте 1917 года избран заместителем председателя Общеказачьего съезда в Петрограде, став известным в стране как яркий, талантливый оратор – «донской Златоуст», «донской Боян».

8. Вольный Дон. 1917. № 58.

9. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Фонд 3690. Опись 1. Дело 47. Листы 3 – 4, 6.

10. Мельников Николай Михайлович (1882 – 1972) – историк, юрист, журналист, общественный и политический деятель Дона. Родился в станице Качалинской, окончил юридический факультет Московского университета. Делегат Всех Донских Войсковых кругов 1917-1919 годов, депутат Учредительного собрания России. В сентябре 1917 года был председателем Большого Войскового Круга. В декабре 1919 года был избран председателем Донского правительства, с февраля 1920 года – председатель Совета Министров Южно-Русского правительства в Крыму. Автор ряда книг и статей по истории гражданской войны в России. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа под Парижем.

11. Мельников Н. Алексей Максимович Каледин. Личность и деятельность: Воспоминания // Донская летопись. 1923. № 1. С. 17.

Ефремов Иван Николаевич (1866 – ?) – юрист по образованию, мировой судья и публицист, был депутатом 3-й и 4-й Государственных Дум России. В составе Временного правительства занимал посты министра юстиции и народного призрения. Являлся депутатом Донских Войсковых Кругов 1917 – 1919 годов. С 1920 года – в эмиграции.

12. Донская волна. 1918. 18 июня. С. 2.

13. Мельников Н. Указ. соч. С. 17.

14. ГАРО. Ф. 3690. Оп. 1. Д. 47. Л. 8.

15. Мельников Н. Указ. соч. С. 18.

16. Донская волна. 1918. № 2. С. 9.

17. Там же. С. 8.

18. Мельников Н. Указ. соч. С. 19.

19. См.: Постановления Донского Войскового Круга. Первый созыв. 26 мая – 18 июня 1917 года. Новочеркасск, 1917. С. 2 – 3.

20. Петровский А. Указ. соч. С. 5.

21. Бьюкенен Д. Моя миссия в России: Воспоминания дипломата. Берлин, 1924. Т. 2. С. 108.

22. Мельников Н. Указ. соч. С. 36.

23. Петровский А. Указ. соч. С. 5.

24. Приазовский край. 1917. 25 июня.

25. Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР). Ф. 1255. Оп. 1. Д. 6. Л. 25.

26. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 128.

27. См.: Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. М., 1988. С. 62.

28. См.: Медведев Р. А., Стариков С. П. Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова. М., 1989. С. 55.

29. Постановления Донского Войскового Малого Круга 2 – 7 августа 1917 г. Новочеркасск, 1917. С. 4.

30. Рузский Николай Владимирович (1854 – 1918), генерал от инфантерии, бывший командующий Северным фронтом, в это время получил отставку и ехал лечиться в Кисловодск. Взятый в заложники большевиками, он будет зарублен ими в Пятигорске 21 октября 1918 года. Зарубит Рузского «кинжалом» председатель пятигорского ЧК Атарбеков (См.: Мельгунов С. П. Красный террор в России 1918 – 1923 гг. С. 26, 122.).

31. Брусилев А. Мои воспоминания (неопубликованные материалы) / Совершенно секретно. 1991. № 1.
32. Приазовский край. 1917. 13, 17 августа.
33. Цит. по: Революционное движение в России в августе 1917 года. М., 1959. С 360.
34. Второй Большой Донской Войсковой Круг, созданный в Новочеркасске в сентябре 1917 года. Новочеркасск, 1917. С. 13.
35. Правда о «мятеже» генерала Корнилова и генерала Каледина. Новочеркасск, 1917. С. 27, 31.
36. Милоков П. Н. История второй русской революции. София, 1922. Т. 2. С. 117.
37. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С 259.
38. Протоколы Центрального комитета РСДРП (б) (август 1917 – февраль 1918). М., 1958. С. 8.
39. Цит. по: Иоффе Г. З. Белое дело. Генерал Корнилов. М., 1989. С. 99.
40. Цит. по: Ковалев Н. Страничка прошлого // Донская волна. 1918. № 2. С. 6.
41. Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. М., 1992. С. 35.
42. Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 127.
43. Мельников Н. Указ. соч. С. 30.
44. Государственное совещание 1917 года в документах и материалах. М. – Л., 1930. С. 290-291.
45. Голубов Николай Матвеевич (1881 – 1918) – родился в Новочеркасске, окончил Донской кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. Участвовал в русско-японской войне 1904 – 1905 гг., считался одним из лучших разведчиков русской армии. В период Первой мировой войны сражался в составе 27-го Донского казачьего полка, отличился исключительной храбростью (имел 16 ранений), братским отношением к рядовым казакам (сам он имел чин войскового старшины) и независимостью в отношениях с начальством. Участник Первого Большого Войскового Круга. Его выступления отличались резкостью суждений и носили пробольшевистский характер. Встал на сторону Подтелкова, способствовал гибели есаула Чернецова и атамана А. М. Назарова, сменившего Каледина. 6 марта 1918 года арестовал М. П. Богаевского, вскоре расстрелянного в Ростове, в Балабановской роще. Убит 29 марта того же года в станице Заплавской студентом Пухляковым.
46. Цит. по: Кириенко Ю. К. Революция и донское казачество. Ростов н/Д, 1988. С. 128.
47. Вольный Дон. 1917. 20 августа.
48. Там же. 1917. 31 августа.
49. Там же. 1917. № 121.
50. Цит. по: Кириенко Ю. К. Указ. соч. С. 147.
51. Мельников Н. А. М. Каледин – герой Луцкого прорыва и Донской атаман. Мадрид, 1968. С. 169.
52. Казачий путь. Прага, 1926. № 75. С. 14.
53. См.: Усть-Медведицкая газета. 1917. №№ 53, 54.
54. Вольный Дон. 1917. 3 сентября.

55. Партийный архив Ростовской области (ПАРО). Ф. 12. Оп. 2. Д. 154. Л. 45.
56. Второй Большой Войсковой Круг. С. 14 – 15.
57. Цит. по: Кириенко Ю. К. Указ. соч. С. 155.
58. Мельников Н. Алексей Максимович Каледин. Личность и деятельность // Донская летопись. 1923. № 1. С. 33.
59. Волный Дон. 1917. 18 октября.
60. Ковалев П. Указ. соч. С. 6.
61. Мельников Н. Указ. соч. С. 35.
62. Басов Н. Алексей Максимович Каледин. // Станичный вестник. Сентябрь 1991. С. 35.
63. Речь. 1917. 18 октября.
64. Волность. 1917. 18 октября.
65. Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. С. 49.
66. Документы Раймонда Робинса // Вопросы истории. 1970. № 8. С. 121.
67. Цит. по: История гражданской войны в СССР. Л., 1936. Т. 1. С. 474.
68. Игнатьев А. В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М., 1966. С. 373.
69. Приазовский край. 1917. 31 октября. Вольный Дон. 1917. 1 ноября.
70. Вольный Дон. 1917. 24 ноября.
71. Ростовская речь. 1917. 1 октября.
72. Вольный Дон. 1917. 12 октября.
73. Кириенко Ю. К. Указ. соч. С. 168.
74. См.: Владимирова В. Революция 1917. Хроника событий. Л., 1924. Т. 4. С. 153.
75. Богачевская Е. Д. Указ. соч. С. 26 – 27.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

1. Документы героических лет. 1917 – 1920. Ростов н/Д, 1987. С. 82 – 83.
2. Вольный Дон. 1917. № 166.
3. Иоффе Г. З. Указ. соч. С. 226.
4. Волный Дон. 1917. 8 ноября.
5. Приазовский край. 1917. 17 ноября
6. *Полковников Георгий Петрович* (1883 – 1918) родился в станице Криванской, участвовал в русско-японской войне 1904 – 1905 гг. Окончил Академию Генерального штаба. В годы Первой мировой войны командовал полком. Командующим Петроградским военным гарнизоном назначен 4 (17) сентября 1917 года, а 25 октября уже был отстранен от этой должности за нерешительность в борьбе с большевиками. В марте 1918 года взят в плен большевиками в Задонской степи и на зимовнике Безуглова повешен.
7. Красный архив. 1926. Т. IX. С. 193.
8. Цит. по: Иоффе Г. З. Указ. соч. С. 188.
9. См.: Савинков Б. (Ропшин В.). То, чего не было. М., 1992. С. 75 – 76.
10. Деникин А. И. Очерки русской смуты. М. – Л., 1927. Т. 2. С. 173.
11. Лукомский А. Из воспоминаний // Архив русской революции. М., 1991. Т. 5. С. 137.

12. Бугураев М. Атаман Каледин А. М. // Станичный вестник. Апрель 1991 г. С. 11.
13. Иоффе Г. З. Указ. соч. С. 224.
14. Соловьев О. Ф. Подготовка и начало антисоветской интервенции Антанты: По мотивам французских и английских архивов // Новая и новейшая история. 1977. № 6. С. 137.
15. Наше знамя. 1917. 24 ноября.
16. Документы героических лет. 1917 – 1920. С. 107.
17. Бугураев М. Указ. соч. С. 11.
18. Шолохов Михаил. Тихий Дон. Ростов н/Д, 1988. Т. С.
19. Цит. по: «М. П. Богаевский»: Сб. статей. Париж, 1964. С. 109.
20. Цит. по: Москатов П., Шаблиевский Г., Карагодская М. Рабочий класс Дона в борьбе за Советскую власть. Ростов н/Д, 1957. С. 59.
21. Бьюкенен Д. Указ. соч. Т. 2. С. 151.
22. Цит. по: Соловьев О. Ф. указ. соч. С. 138.
23. Там же.
24. Там же. С. 139.
25. Центральный Государственный военно-исторический архив (ЦГВИА). Ф. 2126. Оп. 1. Д. 618. Л. 360.
26. Мельников Н. Указ. соч. С. 37.
27. Вольный Дон. 1917. 7 декабря.
28. Мельников Н. Указ. соч. С. 38.
29. Цит. по : Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. С. 73.
30. Гуковский А. И. Антанта и Октябрьская революция. М. – Л., 1931. С. 126.
31. Импералистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. С. 77.
32. Приазовский край. 1918. 25 января.
33. Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965. С. 140 – 141.
34. Социал-демократ. 1918. 19 января.
35. Борьба за власть Советов на Дону. Ростов н/Д, 1957. С. 218 – 219.
36. Приазовский край. 1918. 16 января.
37. Пролетарская революция на Дону. М. – Л., 1924. № 4. С. 195.
38. См.: Молодая гвардия. 1990. № 11. С. 190.
39. Кириенко Ю. К. Указ. Соч. С. 216. Из других ведущих партий России, принявших участие в выборах в Учредительное собрание на Дону, известны следующие результаты: эсеры (2-й список) получили 3 % голосов; меньшевики (8-й список) – 1 % (См.: Медведев Р. А. Стариков С. И. Указ. соч. С. 55.).
40. Борьба за власть Советов на Дону. С. 221.
41. Москатов П. и др. Указ. соч. С. 63.
42. Ленин В. И. ПСС. Т. 50. С. 21 – 22.
43. Борьба за власть Советов на Дону. С. 237.
44. Пролетарская революция на Дону. № 4. С. 195.
45. Мельников Н. Указ. соч. С. 39.
46. Петровский А. Указ. соч. С. 5.
47. Гуль Р. Ледяной поход. М., 1992. С. 33 – 34. К этому времени относится графический портрет Каледина, выполненный М. Б. Грековым (См.: Молот. 5. 9. 1995).

48. Лукомский А. Указ. соч. С. 148.

49. *Чернецов Василий Михайлович* (1890 – 1918) – уроженец станицы Калитвенской, окончил Новочеркасское казачье училище. Участник Первой мировой войны, отличился исключительной отвагой, имел орден Святого Георгия 4-й степени. 21 января (3 февраля) 1918 года был окружен со своим отрядом красной конницей Н. М. Голубова, ранен в ногу. Во время переговоров попал в плен и при конвоировании в хутор Астахов зарублен Подтелковым. Похоронен в Новочеркасске.

50. Станичный вестник. Сентябрь 1993 г. С. 17 – 18.

51. Шолохов Михаил. Тихий Дон. Кн. 2. С. 179.

ГЛАВА ПЯТАЯ ВЫСТРЕЛ ЧЕСТИ

1. Богаевская Е. Д. Указ. соч. С. 27.

2. Мельников Н. Указ. соч. С. 39.

3. Там же. С. 39 – 40.

4. Рытченков С. Памяти атамана Каледина // Станичный вестник. Сентябрь 1993 г. С. 19.

5. Мельников Н. Указ. соч. С. 40.

6. *Сидорин Владимир Ильич* (1882 – 1939), донской казак, выпускник Николаевской военной Академии, принимал участие в русско-японской и Первой мировой войнах. В феврале 1919 года будет произведен в генерал-майоры и станет командующим Донской армией. С 1920 года – в эмиграции, будет работать в штабе чехословацкой армии. Похоронен в Праге.

7. Рытченков С. Указ. соч. С. 18.

8. Цит. по: Пролетарская революция на Дону. № 4. С. 230.

9. Богаевский М. 29 января 1918 года // Донская волна. 1918. № 2. С. 13. Позже эта пуля была передана в фонды Донского музея в Новочеркасске.

10. Рытченков С. Указ. соч. С. 20.

11. Там же. С. 21.

12. Мельников Н. Указ. соч. С. 15.

13. Цит. по: Мельников Н. Указ. соч. С. 41.

14. Лукомский А. Указ. соч. С. 149.

15. Рытченков С. Памяти атамана / Казачьи думы. 1923. № 120. 11 февраля.

16. Бунин Иван. Окаянные дни. М., 1991. С. 38.

17. Донская волна. 1918. 18 июня. С. 15.

18. Там же. 1918. № 2. С. 25.

19. Там же. 1918. 18 июня. С. 15.

20. Лукомский А. Указ. соч. С. 149.

21. Краснов П. На внутреннем фронте // Архив русской революции. М., 1991. Т. 1. С. 189.

22. Ковалев П. Указ. соч. С. 6.

23. Станичный вестник. Сентябрь 1993 г. С. 19.

24. Мельников Н. Указ. соч. С. 41.

СОДЕРЖАНИЕ

МИХАИЛ АСТАПЕНКО

Атаман Каледин

Историческое повествование 7

ЕВГЕНИЙ КОРНИЛОВ

Последний день атамана Каледина

Сцены трагедии 119

Примечания 152

Атаман Каледин

Редактор В.В. Безбожный
Художественный редактор З.А. Лазаревич
Компьютерный набор В.А. Авдеев
Компьютерная верстка Н.В. Шляхова
Корректоры: Л.Н. Горбунова, В.И. Резанова

Лицензия ЛР № 061034 от 14 апреля 1992 г.
Сдано в набор 8.03.97. Подписано в печать 16.05.97.
Формат 84x108/32. Гарнитура Таймс.
Усл. п.л. 8,40. Тираж 5000. Заказ № 127.
ЗАО «Книга», 344019, Ростов-на-Дону,
Советская, 57.